

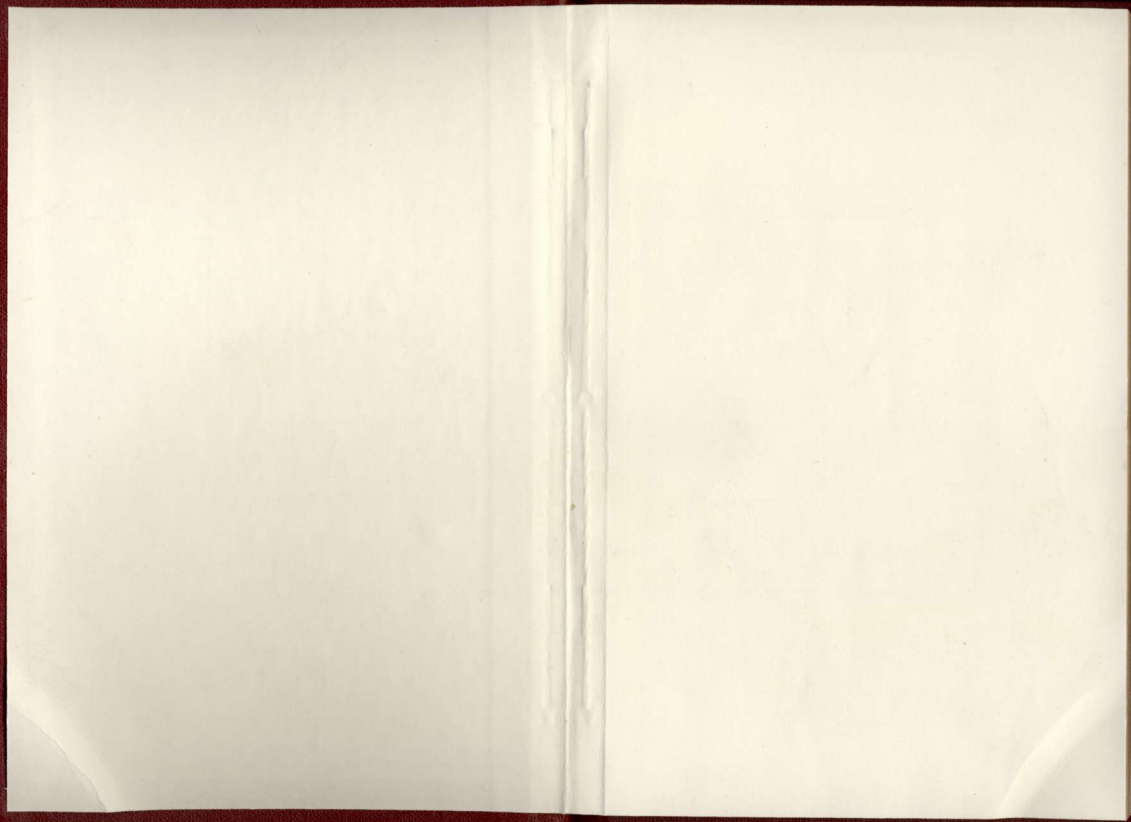
9 (укр)
Д 72-3

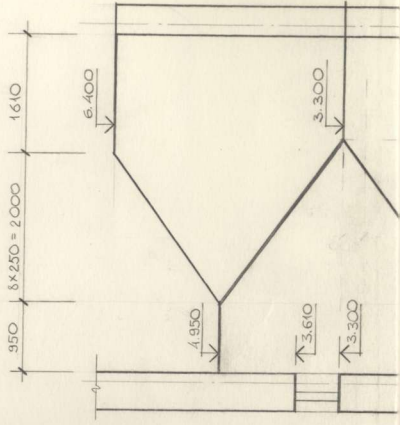
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

М. П. ДРАГОМАНОВ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОРАБКОП“
КИЕВ—1924





= 1650
 $10 \times 165 = 1650$
 $8 \times 165 = 1320$
 $10 \times 165 = 1650$
 $8 \times 165 = 1320$
 - 35

Доброго вечера
 уважаемому г-ну
 профессору
 Императорскому
 ин-ту Драгоманову
 в высшей школе
 Императорского
 университета
 27-го 2007 П. Драгоманов

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ
ДРАГОМАНОВ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК



М. П. ДРАГОМАНОВ
(1841—1895)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОРАБКОП“
КИЕВ—1924

У (Укр)
Д 72-3

Ж-49466

БІБЛІОТЕКА
НПУ імені М.П. Драгоманова

Гострест «Киев-Печать»,
2-я типогр., Пушкинск. 4
Зак. № 713—4000 экз.
Р.У.П. № 526. Киев, 1924.

ПРЕДИСЛОВИЕ

М. П. Драгоманов принадлежит к числу весьма почитаемых, но очень мало читаемых авторов на Украине. В еще большей степени это относится к России. Объясняется это среди других причин и тем, что многочисленные произведения Драгоманова не собраны, погребены в старых журналах и представляют библиографическую редкость. Вышедшее в Париже двадцать саншюм лет назад собрание политических статей Драгоманова, писанных на русском яз., широким кругам читающей публики мало доступно. Главное же, эти статьи дают неполное и одностороннее представление о Драгоманове. Между тем по преимуществу из них большинство читателей и черпает свое знакомство с Драгомановым. А сборники „Громды“ мало кто видел собственными глазами.

Многое, конечно, устарело в статьях Драгоманова. Но еще большее сохранило не только большую историческую ценность, но и жизненность для современных нам вопросов и интересов. Драгоманова надо не только изучать— у него можно еще учиться. До сих пор его не столько изучали, сколько им пользовались—каждый для своей цели. Не собранное, не систематизированное, не охраняемое литературное наследство Драгоманова, надо признать, походит на палесть гоголевского кума в повести „Ночь перед рождеством“: „всякий, выходявший из дому, никогда не брал палки для собак, в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его палтей“. Драгоманов писал много, по разным вопросам, и к каждому вопросу подходил с разных сторон. Он всегда воевал самое меньшее на два фронта. Неудивительно, что из его статей легко выдернуть нужную цитату, как палу из кумова палтей. Цитатами из Драгоманова националисты побивали марксистов, а марксисты националистов. Опираясь на Драгоманова украинские федералисты спорили с сепаратистами и самостоятельными; однако, один из ближайших друзей и учеников Драгоманова, Павлик, написал брошюру („Драгоманов як політик“), в которой подбором цитат стремился доказать, что Драгоманов стоял за полную независимость Украины.

Больше всего натакали колья из палтей Драгоманова русские либералы-конституционалисты. Они способствовали распространению того предрассудка, будто Драгоманов был и сам либералом-конституционалистом, чем то вроде духовного отца поднейших кадетов. Нечего и говорить, что такое использование политических идей Драгоманова близко подходит к их фальсификации. Непризнанный противник Драгоманова, Г. В. Пасканов, в рецензии на журнал „Свободная Россия“ (1889 г.), рекомендовал особеному внима-

нию читателей статью Драгоманова „Земский либерализм в России“, так как в этой статье „с обычным своим талантом автор показывает, до какой степени плохи наши либералы и до какой степени мало они сделали до сих пор“¹.

Для Драгоманова еще не наступила пора антикварски-объективного исследования его произведений. Он во многом наш современник и злободневен. Недаром наиболее крайний и наиболее талантливый представитель украинского национализма Дм. Донцов в одной из последних своих статей требует коренной переоценки Драгоманова и полного отречения от него. И доблестно,—он почти дословно повторяет те же обвинения против Драгоманова, с которыми выступали блаженной памяти „любоверди“ в галицийских журналах 80-х годов. Драгоманов взоружался в отношении своей программы не на национальных рухля, лишь на социалы. Він дивився на українство скоріш як на версту... Для Драгоманова всякий націоналізм треба було поставити під контроль космополітизму... Між Драгомановим, Грушевським і Леніним нема ніякої різниці...²

Богатое литературное наследие Драгоманова ждал своих работников, которые собрали бы его, привели в известность, раскопали архивные материалы, очистили от предубеждений и предрассудков и восстановили полностью облик влиятельнейшего политического мыслителя и писателя Украины. Работа это большая и не для одного человека. Задача предлагаемой читателю книги несравненно более скромная. Она имеет целью дать общедоступный и краткий очерк жизни и деятельности Драгоманова по имеющимся литературным данным. Это всего меньше оригинальное исследование теоретического характера. Иначе говоря книга чисто практическое: она знакомит читателя с Драгомановым в самых общих чертах. Подробнее пришлось остановиться лишь на тех местах, где всего больше скопилось недоразумений и предрассудков—в частности на взаимоотношениях между русскими социалистами и Драгомановым. Для более полного освещения затронутых вопросов автор пользовался и материалами из неопубликованной переписки между Драгомановым, Авроровым, Аксеевродом и Малашинским. За пользование этими материалами приношу искреннюю благодарность Павлу Елисеевичу Щеголеву, а за ценные указания и за дружеское участие в просмотре книги—академику Сергею Александровичу Ефремову.

22 февраля 1924 г.

Д. Заславский.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения т. III. Политическое соц.-реп. обозрение в журнале „Социал-Демократ“, с. 96.

² Дм. Донцов. Драгоманов і ми. (Цит. по ст. В. Корняка. Українська література „Черв. Шлях“ 1923 г., кн. 8, с. 192).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Детские годы. (1841—1859).

1. В родном доме.

В русской полемической литературе 70-х и 80-х годов принято было подсмеиваться над „гадяцким сепаратизмом“. Современному непосвященному читателю могло-бы казаться, что здесь высмеивается мысль об отделении Гадяча от России, и что маленький захолустный Гадяч был избран смешливыми публицистами именно для того, чтобы в наиболее карикатурном виде представить украинские автономистские стремления середины прошлого века. Так оно в действительности и было; но главная—„аттическая“ соль этого невзыскательного остроумия заключалась в том, что М. П. Драгоманов родился и детские годы провел в Гадяче. В. Черкезов, известный революционер-бакуист 70-х годов, издал даже полемическую брошюру под таким заглавием: „Драгоманов из Гадяча“,—хотя сейчас ужасно трудно постичь, в чем здесь особое остроумие и нарочитая ядовитость. Повидимому, русская публицистика хотела подчеркнуть провинциализм и ограниченность украинского движения—сравнительно с широкими „общерусскими“ задачами, и по этой именно причине колола Драгоманову глаза его гадяцким происхождением.

Остроумие это давно выдохлось, но о Гадяче, маленьком городке Полтавской губ., вспомнить полезно, когда надо проследить историю литературного творчества Драгоманова. Городок—маленький, и в 40-х годах он наверно напоминал Миргород Гоголя, и жили в нем такие же „старосветские помещики“. Михаил Петрович Драгоманов родился в сентябре 1841 г. в одном из низеньких уютных домиков, описанных Гоголем, и с внешней стороны жизнь в этом домике была такая же, как в других: смесь дворянского, мещанского и крестьянского быта, с немногочисленной крепостной дворней, с мелкими домашними заботами дореформенной провинциальной среды. Но вот что было удивительно, и чего не знали смешливые петербургские и жевевские публицисты: дом, где родился Драгоманов, был в Гадяче оторвавшимся от Петербурга уголком литера-

турной гостиной. Отец Драгоманова был петербуржцем в Гадяче, не своим, а чужим человеком в узкой мелкодворянской среде. Он провел молодые годы в Петербурге, служил там и был близок к литературе: переводил иностранных поэтов для современных альманахов. Служба не удовлетворяла его, он был независим по натуре, и удалился к себе, в родную глушь. Но тут он оказался явлением еще непривычным—русско-украинским интеллигентом, сохранившим свои литературные вкусы и привязанности среди „старосетских помещиков“. Дом Драгомановых был отмечен у соседей особой чертой: в нем не играли в карты и не пияствовали. Этого одного было достаточно, чтобы сойти за неблагонадежного. Отец Драгоманова к тому же среди крестьян был более популярен, чем у дворян. К нему тянулись со всего уезда крестьяне за советами, за юридической помощью. Мать Драгоманова была дочерью петербургского чиновника и фамилия ее была Цяцкина. Но жители Гадяча хорошо знали всю ее семью, и знали, что чиновник Цяцкин был раньше просто Цяцкой и происходил из местных мелких дворян.

Так в самом происхождении Драгоманова переплетались местные украинские влияния с петербургскими литературными и чиновничьими. И то-же было и в раннем воспитании. Его детские впечатления складывались под влиянием двух пересекающихся культур: украинского быта, насыщенного традициями, преданиями, привычками,—по необходимости консервативного,—и русских идейных влияний, передовых и демократических по тому времени. Драгоманов рос и воспитывался в украинской среде: на украинском языке говорили родные, знакомые, дворовые люди, приезжавшие крестьяне. Он слышал украинские песни и сказки; рассказы про старину оживляли старину украинскую, гетманшину и козачину. Род Драгомановых особой значительностью не мог похвалиться,—все же это был старинный украинский шляхетский род. Прадед Стефан был в Переяславе войтом, и в старых грамотах упоминается его имя. У Драгомановых был свой шляхетский герб, и в нем казацкая сабля и перо. Дед Яким пережил часы упразднения гетманщины и был полковником в первом гусарском полку, сформированном из козачок. А женился он на дочери последнего полкового судьи. Все это была недавняя старина, уже обвешанная романтической легендой, ласкавшая воображение картинами козачьей воляности.

Эта старина вдохновляла знаменитое кирило-мефодиевское содружество, была не только источником творчества для первых великих украинских поэтов, но и запасом, из которого заимствованы были политические и социальные идеи. Отец Дра-

гоманова находился под их влиянием. Но это были только ранние мечты группы украинских интеллигентов. После разгрома кирило-мефодиевского братства, политические и социальные элементы надоело улетучиваются из украинского движения; и само оно оживает через десять лет сначала как движение только культурное, в самой невинной форме собрания украинских народных песен. Конец 30-х, 40-х, половина 50-х годов это полоса издания сборников украинских народных песен. В это время вышли сборники Максимовича, Срезневского, Лукашевича, Метлинского—вплоть до Кулиша и Костомарова, открывающих по возвращении из ссылки новую эпоху в истории украинского движения. Отец Драгоманова причислял себя больше к литературе русской, но и украинская не была ему чужда. Впрочем, тогда не было и столь резкого деления между ними. Украинские поэты печатались в русских изданиях и сами переводили с одного языка на другой. Для Драгоманова, брат отца его, живший тоже в Петербурге, написала поэму из украинской народной жизни, а отец впоследствии сочинил украинские сказки по народным сюжетам. В 1838 г., переехав в Гадяч, отец Драгоманова с увлечением стал собирать народные песни, и до 1841 г. собрал их очень много,—толстую тетрадь. Мальчик знал эти песни, знал, с каким уважением относились в доме к тетради и видел, как огорчены были родные, когда часть тетради пропала в Крыму, куда ее завезла тетка по просьбе земляков полтавцев. Драгоманов и сам подросши дорожил этим собранием песен и, будучи студентом, отвез ее в Киев, где показывал знакомым. У них пропала и вторая часть, и Драгоманов позже не раз вспоминал об этом как о признаке некультурности современной украинской интеллигенции.

Украинская культурная атмосфера окружала Драгоманова с первых лет его сознательной жизни. Украинство воспринималось им естественно и просто, как непосредственная и бытовая обстановка. Предель украинских народных песен была прежде всего в том, что это народные песни, украинская старина это вообще старина. В доме Драгомановых бывал известный украинский поэт Амвросий Метлинский, их дальний родственник. Его книгу мать Драгоманова хранила у себя в комодке как святыню. Драгоманов в гимназии с гордостью рассказывал товарищам, что он знаком с поэтом и близко видел его, и причина гордости была в том, что это известный поэт, а не в том, что это украинский поэт.

Словом украинство, насыщая богато всю жизнь Драгоманова, не порождало в нем никакой национальной „идеи“. Не было еще сколько-нибудь ясного представления о различии

между двумя культурными мирами, украинским и русским. Но из второго по преимуществу шли идейные влияния. В области семейных преданий видное место занимали рассказы о дяде офицере, принимавшем участие в тайных кружках времени декабристов: он был членом общества „Соединенных Славян“. Отец из Петербурга вывез радикально-политические настроения. Определенности в них не было. Сам Драгоманов характеризует их, как „смесь христианства с философией 18-го века, и якобинства с демократическим „цезаризмом“. В сороковые годы в Гадяче это было явление исключительным. И не случайно уездные панки и полупанки в негодованием рассказывали о том, что Драгоманов-отец снимает шапку в ответ на поклон крестьян и сына своего учит делать то же самое. Отвечать на поклоны крестьян, это было признаком крайнего либерализма и опасного вольнодумства.

2. В гимназии.

В раннем возрасте влияние на Драгоманова оказывал его отец. От отца перешла к нему страсть к чтению; удовлетворить ее в то время было не легко. Двенадцати лет Драгоманов перечитал все интересные книжки в библиотечке отца, в том числе „Историю Малой России“ Бантыша-Каменского и „Историю“ Карамзина—дважды. Исторические сочинения в особенности привлекали его. В 1853 году Драгоманов поступил в Полтавскую гимназию. Мальчик он был живой, самостоятельный, чуткий к несправедливости. Гимназии в те времена многим отличался от пресловутой „буры“ и методы преподавания были какие то дотопошние. Между учителями и учениками шла непрерывная война; был столкновение с школьным начальством и у Драгоманова. В 5-ом классе он остался на 2-ой год, получив на экзамене две единицы—из математики и по французскому яз. Тупые и обделенные „педагоги“ мстили за самостоятельность и нескрываемое к ним презрение. Но с пятого класса начинается и новая полоса в жизни Драгоманова. До Полтавы доходят волны общественного движения, поднятого крымской войной, смертью Николая I, предчувствиями освобождения крестьян и либеральной эпохи. Драгоманов уже в 5-м классе зачитывался „Современником“ на уроках математики, и преподаватель, отбирая у него книгу, называл его с тупой иронией „современным человеком“. А когда Драгоманов „сел“ на второй год, то учитель тотот, пританцовывая в

Современный человек
Будет сидеть целый век.

Среди этой педагогически-зоологической галереи выдвигались только двое учителей, о которых Драгоманов вспоминал впоследствии с глубокой благодарностью и уважением. Он написал о них небольшую брошюру—„Два учителя“. Они имели на него, каждый по своему, влияние не меньшее, чем отец. Латинист, Казимир Иосифович Полевич, поляк-патриот, представлял собою тип провинциального чудака, озлобленного, ушедшего в полное одиночество, но сохранившего под оболочкой внешней грубости живую душу. Он был влюблен в Рим и наиболее чутким ученикам своим сумел привить любовь к античной истории. Он умел оживить интерес к римской истории, заставить видеть в ней не одну лишь смену императоров, а борьбу течений и общественных групп. Полевич познакомил Драгоманова с Тацитом и до некоторой степени подготовил не только будущую магистерскую диссертацию Драгоманова, но и то критическое отношение к эпохе упадка Рима, которое впоследствии обратило на Драгоманова внимание киевского ученого мира.

Иного рода было влияние, которое оказывала на Драгоманова преподаватель истории Александр Иванович Стронин. Он был „новым человеком“ в Полтаве, представителем молодого поколения; он сам увлекался носившимися уже в воздухе либерально-демократическими идеями и увлекал других. На уроках он знакомил учеников с историей общественных идей и движений; останавливался подробно на истории реформации, на французских просветителях. Ученики узнавали от него не только о Вольтере и Монтескье, но и о Сен-Симоне и Фурье. В 1858 г. Стронин побывал в Лондоне и свел личное знакомство с Герценом. Он руководил чтением гимназистов в вне школы, и от него получали они запретный „Колокол“. В ходу была рукописная литература, и Драгоманов с товарищами в увлечении переписывали поэмы Рылеева „Войнаровский“, „Исповедь Наливайки“, стихотворения Шевченко, письмо Искандера-Герцена к Александру II и т. д. Политические стремления складывались в радикальном революционном духе, но были неформальны, неопределены. Вера в доброго и либерального царя не была еще изжита; бродили неясные слухи о двух партиях—николаевцев и александровцев, приверженцев старого и нового царя, и Драгоманов, конечно, побывал некоторое время в „александровцах“. Монархические чувства, впрочем, недогдо держались. Литература их успешно разбила. „Мы знали наизусть Герцена,—вспоминал впоследствии об этом времени Драгоманов,—Шевченко, — кое-кто Прудона; мы с радостью читали Костомарова, Щапова, Павлова.... Мы были по своему республиканцы и социалисты,—по тогдашнему киев-

скому хапоману, хотя и не выступал так прямо и резко против правительства, как передача часть нынешней молодежи¹.

Стронин познакомил Драгоманова с народнойческой художественной литературой, в которой впервые стали проявляться яркие социальные тенденции. Повесть Марка Вовчка „Паньска воля“ заставила Драгоманова плакать над горькой участью крестьян. Освобождение крепостных ждали с нетерпением; об этом только и говорили в кругу либеральной интеллигенции.

Стронин был натурой живой, деятельной. В гимназии он начал борьбу и с педагогической рутиной и с распушенностью учеников. В интернате гимназисты добровольно подтянулись под его влиянием.

Сближение Драгоманова с молодым историком началось с того, что Стронин заступился за несправедливо обиженного на экзамене Драгоманова. Сближение перешло в дружбу; преподаватель выделил и оценил способного ученика. Их обоих родили чуткость к несправедливости, готовность к борьбе с насилием и живая общественная жилка. Стронин организовал первую в России воскресную школу; Драгоманов был свидетелем ее развития и успехов.

Значительным было и влияние Стронина в области исторических занятий Драгоманова. Стронин серьезно относился к ним. Он был в ту пору еще радикалом, но к радикальной фразе относился итерпимо. Драгоманов вспоминает о том, как Стронин однажды резко оборвал его на какой-то либеральной фразе. Драгоманов обиделся. Стронин объяснил: „Вы говорите обычные фразы очень молодых людей,—это кровь в вас говорит, а не мозг. Остынет кровь, вылетят и фразы.“— „А что надо, чтобы не вылетели?“— „Надо иметь хорошее философско-политическое воспитание... А для этого надо быть знакомым с европейскими языками“².

Драгоманов хорошо запомнил эти слова. Неизвестно, помнил ли их сам Стронин, у которого фразы вскоре стали „улетать“. Примечательна судьба этого человека, оказавшего такое большое влияние на Драгоманова. Он был великорос по происхождению, но в 1863 г. сослан в Шенкурск по нелепому обвинению в попытке „отделить Малороссию от России“: а вся его вина в том была, что устраивая в Полтаве народные школы и сблизясь на этой почве с украинскими общественными деятелями, он написал брошюру по естественной истории и составила „азбуку“ на украинском языке. Находясь в ссылке,

¹ „Громада“ № 2, с. 134.

² „Два учителя“, с. 54.

Стронин написал свои книги, в свое время известные, а теперь прочно забытые: „Политика как наука“ и „История как метод“. Н. К. Михайловский жестоко высмеял нового социолога в своих „Литературных и журнальных заметках“ 1872 г.,— да и было за то. Человек даровитый, умный, живой,— Стронин обладал некоторыми странностями. Даже сочувствовавшая ему газета „С. Петербургские Ведомости“,— деятельным сотрудником которой состоял впоследствии Драгоманов,— писала о Стронине: „В сочинениях своих г. Стронин исходил почти всегда из верных непреклонных положений, чтобы дойти каким-то неведомым путем до самых страшных, самых невероятных положений“. Так, например, Стронин доказывал совершенно серьезно и очень пространно, что русский народ призван к власти над другими народами, потому что нечто повелительное есть в самой его натуре, и это выражалось в преобладании повелительной буквы А в его говоре. Н. К. Михайловский зло высмеял эту мысль Стронина. Но, собственно, вооружился Михайловский против Стронина не за эти смешные странности, а за настойчивую проповедь Строниним идеи законосообразности исторического процесса. Полемика Михайловского против Стронина напоминает кое в чем позднейшую его же полемику против марксистов и полемику русских народников 80-х годов против Драгоманова. Одержат победу над Строниним было, конечно, легче, чем над Бельтовым-Плахановым, но и в том и в другом случае шла столкновение субъективного метода в социологии с попыткой распространить на социологию общие законы научного познания.

Стронин был представителем в русской литературе органической теории общества. Склонность переносить чисто автоматически законы биологии и даже физики и химии на социальные явления и злоупотребление аналогией, приводили его к курьезам. Сдепое и фактическое увлечение „научностью“ было его отличительной чертой и сделало его книгу не научной. Но для нашей цели важно отметить эту черту пристрастия к позитивизму в первом идейном руководителе Драгоманова. Стронин утрировал идею законосообразности социально-исторического процесса, навязав ему неизменный и железный закон строго-чередующихся периодов „акции“ и „реакции“. Легко представить себе, как возмущал „субъективистов“ этот закон. Но своего читателя Стронин мог все же убедить в том, что история не творится вдохновением и про *д* зволом ни отдельных лиц, ни целых народных масс, что есть внутренняя логика в историческом развитии, и что перескакивать вперед через целые периоды не так легко, как это казалось русским передовым мыслителям того времени.

В своей книге „Политика как наука“ Стронин является представителем либерально-буржуазного индивидуализма. Он предсказывал и оправдывал приход и утверждение буржуазии и с расцветом капитализма связывал неизбежный в будущем подъем общественного движения. Одним из первых в русской политической литературе Стронин поставил вопрос о формах борьбы за политическую власть в виде приспособленного к русским условиям западного парламентаризма. Об этом нам придется говорить ниже. Теперь важно лишь отметить, что идейным руководителем Драгоманова в юношеские годы его был человек для своего времени оригинальный и интересный, с большой начитанностью и, при всех своих странностях, обладавший способностью разбираться в основных тенденциях общественной жизни.

Под руководством Стронина Драгоманов в средних и высших классах гимназии познакомился со всеми выдающимися европейскими историками, в переводе на русский яз. прочитал Шлоссера, Маколяя, Прескотта, а Гизо читал в оригинале. С французским яз. Драгоманов освоился еще в семье, а немецкий изучил в гимназии.

Все свое развитие Драгоманов проделывал на русском яз. и к европейской литературе приобщался через посредство русской. Украинская среда окружала его и в гимназии, но и тут она не противопоставлялась русской. Украинский яз. в гимназии тогда еще не преследовался. Губернская интеллигенция смешивала в своем разговоре русский яз. с украинским. Демократические, „хлопоманские“ тенденции к сближению с народом, интерес к его жизни, песням и думам способствовали этому. Вместе с общим оживлением общественности возродилось и украинское движение; оно уступало, однако, русскому по яркости лозунгов, по радикализму политических и социальных тенденций. Оно было на первых порах чисто культурническим, — литературным, этнографически-историческим. Оно не возбуждало молодежи и не привлекало к себе внимания власти. „Наталка-Полтавка“ была традиционным любительским спектаклем местной аристократии, и даже жена губернатора принимала в нем участие. Драгоманов увлекался этими спектаклями, а „Наталку-Полтавку“ читал потом вслух у себя дома „дівчатам“, и плакал же эти дівчата над горькой долей такой же, как они, крестьянской девушки.

Украинство насыщало собой всю окружающую жизнь, — не так густо, как в Гадяче; достаточно, однако, для того, чтобы основные впечатления от людей преломлялись сквозь украинскую призму. Но от этого еще не получалось для Драгоманова никакой национальной идеологии. Как и многие юноши,

Драгоманов писал в гимназии стихи и издавал рукописный журнал, писал и по-русски и по-украински, не придавая этому особого значения. Украинские современные авторы были ему знакомы, но интересовался Драгоманова в них не национальная, а социальная сторона. Так, социальными своими тенденциями захватил его „Панська воля“ Марко Вовчка. Драгоманов читал „Чорну раду“ Кулиша, но, по собственному его признанию, до конца не дочитал, а просиживал в это время ночами над Вальтер Скоттом.

Между тем украинское национальное движение, хотя еще было слабое, уже начиналось. Организация первой воскресной школы в Полтаве дала повод к спорам между „украинолюбцами“ и „космополитами“. К последним принадлежал Стронин, и сочувствие Драгоманова было на его стороне. Это было в 1859 г., и Драгоманов тогда кончал гимназию. Выходил он из нее юношей, который стоял значительно выше своих сверстников по развитию, с основательной исторической подготовкой, с глубоко заложенным навыком к серьезной научной работе. К такой работе Драгоманов себя и готовил. Но в то же время голова его была полна неопределенных радикальных идей, бесформенных политических стремлений. Герцен был предметом его поклонения.

На пороге гимназии ждало Драгоманова и первое житейское испытание. Очередное столкновение с гимназическим начальством закончилось исключением Драгоманова. Университет мог оказаться недоступным для него. По своему обычаю Драгоманов заступился за малолетних учеников гимназического пансиона, которых грубо бранил и преследовал классный надзиратель. Спасло Драгоманова вмешательство попечителя киевского учебного округа, либерального Н. И. Пирогова, начинавшего тогда свою борьбу с школьной реакцией и рутинной. Увольнение осталось в силе, но Драгоманов получил возможность, сдав экзамены экстерном, поступить в университет. Драгоманов не мог не испытывать благодарности к Пирогову, о котором он знал и со слов Стронина. Гимназической молодежи, охваченной передовыми идеями, Пирогов казался олицетворением новых начал гуманности, либерализма, просвещения. Любопытно, что либерализм Пирогова послужил вскоре поводом для первого столкновения Драгоманова с радикальной русской публицистикой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Студенческие годы (1859—1863).

1. Вегия времени.

Осенью 1859 г. Драгоманов поступил в киевский университет, в 1863 г. окончил его. Между этими годами лежит краткий, но богатый событиями, отмеченный исторической вехой период. Освобождение крестьян в 1861 г., вокруг чего собиралось общественное движение предшествующих годов, казалось не завершением, а только началом новой эпохи. Общество ждало политической свободы, Герцен был диктатором общественного мнения, фактически легализованным: „Колокол“ трудно было назвать запрещенным органом,—его читали все. Но развиваясь бурно, движение уже переросло рамки либерального мирного развития. В статьях Чернышевского и Добролюбова, в „Русском Слове“ звучат сквозь цензурную оболочку революционные нотки, а затем и власть и либеральное общество узнает о прокламации „К молодому поколению“. Правительство схватило Михайлова, студенты откликнулись на это бурными сходками в петроградском университете, а за первой прокламацией последовали революционные листки „Белокурса“. Движение ширилось; началось молодежью, оно захватывало и профессорские круги, и круги либерального дворянства. О конституционном по духу адресе тверских дворян узнала вся интеллигентная Россия. Проф. Павлов за свою речь об „истинном, современном значении тысячелетия России“ поплатился высылкой в Ветлугу. Не было еще определенных политических партий, и в движении не было оформленности азбугов; социализм еще отсутствует в революционных выступлениях. Но уже намечается линия раскола между либерализмом и радикальной демократией. Тон „Русского Слова“ и „Современника“, их пренебрежительное отношение к авторитетам коробит либеральную публику. Размах движения начинает пугать умеренную часть общества.

В общем движении оживает и украинское. Творчество Шевченки освобождается, наконец, от оков. Поэт возвращается на родину,—чтобы вскоре умереть на севере. В 1860 г. выходит

„Кобзарь“. В 1861 г.—„Основа“ Кулиша и Костомарова вскрывает федералистические идеи кирилло-мефодиевского братства,—лишенные, однако, их первоначального романтизма, смягченные политической умеренностью. Украинифильство возрождается и на местах, в главных городах Украины, и здесь среди молодежи радикалам настроения почти целиком уходит в национальные чувства.

Но мощная волна общественного подъема в 1862 г. разбивается; ее сменяет волна реакции, правительственной и общественной. Знаменитые петербургские пожары дают повод к походу против „нигилистов“. За преследованием радикальной печати идет арест Чернышевского. Польское восстание дает правительству и умеренной части общества националистическую идеологию для прикрытия расправы с революционно-демократическим движением. В общую полосу ограничений и пресечений попадает и украинство. Синод запрещает перевод Евангелия на украинский язык. Валуев запрещает перевод гонения на украинское слово; „никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может“.

Общероссийское движение по своему преохлаждению и отражалось в Киеве. Город насчитывал тогда 60.000 жителей. В нем были две гимназии, два уездных училища, два книжных магазина, не было ни одной библиотeki. В 1859 г. возникла первая газета „Киевский Телеграф“, до нее выходили только казенные „Губернские Ведомости“. Киев был административным центром юго-западного края, где тон культурной и политической жизни давала польская помещичья аристократия. Правительство смотрело на Киев как на форпост русской культуры в стране, которую еще надо завоевывать для этой культуры. Даже на официальных балах, которые высшие власти давали для сближения с местным дворянством, господствовал польский язык. Основываясь с правительственной субсидией новую газету „Киевлянин“, проф. В. Шульгин, тогда представитель национально-либеральной мысли, восклицал в передовой статье: „Этот край русский, русский, русский“. Это тройное заклятие было направлено против польских националистов, которые не сомневались в том, что и Киев и вся правобережная Украина являются историческим наследием польской культуры.

Культурная жизнь сосредоточивалась в университете. В 1859 г. в нем числилось 376 студентов православных и 585—католиков. Среди студентов-поляков сильны были национально-революционные настроения; они были окрашены в шляхетский романтический цвет. Он был в Киеве значительно более ярким, чем в Варшаве. В подавляющем большинстве польское сту-

денство принадлежало к привилегированным помещичьим кругам. Русское, напротив, рекрутировалось из кругов мелкого дворянства, чиновничества, разночинного люда и духовенства. В университете резко сталкивались между собой не только две народности, но и две общественные группы, две социальные культуры.

2. Польское восстание.

Драгоманов немедленно окунулся в кипучую жизнь студенческих кружков, сходок и споров. Они вращались преимущественно вокруг польского вопроса, а затем в связи с украинским движением, и вокруг национального вопроса вообще. «В этом крае польский вопрос неизбежно должен был носить и носил узко-национальный, помещичий характер», — говорит об этом времени в своей книге «Воспоминания» и участник студенческой жизни той эпохи, В. Дебогорий-Мокричев (стр. 29). Но благодаря этому антипольское движение, искавшее опоры в крестьянх, имело демократический, хлопоманский характер. Либералыначли даже выше власти. Генерал-губернаторы поддерживали сравнительно хорошие отношения с немногочисленной русской интеллигенцией и сквозь пальцы смотрели на культурные ее затеи: деятельность Пирогова терпелась потому, что она способствовала развитию русского языка, русских школ. По этой же причине киевский учебный округ покровительственно отнесся к воскресным народным школам, которые в Киеве получили всероссийскую свою популярность.

1859—1861 г.г. были в Киеве расцветом либерализма. Здесь подвизался Пирогов; в университете читали курсы по истории Платон Васильевич Павлов, прослушавший позже своей речью в петербургском университете, проф. В. Я. Шульгин (отец В. В. Шульгина), тогда либерал, позже вождь националистической реакции, проф. Селин, который открыто читал студентам с кафедры «Колокол», а через семь лет называл Герцена в печати «бешеной собакой». Радикальные течения в Киеве были представлены слабее. И в то время, как непочтительная молодежь «Современника» и «Русского Слова» уже осмеивалась критиковать самого Герцена и упрекать резко в непоследовательности Пирогова, в Киеве они оставались непомраченными кумирами.

Вера в Герцена и в Пирогова, с которой приехал из Полтавы в Киев молодой Драгоманов, должна была выдержат в Киеве первое испытание при встрече с живой действительностью. Отношение Герцена к польскому восстанию известно. Он знал русское общество поддержать его против русского

деспотизма, звал почти безоговорочно, хотя и его смущал шляхетский характер восстания и национально-исторические притязания на Подолью, Вольнь и Киевщину. Ему это, однако, казалось несущественным, каким-то словесным придатком к национальной программе, на первом плане которой была революционное восстание против самодержавия. Герцен видел пред собой только лицевую сторону восстания, обращенную к прогрессивной Европе, жаждущую содействия от европейской демократии; с ним сносились лучшие представители польской демократии,—такие как Вордэль, Мерославский. Но даже и в них чутье Герцена улавливало шляхетский привкус. Драгоманову пришлось столкнуться с оборотной стороной польского движения. На правобережной Украине польская буржуазная интеллигенция была не только чужда, а и враждебна народу. Она боялась крестьян и не доверяла им,—и имела на то основания. Когда восстание вспыхнуло, крестьяне охотно откликнулись на призыв правительства и всюду организовали погроны за восставшими панями. Хлопоманство имело сторонников и среди киевского польского студенчества, но не хлопоманы ему давали главный тон. Из споров в студенческих кружках Драгоманов вынес ту неприязнь к польскому национализму, которая так ясно чувствуется и в его первых статьях в русской легальной журналистике и в позднейшей зарубежной полемике с польскими социалистами.

Драгоманов видел ошибки польского повстанческого движения и ошибки Герцена. «Колокол» терл все прежнее обаяние. Социальная сторона революции, интересы трудящегося народа, который не может удовлетвориться политической свободой или национальной независимостью, выступили впервые отчетливо в русско-польском споре. Драгоманов принимал сторону русского лагеря, который, казалось, в этом споре отстаивает интересы «хлопа», крестьянина,—его права на свою землю, свою культуру и язык. Но в этом лагере, литавшемся из источников русского либерализма, Драгоманов воспринимал, хотя бы и отражено, русскую государственную патриотическую идеологию. Он писал позже (в 1871 г.) в статье «Восточная политика Германии и обрусение»: «перед восстанием 1862—1863 г.г. молодежь киевского университета даже раньше пожимал местных людей, а особенно раньше представителей общества в других краях России, разгадала цель польских стремлений; она первая стала им противодействовать, чем могла. Первый патриотический русский адрес, протестовавший против учения, что западный край польский, был подан в 1871 г. киевскими студентами, то-есть за полтора года до того, когда подача адресов в таком роде стала модной во всей

России¹. Этот адрес явился ответом на польскую патриотическую манифестацию, устроенную студентами-поляками в университете. Герцен в подаче адресов и в русском патриотическом движении видел реакционный поворот русского общества в сторону сближения с правительством, и был прав. Но ему не видна была другая сторона вопроса, а именно эту сторону видели и хорошо знали передовые деятели „юго-западного края“. Польские помещики были большой и влиятельной силой в этом крае. От них зависела местная низшая администрация. Между тем, память о хмельничине и гайдамачине никогда не умирала здесь ни среди помещиков, ни среди крестьян, и ко всякому демократическому движению польское общество относилось как к новым попыткам воскресить кровавое прошлое. В указанной выше статье Драгоманов приводит много случаев, когда польские помещики и публицисты выступали и с прямыми и с литературными доносами против всех украинских культурных начинаний, видя в них социализм, коммунизм и т. д. В 1871 г. польские помещики делали представления о необходимости скрыть могилу Шевченко, вокруг которой шла будто бы пропаганда новой коалицины.

Притязания польского национального движения на Украину заставляли часть украинской молодежи сближаться с русскими либеральными кругами и в русской государственности искать защиту от полонизации. Руссификаторские насильственные тенденции еще не проявлялись отчетливо: власть относиласьнисходительно к украинфильству и вместе с русской интеллигенцией поддерживала, хотя бы и на словах, крестьян против помещиков. Это ослабляло оппозиционные настроения в местном обществе, давало возможность радикальной молодежи уживаться с либерально-благонамеренной частью русской местной интеллигенции. Русская государственность еще не порождала в то время коалиции с украинством. Напротив, пробуждение и развитие украинского сознания рассматривалось как оплот против польского сепаратизма. Наблюдения и впечатления Драгоманова за этот период дадут ему возможность в ближайшие годы, уже после польского восстания, выступить в русской печати с защитой украинской культуры, как средство укрепить связь русского центра с окраинами. Самое областничество у Драгоманова, а позже федерализм,—ведут начало от идеи необходимости сильной России, побеждающей польские и немецкие притязания на украинские, — и вообще на славянские земли. Отсюда у Драгоманова и глубокий интерес к русской культуре и литературе. Она оплодотворяла тогда

¹ Полст. Соч., т. I, с. 69.

украинское общество демократическими идеями, давала толчок к развитию собственной интеллигенции. Предоставленное своим силам, питаясь только из скудных источников исторической романтики, украинское движение не могло бы перейти за рамки первобытного, этнографического украинфильства. И уже во всяком случае не могло оно составить достаточной силы против врага главного — против воинствующей культуры польской.

3. Украинфильство.

С внешней стороны украинское движение носило по тому времени заметный и яркий характер. „Киевская атмосфера 50-х и 60-х годов,—вспоминает об этом времени В. Науменко,— была напитана украинским течением, бросавшимся в глаза даже просто видом свиток, чумарок, сорочек, смушевых шапок, так как все это пестрило на улицах, в садах, на гуляниях“.¹ В особенности, в университете было развито украинфильство; у большинства оно не шло дальше шапок, свиток, народных песен и невинных воспоминаний о козацкой воле. Окрапывала его ярко вражда к исторической Польше, но у некоторой, немногочисленной части была и вражда к „московщине“. Это еще не была „самостоятельность“ позднейшего времени; трудно было бы вообще приложить к ней определенный политический термин. Это было националистическое настроение без национальной программы. Отвергая все „московское“, оно вместе с ним отвергало и русскую демократию. Оно было апоитично. Из университета украинство распространялось и на другие круги общества и на другие города. Власть это видела, но сначала не тревожилась. Черниговский жандармский штаб-офицер в свое время секретно доносил, что „в июне 1872 г. в г. Чернигове некоторые из дворян, по примеру студентов киевского университета, начали ходить в национальных малороссийских костюмах, которые надевали и состоящие на службе чиновники“. У губернатора было по этому поводу специальное совещание, но оно в украинфильстве усмотрело не опасность, а только некоторое непорядочное и постановило, что „если кому-либо, одетому в костюм простолудина, будет оказана полицейскими служителями невежливость, то жалобы на это будут оставлены без последствия“².

Это губернаторское указание на украинский костюм, как на костюм простолудина, очень хорошо вскрывало демо-

¹ В. П. Науменко. А. А. Русов. Укр. Ж. 1916 г.

² В. Вазилевский (Богучарский). Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг., с. 127.

кратическую сущность аполитического по виду украинского движения. Украинophilство непременно должно было быть народолюбием, и это придавало ему притягательную силу. Украинophilство захватывало даже русских людей; под его влиянием давно ополченная дворянская молодежь вспоминала о том, что некогда деды их были славными казацкими полковниками, детьми украинского народа. Известный впоследствии украинский общественный деятель Рыльский в 1859 г. был председателем киевской студенческой гшину; позже стал членом студенческой украинской „Громады“. Вернувшись в Украину, он остался католиком. Известно превращение В. Антоновича из поляков в украинцы. На упреки польских публицистов в ренегатстве он отвечал: „вы правы! Я перевертенъ и горжусь этим, так точно, как я бы гордился в Америке, если бы стал аболитионистом из плантатора...“

Киевская студенческая „громада“ насчитывала несколько десятков человек, хотя число украинцев-студентов в университете было значительно больше. Шли оживленные споры между „космополитами“ и „украинофилами“, и Драгоманова, который сразу выделялся среди студентов и своей начитанностью и живой общественной натурой, причисляли к лагерю „космополитов“. Организация народных воскресных школ, в которых Драгоманов принял самое активное участие, придавала спорам особую остроту.

4. Воскресные школы.

Воскресные школы 60-х годов не просто скромное культурное начинание из числа тех, которыми были богаты позже 80-ые и 90-ые годы. Это было общественное движение, зародыш позднейшего движения в „народ“. К нему относились с увлечением, как к первой попытке приложить на деле те демократические идеи о служении народу, которые проповедывала передовая литература. Неудивительно, что реакция скоро отожествила нигилизм с воскресными школами и усмотрела в культурном деле политическую опасность. Но на первых порах власть терпимо относилась к культурническому увлечению интеллигенции, а в Киеве даже покровительствовала ему. На это были особые причины. Киев был первым городом, в котором воскресные школы возникли и стали развиваться; здесь инициатором движения был известный проф. П. В. Павлов, популярный лектор. Ближайшее участие принимал Н. И. Пирогов. Вокруг них сгруппировались местные интеллигентные силы, по преимуществу профессора, студенты, учителя гимназий. В основе лежали все те же патриотические чувства борьбы с шая-

хетской полонизацией. Драгоманов писал впоследствии: „Киевские студенты, поддерживаемые некоторыми профессорами (главным образом, г. Павловым), открыли в противодействие польским школам, которые тогда устраивались по всему юго-западному краю и руководились тайным польским школьным обществом, воскресные школы—первые воскресные школы... Оканчивая университет и становясь общественными деятелями, бывшие киевские студенты несли с собой русское народное направление по всему краю“¹. Этим объясняется и покровительство школам со стороны генерал-губернатора кн. Васильчикова. Город давал на устройство школ 150 руб., студенты устраивали в их пользу вечера. Первая школа была открыта 11 октября 1859 г. на Подоле, по Константиновской ул. в здании, где позже помещалась 3-я гимназия. Через две недели открылась вторая школа—на Новом Стронеии. А в 1860 г. было уже шесть школ, из них две женских. Кроме воскресных, возникла еще ежедневная школа в одной из университетских аудиторий. По примеру этих школ возникли школы и в других украинских городах. Подсчет учащихся в двух школах показал, что из 249 человек к трудящимся (преимущественно ремесленникам) принадлежало 185. По социальному составу—крестьян 132, крепостных крестьян—101. По национальному составу: украинцев 177, великороссов—38, поляков—8, немцев—4, евреев—3. Вопрос о языке преподавания и о характере преподавания немедленно стал на очередь. Мы видели выше, что первая в России полтавская воскресная школа должна была заняться составлением элементарных учебников на украинском яз., и Стронин писал по украински популярные книги.

За подольской школой, наиболее посещаемой, укрепилось название „космополитической“. Деятельным участником ее, организатором и преподавателем был Драгоманов. Новостроенская школа называлась „украинофильской“. Была еще славянофильская школа на Печерске². Шла оживленная, возбуждавшая молодежь, работа. Наряду с грамотой читались лекции по истории. Драгоманов отдался делу с увлечением; товарищи любили его и уважали, но из споров по украинскому и вообще по национальному вопросу составилось о нем мнение, как о человеке, враждебно украинскому движению. В 1872 г. различные украинофильские кружки слились в „громаду“, насчитывавшую 250—300 членов, Драгоманов остался в стороне от нее. По его собственному признанию его отталкивало „анти-

¹ Полст. Соч., т. I, с. 69.

² А. Струнина. Первые воскресные школы в Киеве. Киевская старина, 1898 г., май.

европейство" участников, недостаток культурности, проникнутый исключительностью национализм. До какой степени обострились национальные страсти, показывает такой инцидент: когда после смерти Шевченко тело его перевезено было из Петербурга в Каиев, то на пути была сделана остановка в Киеве. Местные украинцы устраивали панихиды и сопровождали гроб за город. Когда Драгоманов вошел в церковь, один „пьяненный украинофила“ воскликнул: „Ти чого сюди зайшов? Тут тобі не місце“. В пути за городом среди других ораторов выступил и Драгоманов. Он говорил не в толпе, как прочие, а поднимался высоко над ней, со сложенных у дороги кирпичей. Речь его носила наиболее радикальный характер и в печать не попала. Драгоманов говорил о том, что „каждый, кто идет служить народу, надевает на себя терновый венок“¹.

Украинским националистам тогда, как и впоследствии, могло казаться, что Драгоманов „не свой“, что он более близок русской культуре и среде, что он „москвофила“. Но это неверно было ни тогда, ни позже. К 60-м годам сам Драгоманов относит свое увлечение идеями кирилло-мефодиевского братства, а их главным выразителем был тогда петербургский журнал „Основа“. Но свое украинство Драгоманов умел совмещать с любовью к передовым идеям европейской культуры, а их выражала тогда очень ярко русская прогрессивная печать. Наконец, уже тогда, в студенческие годы, Драгоманова среди его товарищей отличало то чувство реализма, которое впоследствии станет его характерной чертой. Он умел увлекаться не пьяней. В его живой и страстной душе уже в молодые годы была некоторая трезвенность. К стати сказать, он был трезвенником и в буквальном смысле слова. Он не пил никогда и не любил студенческих пирушек, к которым сплошь и рядом сводился козацкий романтизм наиболее беззаботных студентов-украинофилов.

Увлечение общественной работой не отразилось чувствительно на студенческих занятиях Драгоманова. Его привлекала к себе история, и под руководством проф. В. Я. Шульгина он изучал источники по истории Рима. Его жизненный путь казался предерженным, и он готовил себя к научной деятельности и кафедре с такой же простотой и естественностью, как другие готовились стать врачами, инженерами, учителями. Профессора выделяли Драгоманова. На старшем курсе он начал готовить свою магистерскую диссертацию. Но ему пришлось выступить еще раньше в публицистике. Имя его попало в печать и получило широкую известность, когда он был студен-

¹ Австро-русские воспоминания, с. 22.

том 3-го курса. Поводом к этому послужило известное выступление Н. А. Добролюбова против Пирогова.

5. Полемика с Добролюбовым.

Добролюбов и Пирогов были признанными авторитетами передовой литературы и публицистики 60-х годов. Если в старших классах гимназии Драгоманов зачитывался „Современником“, это надо отнести в значительной степени на счет Добролюбова. К общему преклонению перед Пироговым у Драгоманова присоединилась и личная признательность. В 1859 г. Драгоманов посвятил Пирогову восторженную статью, в которой отмечал в особенности честность, последовательность и мужество его мысли. Но в 1860 г. произошло обстоятельство, которое поклонников Добролюбова и Пирогова поставило в необходимость выбора между ними: появились знаменитые правила Пирогова о применении розги в низших классах гимназии, а затем в связи с этим, резкая статья Добролюбова „Всеобщие иллюзии, разрушаемые розгами“. Добролюбов обвинял Пирогова в непоследовательности, в измене своим же собственным взглядам, в постыдном компромиссе. Действительно, Пирогов, написавший несколько горячих статей против телесных наказаний в школе, сам в качестве попечителя не только допустил розгу, но и нормировал ее применение, сочинивши своего рода конституцию розги.

Статья Добролюбова подняла шум в печати необычайный. Завязалась журнальная и газетная полемика. Либеральные органы в резких нападках на Пирогова усмотрели оскорбление уважаемого всеми авторитета со стороны дерзкого журналиста. „Современник“ отвечал сатирическими выпадами в „Свистке“. Пирогов сначала молчал, потом написал в журнале „Воспитание“ статью, в которой, не отвечая Добролюбову прямо, по существу оправдывался. Несомненно, Добролюбов не принял в соображение целого ряда обстоятельств, которые во всяком случае смягчали вину Пирогова. Как литератор, он мог свободно высказывать свой взгляд на розгу; как попечитель он был связан „высочайшим“ уставом, которого он не мог отменить. Скажут,—это и говорил Добролюбов,—что литератор в таком случае лучше не становится попечителем. Но деятельность Пирогова как попечителя носила фактически революционный характер, и правительство, в конце концов, в 1861 г. спохватилось и убрало его. Уход Пирогова и прощание с ним были манифестацией либеральных кругов киевского общества. Пирогов уничтожил педагогический произвол в телесном нака-

зани и обставил применение розги такими правилами, которые фактически вывели ее из употребления. Это признал и Добролюбов во второй своей статье „От дождя да в воду“, написанной уже после ухода Пирогова. Дело было однако не в том, не в частности, смягчавших вину Пирогова или Добролюбова, не в резкости тона одного и покладистости другого. В столкновении между Добролюбовым и Пироговым сказалось в достаточной мере отчетливо более глубокое и принципиальное столкновение между „отцами“ и „детьми“, между либерализмом, политическим и общественным, питавшимся из идеалистических источников 40-х и 50-х годов, и радикальной демократией, вдохновленной материализмом и революционными доктринами нового времени. Это было коренное расхождение, вывавшее вскоре и резкий окрик Герцена по адресу непочтительной молодежи.

Драгоманов бросился в журнальный бой с пылом и увлечением пятнадцатилетнего юноши. Но выступил он на стороне „отцов“, а не „детей“. Он не остановился перед нападками на публициста, который считался вождем молодого поколения; значит не боялся разрыва с радикальной молодежью своего времени. Как и другие публицисты либерального лагеря, он прежде всего был задет „оскорблением“, которое нанесено было Пирогову. В „Русской Речи“, органе, далеком от радикализма, Драгоманов писал: „...мы все как то много фразерствуем о гуманности, а между тем слишком торопимся негуманно обращаться с лицами, особенно во имя гуманной идеи. Это наконец начинает надоедать. Пора от этого отделиться“. Рядом с Драгомановым, в той же газете, и столь же решительно выступил на защиту Пирогова Е. Суд, в котором угадывается товарищ Драгоманова по университету и по работе в кружках, Судовщиков.

Журнальная неопытность вовлекла Драгоманова в ошибку: статья Добролюбова была подписана „бов“. Имя автора не было секретом,—раскрывать его все же не полагалось. Но Драгоманов в своем ответе назвал его полностью. Это дало повод Добролюбову сделать начинающему автору строгий, но основательный и заслуженный выговор. Сам Драгоманов и некоторые его биографы говорили впоследствии, что уроком от литературных приличий Добролюбов уклонился от спора по существу. Но это не верно. Урок о литературных приличиях вынесен в примечание, а в статье „От дождя да в воду“ Добролюбов обстоятельно полемизирует с Пироговым и его молодыми ризцарями, доказывая, что принципиальный спор о допустимости розги они подменяют спором о личности Пирогова.

Дебют Драгоманова был не совсем удачен. Но уже в этом первом юношеском выступлении Драгоманова можно наблюдать те черты, которые впоследствии проявят себя со всей силой в политической его деятельности. Прямолинейность добролюбовской критики, ее отяжеление всяких компромиссов, насмешливое отношение к либерализму выражаются преимущественно в неспиримирности революционного движения, в его политическом доктринерстве и упорном отрицании всяких союзов с либеральными кругами. Реализм и трезвенность Драгоманова позволили ему уже в юношеские годы, когда так естественны резкость, увлечение и угловатость, угадать в движении, поднятом Пироговым, либеральную силу, которую не следует отталкивать слишком резкой и беспощадной критикой. Драгоманов видел собственными глазами, какую роль играл Пирогов в еще нетронутом новым временем, провинциальном захолустьи, где сохранились в неприкосновенности нравы и обычаи „николаевской“ педагогики. В житомирской гимназии до Пирогова из 600 учеников было высечено розгами за год 290; при Пирогове—из 635—5. Неудивительно, что вокруг Пирогова собрались лучшие силы киевского общества, и уход его был тяжелым ударом для всех прогрессивных начинаний. Прощание с Пироговым было общественным событием. Среди многочисленных речей выделялась речь Драгоманова,—он говорил от киевского студенчества, и уже это одно, вместе с выступлением его в печати, говорит о том влиянии, каким он пользовался среди своих сверстников и товарищей. Речи были напечатаны в „Современной Летописи“, которую издавал Катков при либеральном тогда „Русском Вестнике“. Потом они вышли отдельной брошюрой. Имя Драгоманова становилось известным русской читающей публике, и в своей полемической статье Добролюбов, делая ему отеческий выговор, предвидел все же будущую его роль в литературе.

6. Политическая реакция.

Увольнение Пирогова как бы открыло собой полосу правительственной реакции в Киеве. После петербургских пожаров закрыты были по всей России воскресные школы. Польское восстание на Украине не имело никакого, даже временного успеха. Оно дало лишь повод к усилению националистической реакции и в правительстве и в либеральном обществе. Драгоманова в равной степени отталкивали антипольский шовинизм и русский либералов и украинфилов. А с русскими „космополитами“ он расхлудился из-за пренебрежительного их отношения к

национальному вопросу, в частности к вопросу о судьбах Украины. Радикальная доктрина требовала поддержки и сочувствия к польскому восстанию, хотя бы и сильна была в нем националистическая струя. Прогрессивная общественная жизнь в Киеве, размытая реакцией и национализмом, очень скоро иссякла. Не приставши ни к одному из господствовавших течений, Драгоманов остался в одиночестве. Некоторое время он увлекался общественной работой во временной педагогической школе, организованной для подготовки сельских учителей. Организована была эта школа в целях борьбы с тайными польскими школами. Школьной польской пропаганде, руководимой ксендами, правительство решило противопоставить сеть русских сельских школ, а для них надо было спешно создать кадры сельских учителей. Как и в других антипольских начинаниях, власть терпимо относилась к участию в них либеральных элементов и демократической молодежи. Среди преподавателей были студенты,—те же, которые работали в воскресных школах. Вопрос об языке преподавания и об учебниках на украинском языке встал немедленно и здесь,—на этой почве началось у Драгоманова более тесное сближение с украинскими кругами. Драгоманов читал курс по русской истории, с интересом относился к своей работе и собирался издать лекции отдельной брошюрой. Но общая полоса реакции захватила и временную школу. Против нее начался поход и со стороны духовенства, опасавшегося за свою монополию в деле духовного просвещения народа, и со стороны помещиков, доносивших властям на школу, как на рассадник нигилизма и коммунизма. Преподаватели-студенты, в том числе Драгоманов, были уволены.

Подавление польского восстания сопровождалось гонением на украинофильство. В перепуге правительство приняло и его за опасный „сепаратизм“. В 1863 г. в связи с делом Андрущенко, обвинявшегося в революционной пропаганде, возникло дело об украинских „громадах“ и „курнях“, организованных в черниговской губ. Ничего преступного следствие не открыло, тем не менее некоторые лица пострадали. Либерализм губернских властей рассеялся, и чиновникам воспрещено было ношение национального украинского костюма. Это—пустяки; но последовало за этим из Петербурга запрещение печатать книги на украинском яз. Это был тяжелый удар для молодых культурных начинаний. В Полтаве по делу „О распространении малороссийской пропаганды“ были арестованы Стронин, Шевич, Лобода и др. Стронин просидел некоторое время в алексеевском рavelине Петропавловской крепости и затем был выслан в Шенкурск, Архангельской губ.

Так осложнялось культурническое „укинофильство“ политическими элементами. Гонимое, преследуемое, оно теряло тех, кто тешился в нем только националистической забавой. При первом грозном окрике большинство „укинофилов“ посушно сбрасывает с себя ставшую опасной свитку. Но у меньшинства крепнет, становится более прочной и сознательной связь с украинством. К числу таких принадлежал и Драгоманов.

Отрезанный от культурной работы, он ушел с головой в университетские занятия и в 1863 г. окончил университет. Связь с украинскими кружками не прерывалась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ученая и педагогическая деятельность (1863—1870).

1. Внешние условия.

Перед Драгомановым открывался теперь прямой путь к профессорской кафедре. К этому влекла его собственная склонность к научным занятиям; такой взгляд установился и у всех окружающих. Но этот путь оказался не легким, и в конце концов и не прямым. Прежде всего житейские невзгоды. Они рано встали пред Драгомановым и уже никогда, вплоть до его смерти, не покидали. В 1863 г. умер отец Драгоманова, в 1864 — мать. На руках у молодого человека, только что окончившего университет, оказались брат и сестра. У Драгоманова была невеста, позже его жена, — верный друг и незаменимый помощник. Женитьбу пришлось ускорить, потому что и у невесты умерла мать, и она осталась сиротой. Так 23—24 лет Драгоманов оказался обладателем семьи из 4 душ. О спокойной, не знающей заботы подготовке к диссертации, не приходилось говорить. Надо было искать заработка, и при том не малого. Драгоманов поступил на должность учителя географии во второй киевской гимназии. Несколько позже, в качестве штатного доцента, он начал читать лекции в университете. Это давало ему 600, а затем 1000 руб. в год. Пришлось для пополнения заработка искать их на стороне, и они нашлись в виде газетной и журнальной работы. Драгоманов стал деятельным корреспондентом и сотрудником умеренно-либеральной „С.-Петербургских Ведомостей“, выходящих под редакцией Корша. Эта работа, начатая из соображений по преимуществу материальных, имела огромное значение в определении дальнейшей судьбы Драгоманова.

Тормозила ученую карьеру Драгоманова и внешняя политическая обстановка. Реакция, охватившая Россию после 1863 г., заглушила и слабые либеральные веяния в киевском университете. Новый почителец, князь Ширинский-Шихматов, старательно уничтожал все следы реформ Пирогова; профессора старались наспех перекарситься в модный националистический цвет. Драгоманов был оставлен при университете, — ему покровитель-

ствовал проф. В. Я. Шульгин, все еще влиятельный, несмотря на свое удаление от университетских дел. В ближайшем предполагалась научная командировка за-границу. Но над Драгомановым уже тяготело подозрение в неблагонадежности; памятна была его речь в честь Пирогова. Он не походила на дюжины благонамеренных молодых людей, изготавливаемых университетами во славу отечественной науки. Вместе с тем будущая крупная ученая сила угадывалась в нем. Придаться пока не к чему было, и начальство ограничивалось тем, что косилось подозрительно на молодого приват-доцента, завоевавшего сразу популярность среди слушателей, и тормозило всячески его ученую карьеру. Командировка за границу была дана в 1870 г., после защиты Драгомановым диссертации.

Этот период в жизни Драгоманова не богат внешними событиями. Он учительствовал и учился, написал две ученые работы и множество газетных статей. Замедленным темпом, но все же безостановочно, он подвигался к той цели, которую себе наметил с самого начала и для которой предназначен был по складу своей натуры. Но не было у него ни разу соблазна уйти науки ради в свой кабинет, замкнуться от людей и от жизни, отказаться от общественной деятельности и превратиться в типичного „жреца науки“, призирающего весь светлый мир за стенами университета. Жизнь, напротив, неопределенно притягивала к себе Драгоманова и газетная публицистика привлекала к себе не только как источник заработка, но и как форма общественно-политической работы.

Вторая половина шестидесятых годов полна противоречивых общественных тенденций. Несмотря на политическую реакцию, общественное движение продолжает мощно развиваться. Нехотя и бояливо правительство проводит все же ряд крупных исторических реформ: учреждение земства, новые суды, закон о печати — надо поставить на первом месте. Продолжается работа по оформлению нового положения крестьян. Все это содействует формированию новых общественных слоев, питает либеральное и демократическое движение, молодое и нетерпеливое, ждущее дальнейшего развития реформы, живущее надеждами об „увенчания здания“, т. е. о конституции. Вера в либерального царя еще не изжита в кругах дворянской и буржуазной интеллигенции. Организация земства в Черниговской губ., в частности, вызвала к деятельности кружок либеральных дворян, с которыми Драгоманов был знаком и поддерживал связь. Однако, слишком замедленным казался демократии темп этого общественного развития, и слишком велико было разочарование в крестьянской реформе. Политическая свобода сама по себе манила меньше, чем идеалы социального

равенства. Среди передовой молодежи под влиянием Герцена, а еще больше Бакунина, господствовало отрицательное отношение к западно-европейскому конституционализму. Все это еще не было оформлено, бродило в настроениях и прорвалось неожиданно в выстреле Каракозова, 4 апреля 1866 г. Правительство и общество перепугались смертельно. Панику усилили листки Нечаева, а затем и нечаевское дело, и новые волнения в университетах. Эпоха реформ обрывается на несколько лет, вплоть до 1870 г., в обществе снаружи по прежнему застою. В либеральных кругах и в печати — вражда к революционной молодежи, превращавшей мирный ход событий. Нечаевщина встречает резкий отпор и в радикальных кругах, но революционное движение не исчезает. Уходя в глубину, оно через кружки „чайковцев“ проходит школу теоретической подготовки. Идеи современного социализма проникают и в Россию. В легальной форме им дают своеобразное русское выражение „Исторические письма“ Лаврова и социологические статьи Михайловского. Характерными чертами этой русской разновидности социализма являются вера в народ и в крестьянский быт, как источник непогрешимой социальной мудрости и справедливости, учение о долге интеллигенции перед народом, о необходимости личного развития для служения народу. Либерализм категорически отвергался, как направление, связанное с борьбой буржуазии за политические права. Крепка была вера в то, что русские крестьянство и без политической борьбы, миновав все стадии западно-европейского развития, переагента в социалистическое царство.

В этой общественно-политической обстановке складывались и политические взгляды Драгоманова. После краткого оживления начала 60-х годов Киев снова превратился в тихий провинциальный город. Дебагорий-Мокриевич так вспоминает об этом времени: „1866, 1867, 1868 годы были глухим периодом студенческой жизни в Киеве. Были кружки шахматистов, были просто дебоширы, но не было кружков для саморазвития.“ Оживление началось в 1869 г., с переводом в киевский университет студентов петербургской военно-медицинской академии, исключенных за беспорядки. Появились и студенческие кружки. Драгоманов относился к ним с большим интересом, — студенты обращались к нему и дорожили его советами. Драгоманов рекомендовал устройство кружков для самообразования и для научной работы, но среди студентов уже довольно ясно обозначились профессиональные интересы. Организационная энергия уходила по преимуществу на организацию студенческих столовых, обществ взаимопомощи и т. д. Но возникли и кружки общественно-политического характера, и к некоторым

из них Драгоманов был близок. Кончавший тогда киевский университет, будущий профессор и известный экономист Н. И. Зибер читал в одном из таких кружков лекции, на которых излагал слушателям „Капитал“ Маркса. Появлялись в кружках и студенты, знакомые с кругами, близкими к Чайковскому. Драгоманов принимал участие в кружках, и в одном из них читал реферат о положении женщины на Украине.

Если нельзя еще говорить о твердых и сложившихся политических взглядах Драгоманова в это время, то можно сказать, что в настроениях своих Драгоманов довольно глубоко расходился с настроениями передовой радикальной молодежи. Он с решительным несочувствием относился к студенческим волнениям и осуждал их с той прямотой, которая уже в молодости была его характерной чертой. Он был популярен среди студентов, но не искал популярности и не боялся потерять ее. Что еще более важно, ему чуждо было увлечение молодежи естественными науками и экономическими вопросами. Он видел в этом некоторое принижение общественных интересов. Идеалистическая завеска прочно сидела в нем, несмотря на склонность к позитивизму. Как за историком, за ним уже укрепилась была репутация ученого, интересующегося всего больше социальной стороной исторического процесса. Но и в истории Драгоманова привлекали к себе столкновение и борьба социальных идей, а не экономических интересов. Он и тогда и впоследствии оставался несколько глуховат к экономическим вопросам. Он признавал их важность, во многих случаях первый указывал на их значение. И все же он недооценивал роль экономических явлений в социальном процессе и не случайно остался чужд марксизму, хотя во многом предвосхитил его критику русского народничества.

2. Работа в „С.-Петерб. Ведомостях“.

Революционные всплески 60-х годов вызвали в Драгоманове довольно резкое осуждение. Несколько позже, в статье „Восточная политика Германии и обрусение“, он говорит о Каракозове и Нечаеве в обычном тоне русского либерала 70-х годов. Не все так относился тогда к революционным выступлениям. Судовищikov, товарищ Драгоманова, сотрудник его в украинском кружке по работе над словарем, грамматикой и сборником укр. речи, был арестован и выслан в Костромскую губ. за то, что выразил сожаление, почему Каракозов не убил царя. О Драгоманове тоже говорили, что он „нигилист“. В гимназии на него смотрели с опаской, в особенности после того, как он осмелился

открыто выступить в защиту гимназистов-поляков, которых лишили при выпуске медали только из-за польского их происхождения. Это свидетельствует — в годы после польского восстания — о нравственном мужестве Драгоманова и его честности, но ничего не говорит об его убеждениях. В общем, Драгоманов по политической своей окраске не отличался заметно от газеты, в которой деятельно сотрудничал. «С.-Петербургские Ведомости» были тогда органом умеренного, но довольно стойкого либерализма. Упадок их начался позже. В описываемую эпоху они считались олотом прогрессивной интеллигенции и молодого земского движения. Среди ближайших сотрудников числились известный земский деятель кн. А. Васильчиков, К. К. Арсеньев, философы-позитивисты Вырубов и де-Роберти. По вопросам искусства писал В. В. Стасов, по воскресеньям писал бойкие фельетоны А. Суворин, тогда еще щеголявший радикализмом под именем Незнакомца. В «С. Петербургских Ведомостях» печатались пространные отчеты заседаний общества сельских хозяев, где выступали тогда столпы земского либерализма. Довольно широкое место отводилось освещению окраинных вопросов, — в особенности по вопросам об усилении русских элементов и русского помещичьего земледелия на северо-западном и юго-западном крае. В газете заметен был националистический антипольский тон. С 1867 г., после приезда в Россию «славянских гостей», — представителей различных зарубежных славянских организаций, — «С. Петербургские Ведомости» обратили особое внимание на информацию о положении славян в Австро-Венгрии. Газета пользовалась репутацией солидного органа. В кругах радикально-демократических к ней относились с иронией, но не так пренебрежительно как к «Голосу». В течении трех лет, с 1865 по 1867 годы, «С. Петербургские Ведом.» получали от правительства четыре предостережения, из них одно за статью Драгоманова.

Работа в «С. Петербургских Ведомостях», как мы говорили, оказала большое влияние на Драгоманова. Она обнаружила в нем незаурядное публицистическое дарование. Он писал живо и легко, и на его корреспонденции (обычно не подписанные) редакция часто обращала внимание читателей в «общем обозрении», которое шло обычно впереди передовой. Статьи по вопросам крестьянского устройства в «юго-западном» крае, о национальных и социальных взаимоотношениях в нем, привлекали к себе и внимание печати, и реакционная «Весть» делала их предметом ожесточенной полемики. Это придавало особый вес и значение публицистическим выступлениям Драгоманова. Но существенно важно для его собственного развития было то, что он близко ознакомился с общественными

вопросами, присматривался внимательно к жизни края и открывал в ней такие черты и особенности, которые играли впоследствии главную роль в социальном его мировоззрении. По общей политической окраске статьи Драгоманова не выделяются на достаточно бесцветных страницах «СПБ. Вед.». Но было в них нечто такое, что не позволяло киевского корреспондента помещать без оговорок в ряды либеральных сотрудников. Это — отношение к вопросу крестьянскому и национальному. «СПБ. Ведом.» стояли за развитие и укрепление помещичьего русского земледелия в окраинах с преобладающим польским влиянием. Это совпадало с программой просвещенных русских аграриев, лидером которых был кн. Васильчиков. Русский помещик рассматривался как носитель культуры, опирающийся на крупное земледелие. Однако, пред Драгомановым открывалась другая картина.

После польского восстания на правобережной Украине началась полоса чрезвычайного экономического оживления. Скупка и продажа польских имений была одной из причин. Более существенную роль играло железнодорожное строительство, промышленное производство, биржевая спекуляция на почве возросшего хлебного экспорта, быстрое развитие сахарной промышленности. Нарождалась новая буржуазия; торговый дух проник даже в университет, и часть профессоров занялась скупкой имений и банковскими операциями. Драгоманов, присматриваясь к жизни края, видел, что новые помещики ничуть не лучше старых, и что так же чужды они крестьянам, как и поляки, и что ростет, словно на дрожжах, еврейская буржуазия, тоже чужая и чуждая крестьянству. Так, несмотря на освобождение крестьян, несмотря на поражение польского восстания, попрежнему остается где то на третьем плане, в прежней бедности и заброшенности, украинский крестьянин, а с ним заброшенной, бедной и бессильной остается украинская культура. И в анонимных корреспонденциях из Киева и в пространных передовых статьях проводится мысль, что только крестьянское земледелие должно стать опорой правительственной политики в крае, и что искусственное в нем насаждение помещиков не разрешит вопроса о социальных и национальных взаимоотношениях.

В связи с этим возник и вопрос и об украинском языке в народной школе. Распространение русского языка в юго-западном и северо-западном крае пропагандировалось «СПБ. Ведом.» как средство русификации края и борьбы с польской культурой. Драгоманов далек еще был от того, чтобы выдвигать вопрос о самостоятельной украинской культуре и об украинском народе. Он тоже поддерживал мысль о необходимости

„обрусения“, но это обрусение должно было идти через „ма-лорусский яз.“, как язык той массы населения, которая единственно могла стать в крае плотниной против польского помещичьего влияния. Народным школам все из тех же видов борьбы с поляками покровительствовала администрация; ген.-губ. Безак был их сторонником. Драгоманов написал несколько статей в защиту преподавания на украинском яз.; он подходил к вопросу не с национальной, а с педагогической стороны, отстаивал даже украинский яз., как переходный к русскому. Этого требовали тактические соображения,—но и они не помогли. Именно эти статьи Драгоманова, при всей их умеренности навлекли гонение и на автора и на газету. Драгоманов подверг критике учебник русской грамоты кн. Ширинского-Шихматова, в котором по традиции знакомство с грамотой начиналось с церковно-славянской азбуки и переходило к великорусской речи. Драгоманов показал непригодность такого способа обучения в украинской школе и предлагал, со своей стороны, начинать с украинского языка. Статья эта была напечатана в № 93 „СПБ. Ведом.“ в апреле 1866 г., через два дня после выстрела Каракозова, а 17 апреля в „Московских Ведомостях“ Катков разразился громовой статьей, в которой было между прочим сказано: „... Чья то тайная рука подала сигнал,—и семи писать статьи против России французы Масад и С. М. де-Жирарден, украинство подняло голову в № 93 „СПБ. Ведом.“, а Каракозов выстрелил в даря.“ Хотя эта фраза по логической связи ничем не уступала известной формуле „в огороде бузина, а в Киеве—дядя“, но газета все же получила предостережение, а против Драгоманова попечитель кн. Ширинский-Шихматов, мстя и за личную обиду, начал энергичную кампанию. Дело дошло до министра народного просвещения. Драгоманову грозило увольнение за „принадлежность к партии украинфилов“: он уцелел, однако, хотя оставался с тех пор на подозрении и не мог добиться от министерства утверждения в звании штатного доцента. Драгоманов говорит в своей „автобиографии“, что донес Ширинского-Шихматова решительно прикрипел его к украинскому движению.

3. Украинская культурная работа.

Впрочем, Драгоманов и без того был уже к этому времени тесно связан с украинскими кругами и украинским делом. Работа, которая начата была Драгомановым еще в комиссии при Временной педагогической школе, по составлению учебников на украинском яз., не была прервана после увольнения Дра-

гоманова из школы. Репрессии 1863 г. отразились и на украинофильстве. Кружки распались,—„Громада“, однако, не прекратила существования. Те, кто остались, сплотились теснее, ушли в научную, культурно-этнографическую работу. В кружке Драгоманова усилено занимались составлением русско-украинского словаря; по поводу отдельных слов возникли бесконечные споры, и дело подвигалось медленно. Успешнее шла работа по собиранию народных песен и сказок, и в 1867 г. в одной из корреспонденций „СПБ. Ведом.“ из Киева автор жадуется на то, что в Киеве нет отделения Русского Географического Общества, игравшего культурную роль в России, и некому позаботиться об издании подготовленных двух сборников по украинскому народному творчеству. Позже эти сборники были изданы; один, составленный Рудченко, с посвящением Драгоманову.

Прежнего реального деления на „космополитов“ и „укаинофилов“ не было. Драгоманов уже считался не только „своим“, но и в некотором роде руководителем. Но споры в кружках шли оживленнее, и намечался разногласия по двум основным линиям. Во первых,—о значении украинской литературы: является ли она только литературой „для домашнего обихода“, как тогда любил выражаться, или имеет и самостоятельное значение. Драгоманов стоял на том, что в настоящее время украинская литература еще слишком слаба, чтобы претендовать на самостоятельную силу. Ей надо приобрести на европейской культуре (через русскую), чтобы подняться на надлежащую высоту. „При малой силе украинской литературы тщетно спорить об ее правах“¹,—так позже формулировал он свой взгляд в противовес националистам. Другое разногласие, в котором Драгоманов тоже оказывался убежденным противником националистов, делало в области политической. В кружке намечались два течения: собственно украинофильское, интеллигентски-националистическое и хлопоманское, мужицко-демократическое. Таким образом, и здесь в украинской среде, как и в общерусской, Драгоманов расколся с либеральными кругами, тиготей определено в сторону крестьянства. Социальные элементы прочно входили в его мировоззрение и сближали его с русским зарождающимся народничеством. Уже в этом периоде возникла та внутренняя коллизия, которая всю позднейшую деятельность Драгоманова поставит на пересечении двух культур, между двумя лагерями, и создаст в нем и в окружающих неудовлетворенность, неизбежную для тех, кто ни в одном лагере целиком, всей своей индиви-

¹ Австро-руські спомини, ст. 43.

дуальностью не вмещается. В украинском своем кружке Драгоманов был на счету народника и социалиста, для которого национальность играет роль подчиненную. А в русских кружках на Драгоманова смотрели как на националиста, и к этому времени, к 1870 г., относятся эпизод, который произвел на Драгоманова сильное впечатление и многое ему открыл, так что он неоднократно вспоминал о нем в различных своих произведениях. Наиболее полно рассказал он о нем в статьях, составивших брошюру: „Историческая Польша и великорусская демократия“. Драгоманов просил принять участие в кружке, поставившем себе целью „политико-социальное самообразование“. На первом заседании, на котором распределялись темы для рефератов, Драгоманов взял на себя доклад „о социальных стремлениях и о положении женщины в среде украинского крестьянства, которое составляет украинскую нацию“. На чтении доклада присутствовала делегат петербургского социально-революционного кружка,—первый русский,—вернее великорусский социалист, с которым встретился Драгоманов. И от него впервые Драгоманов услышал то возражение, которое неизменно, почти до конца, сопровождало его политическую деятельность:

— „Все это может быть, и верно,—но к делу не идет. Мы должны думать о борьбе с общим врагом, а вы, говоря нам об Украине, как о чем то особом, вносите разделение в наши силы“.

Это возражение напоминало Драгоманову полемнику с кн. Ширинским-Шихматовым, который тоже говорил, что сначала надо покончить с „общим врагом“—Польшей,—а потом уже интересоваться „местными элементами“. Драгоманов старался убедить своего оппонента доводами тоже педагогического характера,—о необходимости в пропаганде применяться к местным культурным особенностям, к языку, обычаям и т. д. Но великорусский социалист с упорным пренебрежением относился к „национализму“ Драгоманова.

Этот спор оставил в Драгоманове чувство горечи и сознание необходимости упорной борьбы за украинскую культуру. Работа над собиравшимся материалом по народному творчеству укрепила связь с ней. А научные занятия в университете над диссертацией углубляли интерес к прошлому украинского народа, придавали этнографическим изысканиям историко-философский смысл. Драгоманов готовил себя к кафедре истории, писал диссертацию по истории Рима, но в процессе работы его увлекла история фольклора. „Изучая древнюю историю,—

¹ Вельво-русский Интернационал и Польско-Укр. вопрос. 1907, с. 11.

говорит он, я обратил особое внимание на религии и на мифологию арийских народов. От древних народов я перешел к новым и тут остановился на народных сказаниях и на словесности славян, а между ними, конечно, и украинцев...“ Политические песни украинского народа развернули богатую и пеструю картину его исторической жизни, его отношений и к московским и к западным соседям, героической борьбы с Турцией. Сходство с песнями балканских славян, общность исторических судеб славянских крестьянских наций, потерявших свою историческую государственность, но прямо хранящих свою национальную культуру, поставила перед Драгомановым славянский вопрос, а вместе с ним и вопрос о федеративной демократии. Интересы общей истории стали отходить на второй план; произошел перелом в сторону сравнительной филологии, изучения народной словесности, но преимуществу славянской, и украинской—то, чему Драгоманов отдал впоследствии лучшие силы своей души. В это время зародилась и начата была монументальная работа по собиранию и изданию „Исторических песен“ украинского народа,—то, что Драгоманов считал не только делом своей жизни, но и национальным украинским делом. Работал над этим небольшой кружок молодежи под руководством Драгоманова и проф. В. Антоновича.

Социальное и политическое значение украинского вопроса усиливалось и углублялось борьбой австрийских украинцев в Галиции против полонизации. Во второй половине 60-х годов там началось демократическое движение среди украинской молодежи. Старшее поколение жило еще традиционным московфильством, верой в сильную Россию и в русского царя, который освободит и соединит под своей властью всех славян. На славянском съезде в Москве в 1867 г. эти мечты славян различных стран (кроме поляков) получили довольно яркое выражение. „СПБ. Вед.“ тоже увлеклись славянской идеей, к которой скептически и критически относились радикально-демократические русские круги. Драгоманов не разделял веры в русского царя,—против этого было его республикански-демократическое воспитание. Но в особое назначение будущей демократической России в деле объединения славян верил и он. Демократическое движение в Галиции началось тоже под влиянием украинского возрождения в России. Шевченко дал толчок к развитию художественной украинской литературы в Галиции. Известия об этом доходили и до Киева, но прямой связи между разделенными рубежом частями Украины не было. В 1867 г. приехал из Галиции и познакомился с Драгомановым первый галичанин, купец Димет, приехавший по своим торговым делам, но связанный с львовскими литературными

кружками. То, что он рассказывал о молодом, наивном, полном романтики, галицийском движении, глубоко захватило Драгоманова. Связи были установлены и нелегальным путем стали приходиться в Киев галицийские издания, в том числе возникшая в 1867 г. „Правда“. Драгоманов рассказывает, как перепугали мирных украинофилов, еще далеких от политики, первые прошедшие номера газеты. Александр Кистяковский, бывший секретарь журнала „Основа“, доцент уголовного права, таивший свое украинофильство, закидал не посылать ему больше по почте зарубежных изданий. Драгоманов пересылал в „Правду“ и свои рукописи, и статьи других украинских авторов. С этого же времени он начал систематически знакомить читателей „СПБ. Вестом.“ с жизнью и бытом галицийских русин. В 1867 г. была напечатана первая статья на эту тему: „Галицкорусский театр“, затем печатались „Письма с галицкой границы“.

4. Диссертация.

Тем временем, своим, несколько замедленным ходом, шла ученая карьера. В 1869 г. вышла магистерская диссертация Драгоманова: „Вопрос об историческом значении римской империи и Тацит“. Это была только первая общая часть задуманного исторического труда. Но Драгоманов никогда к нему больше не возвращался,—не в истории было его подлинное призвание. Б. А. Кистяковский полагает, что степень магистра была присуждена Драгоманову „вполне заслуженно“, но что „это была в значительной мере еще юношеская работа“¹. Книга вызвала резкую критику со стороны консервативных профессоров, которые усмотрели даже в ней социализм,—трудно понять почему. Рецензия, напечатанная в „Журнале Мин. Народн. Просв.“ и затем перепечатанная (в несколько ином виде) в „Русском Вестнике“, успевшем уже сменить либеральную физиономию на реакционную, задержала утверждение Драгоманова на профессорской кафедре и научную командировку его за границу. Начальство терпело неблагонадежного доцента, потому что историко-филологический факультет киевского университета и без того находился в состоянии полного развала, и одно время из 11 штатных кафедр 10 были замещены доцентами. Вопрос о положении ист.-фил. факультета киевского университета в 1869 г. был предметом живого обсуждения и в специальной и в общей печати.

¹ Полнт. сочин., т. I.

Книга Драгоманова представляет в настоящее время интерес в той мере, в какой она дает возможность судить об историко-философских его взглядах. Он им оставался верен и в позднейшее время, хотя ни в одном из политических своих произведений он не дает им полного и цельного выражения. Первая часть книги занята изложением господствующих в науке исторических и социально-политических теорий общества. Драгоманов последовательно разбирает немецкие идеалистические системы, останавливаясь подробно на Гегеле; органическую теорию общества; наконец, французских позитивистов,—Конта. Сочувствие его явно на стороне последнего. Своих собственных взглядов Драгоманов не формулирует отчетливо, но ясно, что в историческом процессе он видел прежде всего и преимущественно развитие политических и социальных идей,—развитие закономерное, подчиненное внутреннему закону прогресса. „Прогресс цивилизации, говорит Драгоманов, выражается и в свою очередь обуславливается, главным образом, силой сознания научного, политического и нравственного“ (с. 389). В противоположность марксизму, сознание у Драгоманова определяет бытие, и это относит его полностью в лагерь исторического идеализма. Нельзя сказать, чтобы он был крайним сторонником этого направления. Он был врагом всякой предвзятости, всякого стремления привести исторический процесс к социальной однородности, и позже нападал на марксизм именно за его тенденции „упростить“ историю. Но живой его, склонный к эмпирическому мышлению ум, вообще чуждался историко-философских абстракций. Это составляло наименее защищенную сторону его позиции в позднейших спорах с русскими социалистами и с марксистами.

Прогресс был для Драгоманова не только выражением объективного исторического хода событий, но и понятием нормативным,—источником политического, социального и культурной творчества. „Только вера в прогресс, писал он, при всей строгости идеала, спасает человека от пессимизма и отчаяния, от гуманной мизантропии, и научат мерять времена и лица мерой относительного совершенства, собственно исторической“... Идея прогресса „ослабила понятие о случайности в истории или приписывание личности большего значения, чем она имела в действительности“. Она заставила вникать „во внутренние причины исторических явлений и перемены—культурные, экономические, социальные и политические“. И отсюда Драгоманов делал вывод: „нет политический мудрости и политических убеждений без честного убеждения, искренности, широты и смелости мысли и философского образования“ (с. 406).

Эта вера в прогресс, как в законосообразное развитие, устраняющее произвол личности; признание относительного совершенства за поступками людей и требование от них честности и прямоты убеждений,—соответствовали общему облику Драгоманова, как трезвого и честного идеалиста, несклонного к революционным методам оценки и действия. Не случайно, а в соответствии с общим своим мировоззрением Драгоманов всегда стоял за эволюцию против революции, за мирный и постепенный прогресс против стихийных и бунтарских взрывов. Рационалист по натуре, он видел в истории творчество мысли и старался воздействовать прежде всего на мысль.

Но историческая судьба Драгоманова была в том, что он принужден был творить дело революции, служить прежде всего революции, и даже в этой его профессорской диссертации была революционная и социалистическая опасность. Критиков смущала прежде всего вера в прогресс, выраженная с неприличной для цехового ученого твердостью убеждений; затем отказ от установившейся манеры бичевать гипнозией Рим, в котором под прикрытием цезаризма Драгоманов нашел демократические социальные идеи; наконец,—и это ставилось в особую вину,—Драгоманов счел возможным, при обзоре литературы, упомянуть о Чернышевском. И сказал то он об опасном литераторе всего три слова, а именно, что Чернышевский в своей рецензии на книгу Гизо представил „верную критику положений французского парламентаризма“. Все равно,—между строк прочитано было сочувствие публицисту, имя которого воспринято уже было называть в печати.

Повидимому, у Драгоманова нашлись и защитники. Утверждение его было отложено до возвращения из-за границы, научная командировка все же была дана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заграничная командировка, политические связи, литературная деятельность. (1870—1876).

1. В Германии и Австрии.

Драгоманов собирался пробыть за-границей два года, пробыл три. За это время он объездил всю Германию, Австрию и Италию, зиму 1870—1871 г. провел в Берлине, весну и лето 1871 г.—в Австрии,—в Праге и Вене. Осень прожил в Гейдельберге, две зимы (1871—72 и 1872—73 г.г.)—в Италии,—в Риме и Флоренции. Летом 1872 г. снова посетил Вену и Прагу и летом 1873 г., уже на пути в Россию, прожил около двух месяцев в Цюрихе. В августе посетил Львов и затем вернулся в Киев. Знакомство с западно-европейской жизнью, личные впечатления от ее быта, нравов, от борьбы политических партий имели огромное значение в развитии духовного склада Драгоманова. Он всюду с большим вниманием следил за общественной жизнью, посещал народные собрания, интересовался текущей политической печатью. После посещения Вены и Львова у него завязалась оживленная переписка с галицкими общественными деятелями—на темы политические и культурные.

Драгоманов уезжал за границу мирно настроенным, либерально-демократическим профессором,—с главной целью—поднять научное свое образование, познакомиться на месте с источниками по истории Рима. Но общественная жизнь сразу втянула его в круг своих интересов, и публицистика отняла у него не мало времени. Он приехал в Берлин во время франко-прусской войны, когда вся Германия жила напряженной, лихорадочной жизнью, была сплошь охвачена воинственным националистическим настроением и торжествовала одну победу за другой. Днем Драгоманов бывал в университете, слушал лекции Момзена, читал бесчисленные брошюры и памфлеты, авторы которых упивались мечтами об единой, могучей Германии, призванной владеть всей Европой. Вечером Драгоманов посещал народные, по преимуществу рабочие, собрания. Демократическим его симпатиям по духу были близки взрослые, со-

лидные, деловые рабочие—немцы, спокойно рассуждавшие на политические темы. Их солидность, опрятность в одежде, их внутреннюю силу Драгоманов с удовольствием отмечал потом в своих статьях. Он собственными глазами видел, каким может быть подлинное рабочее социалистическое движение,—и оно не похоже было на беспорядочные, шумливые сходки русских студентов, у которых небрежность в одежде так гармонировала с небрежностью в мышлении, в чтении, в спорах. Внешние впечатления от немецких рабочих усиливали в Драгоманове его склонность к европеизму, к культуре.

Это было внешне впечатление. Что касается более глубоких, Драгоманова поразила национализм германских рабочих. В это время в социалистическом движении Германии господствовали лассальянцы. Во главе лассалевского „Всеобщего союза“ стояли Швейдер и Газенклевер, не скрывавшие своих симпатий к Бисмарку. В официальном органе „Социал-демократ“ звучали шовинистические ноты, отражалось общее упование германской мощью и проповедывалась великая культурная миссия Германии на востоке. Такие же речи можно было слышать на собраниях. В рейхстаге социалистическая лассалевская фракция голосовала за военные кредиты. Правда, Бебель и Либкнехт от голосования воздержались и выступали с речами против националистического утара, за что и поплатились судебным преследованием и тюрьмой. Но число сторонников Бебеля было тогда еще невелико,—особенно в Берлине. В массе своей немецкие рабочие шли за Швейдером, дуалистичная игра которого еще не была разгадана. Драгоманов имел основание писать о национализме всего немецкого народа. Антигерманское настроение было тогда общим в русской передовой печати, и корреспонденции Драгоманова в „С.П.Б. Ведом.“ не отличались по тону от статей в других органах. Сочувствие русской интеллигенции, как и европейской демократии, было на стороне Франции,—когда выяснились размеры ее поражения, когда пала империя, и поразила всех жестокость и беспощадность победителей.

После Седана и Версальского мира одно стремление охватило всю Германию—к национальному единству. Пангерманизм торжествовал повсюду, и в 1871 г., путешествуя по Австрии, в Лузитании и Чехии, Драгоманов слышал его победные крики и видел впечатление от немецкого триумфа в славянских землях, где уже разгоралась немецко-чешская борьба. Германия объединилась,—но без Австрии и об единение не было полным, а национальный союз Германии с Австрией выдвигал как боевую проблему—славянский вопрос, влияние на Балканах и неминуемое столкновение с Россией. Легкая победа над Фран-

цией кружила головы немецким националистам, а националистами—в большей или меньшей степени,—были все, вплоть до большинства немецких социалистов. Лассальянцы усиленно подчеркивали, повторяли, раздували отдельные места и фразы из статей Лассаля, которые давали право говорить об его воинствующем национализме. Драгоманову известны были слова Лассаля, сказанные в 1863 г.: „Я надеюсь дожить еще до того часа, когда наследство Турции достанется Германии и когда полки немецких солдат или рабочих станут твердой ногой на Босфоре“. Тогда же Лассаль писал Робертусу: „Я признаю право национальности только за великими культурными нациями, а не за расами, все право которых заключается скорее в том, чтобы подвергаться со стороны великих наций ассимиляции и дальнейшему развитию“. Это относилось к „славянским расам“, за которыми и Маркс отрицал право самостоятельного исторического развития, относил их к „народам неисторическим“.

Национализм и внешняя политика Германии были в порядке дня; этими вопросами был поглощен Драгоманов, и как то незамеченной прошла мимо него драматическая история Коммуны, осветившая зловещим огнем финал национального столкновения. В националистическом шуме ухо Драгоманова не уловило революционных нот классовой борьбы. Впрочем, социалистический смысл парижского восстания рабочих был еще не ясен большинству передовой демократии Европы. Знаменитые впоследствии статьи Маркса о Коммуне, выходящие под титулом адресов Интернационала, имели очень узкий круг своих читателей. Драгоманов, повидимому, не принадлежал к числу их. Мысли его были заняты другим—грядущим столкновением Германии и России из-за славянского вопроса.

Осенью 1871 г. Драгоманов проживал в Гейдельберге. Здесь отдельные мысли о германском национализме и славянской культуре сложились в большую статью, которая годом позже появилась в „Вестнике Европы“ под заглавием „Восточная политика Германии и обрусение“. На основании немецкой политической литературы Драгоманов рисует германское движение на славянский восток—„Drang nach Osten“. Только сильная Россия может стать плотной, которая задержит немецкий натиск, но, чтобы стать сильным государством, Россия должна привлечь к себе все население ее народы,—и прежде всего украинцев. Побывав в Австрии, Драгоманов лично убедился в том, как тянутся к России зарубежные славяне, которых останавливает и отпугивает только русский абсолютизм и государственный централизм. Обрусение—на руку немцам; оно раздвигает центр от окраин, усиливает центробежные тенденции. На ряде

примеров Драгоманов показывает, что украинское движение носило своего рода патриотический характер и служило на пользу русской государственности. Статья написана в национал-либеральном духе, и сквозище в ней федеративные тенденции далеки от всякого радикализма.

Драгоманов рассказывает, как обдумывал он эту статью и другие работы, гуляя со своим ребенком в Гейдельбергском лесу. При этом он неоднократно распевал украинские песни и так, на мотив „Гей, не дивуйтесь, добрі люди, що на Україні повстало“ сложил собственную песню о Германии, России и славянах. С добродушной насмешкой называл он впоследствии единственный продукт своего поэтического творчества „политической тредьяковщиной“ и никак не думал, что эта песня попадет в печать. Но она за подписью „Гетманецъ“ без ведома автора и в несколько измененном виде появилась в львовской „Правде“. Художественными достоинствами она не отличается, но весьма характерна для настроений и мыслей Драгоманова. Называется она „Поклик до братів славян“, и вот о чем говорит отдельные ее строфы:

Гей, не дивуйтесь добрі люди,
Що на Україні повстало,
Що Україна по довгій дрімоті
Голову славну підняла,

Гей, Українець просить не багато:
Воли для люду і мови;
Но не лишая він до всієї Русі
І ж всім славянам любови.

З північною Руссю не зломим союзу,
Ми з нею близнята по роду,
Ми віки ділами і радість і горе,
І купці вступаєм в свободу.

Ти, Русин московський, один із всіх братів,
Велике зломив государство,
Неси ж свою силу, де треба на поміч,
На захист усього славянства.

Клади свою славу і силу в освіті,
В кравній і людській свободі,
Не думай ніколи неважати душу
З'єднаних з тобою народів.

Повоай славянські й чужі народи
Поручно з тобою тітмути:
І ставне на волю Литовин, Естонець,
А як в тобї брата обміньте.

Дальше идет обращение к полякам, которые должны признать права украинцев на украинскую землю и речь к чехам

и к сербам. Все славяне должны объединиться пред грозной опасностью.

Ой, глянїте, Славяне, встаньте на заході
Нїмецької грозної хмари;
Ставаймо ж до купи. Забудемо, браття,
Навіски нічезної сварї.

Ой, не дозволяйте урвать її частини
Славянського рідного краю,
Но і прохатї із нас той, хто волю зневажатї,
Чужої землі забавяє.

Зберїмоса, браття, в сімью рівноправну,
І крикнем на братньому піру:
„Ми хочем для себе й для цілого світу
Лиш волю, освіту і миру.“

Ой, мати Україно, ой, Київ наш чесний,
Колї б довелося серед тебе
Те слово почути і подальше знами
Славянське підняти до неба.

В этой песне содержатся те же национальные и политические идеи, что и в статье „Восточная политика Германии и обрусение“, и отличаются эти идеи и национальной и политической умеренностью. В них нет ни революционности, ни социализма, ни сепаратизма. В то же самое время,—быть может в те же дни, когда Драгоманов писал свою статью о германском и славянском мире, в другом углу Европы, задыхаясь от гнева и обиды, набрасывал Бакунин черновые очерки своей „Кнута-германской Империи и социальной революции“. Драгоманов и Бакунин одинаково видели в грядущем столкновение германизма со славянством, но для Драгоманова это воплощалось в виде борьбы милитаристской, бисмарковской Германии с демократической Россией, объединившей славян; для Бакунина—в виде социальной революции крестьянских славянских наций против буржуазной Европы.

Но если не было в статьях Драгоманова, напечатанных по этому вопросу в „СПБ Вестом.“ и в „Вестнике Европы“ революционного темперамента и политического радикализма, то было в них нечто другое, что выделяло их среди всей журнальной и газетной литературы, посвященной войне, Германии и будущим взаимоотношениям в Европе: было знание германской политической жизни и национального вопроса на востоке Европы. Корреспонденция Драгоманова из Берлина можно сравнить с известными впоследствии корреспонденциями Июлоса в „Русских Ведомостях“. Рядом с Драгомановым писал из Германии П. Боборыкин; с германскими националистами по части задора соперничали русские публицисты; выступали и

оригинальные мыслители вроде знакомого нам Стронина, который в брошюре «Франция и Германия» путем математических выкладок доказывал, что культурная роль Франции сырана... Почти все это была газетная дребедень, нежизненная болтовня или патристическая лирика. Статьи Драгоманова отличались знанием дела, давали читателям живую и интересную картину политической борьбы в Германии и умело связывали вопросы внутренней политики с внешней. Это важно отметить, потому что и впоследствии, в русской революционной литературе, Драгоманов является единственным не только для своего, но и для позднейшего времени писателем, который признавал важность внешней политики, интересовался ею и знал ее. Объяснялось это отчасти и тем, что украинский вопрос в России и Галиции по самому существу своему вызывал постановку проблем международных. Принимая близко к сердцу интересы галицийских и венгерских украинцев, Драгоманов принужден был сталкиваться с австро-русскими отношениями, и не случайно по одну сторону рубежа противники именовали его «сепаратистом», а по другую «москвофилом». И одни обвиняли его в том, что он состоит на службе у австрийского правительства, а другие — в том, что он тайный агент России.

С галичанами Драгоманов свел непосредственное знакомство летом 1871 г., когда посетил Вену. Там существовала «Сич» — литературно-политический украинский кружок. С величайшим изумлением узнал Драгоманов, что его выступления в русской печати в защиту галицийских русин вызвали недовольство в галицких «народовских» кругах: он неосторожно задел папу и этим оскорбил католические чувства украинских деятелей в Галиции, среди которых видную роль играл священник о. Качала. Тут впервые дохнула на Драгоманова затхлая атмосфера клерикализма, крепко державшего в объятиях своих все «русенское» движение. Другое, что поразило Драгоманова в галичанах — это их австрийская лояльность, боязнь живого и смелого слова, замствованное у польского шляхетства недоверие и высокомерное отношение к простому народу, к «хлопу». Лучшее была студенческая молодежь, демократическая по духу, но не решавшаяся отделиться от старого поколения. Среди молодежи были живые симпатии к России, особенно к российской Украине, но и старые и молодые галичане в равной мере не имели ни малейшего представления о подлинной России, питались фантастическими слухами о ней и судили о русском яз. и русской литературе по произведениям галицких «москвофилов», — людей, живших верой в сказочного русского царя и писавших на искусственном язичии, — наполовину церковно-славянском, наполовину русском, времен Кантемира. О Драгоманове они

говорили: «Драгоманов хочет от нас, чтобы мы писали языком слуг — но литература пишется веде для господинов»¹.

Приезд Драгоманова, его беседы с галичанами, старыми и молодыми, — открыли в их истории как бы новую эпоху, а для молодежи были настоящим откровением. Драгоманов познакомил их не только с Россией, не только с демократическим русским и русско-украинским движением, но с их собственным галицийским украинством. Студенческий кружок взялся за собиранье народных исторических песен и за изучение русской художественной литературы. С увлечением Драгоманов вошел в самое существо галицийских политических и культурных дел. Основной недостаток украинского движения в Галиции, как и в России, он видел в его замкнутости, в отрешенности от общих задач европейской демократии. И в своих беседах, и в личной переписке, и в статьях, напечатанных позже, в галицийских изданиях, в «Правде» и в «Друге» он говорит, о необходимости освободиться от клерикализма, от соглашательской политики в угоду правительству, от узкого национализма. То, что он проповедывал, кажется весьма умеренным и улеглось бы в рамки урезанной со всех сторон демократической программы. Но австро-русинским общественным деятелям, занимавшим путем сделок с польской шляхтой и немецкими властями теплые места в администрации, в университете, в управлении, статьи Драгоманова казались революционной пропагандой, идущей к тому же из России, — стало быть опасной вдвойне. И даже демократическая молодежь, из которой вышли И. Франко и М. Павлик, позже друзья и союзники Драгоманова по борьбе с галицийскими «народовцами», — робко и с опаской следовали за своим учителем.

Драгоманов ознакомил Галичан с Россией. Позже он с иронией писал, что он, которого русская реакционная печать именовала «сепаратистом», распространял в Галиции больше русских книжек, чем любой московский славянофил. Но в то же время он знакомил и Россию с галичанами. В «Вестнике Европы» напечатаны были его статьи «Русские в Галиции» и «Литературное движение в Галиции». В этих статьях, как и в большой статье «Восточная полт. Герм. и обрус.», Драгоманов стоит на почве русской государственности и доказывает, какую ошибку сделали русские славянофилы, поддерживая в Галиции мертворожденные и реакционные группы «москвофилов», безнадежно далекие от народа, и как легко демократическая политика в русско-украинском вопросе привлечет на сторону России живые симпатии подлинного демократического австро-украинского дви-

¹ Австро-руські спомини, с. 426.

жения. В этих статьях, объединенных общей мыслью, Драгоманов вплотную подходит к основной задаче всей своей общественной деятельности: решение национального вопроса невозможно вне политической свободы в России, а эту свободу Драгоманов мыслил в формах европейской демократии. Идеи Прудона были еще сильнее тогда в европейской социалистическом движении, а прудоновский федерализм был близок по духу федеративно-демократическим идеям кирилло-мефодиевского братства. Так складывались в эту эпоху основные элементы политического мировоззрения Драгоманова.

2. Русские социалисты в Цюрихе.

Цюрих 1872—1873 г. содействовал оформлению взглядов Драгоманова. Цюрих начала семидесятых годов занимает особое место в истории русского социально-революционного движения. Это был первый центр новой политической эмиграции. Туда стекались учащаяся молодежь, в особенности девушки, для которых в России еще не было места в университетах. В Цюрих перебрались старые бакунисты и здесь же поселился бежавший из России Лавров. Шумные споры, лекции, собрания с речами, направленными против царской России, обратили на себя внимание и Европы и русского правительства. В Цюрихе видели центр фантастического нигилизма, и в 1873 г. последовало „правительственное сообщение“ о Цюрихе с угрозой, что русские курьески из Цюриха будут по возвращении в Россию лишены всяких прав на образование и на занятие свободными профессиями. Среди всякого вздора, которым прегит это „сообщение“ („о коммунистических теориях свободного брака“ и о „забвении основных начал нравственности и женского целомудрия до крайних пределов“) есть и заслуживающие внимания сведения. „В среде русской молодежи обоего пола,—говорит сообщение,—образовались различные политические партии самых крайних оттенков. Славянское социал-демократическое общество, центральный революционный славянский комитет, славянская и русская секция интернационального общества открылись в Цюрихе и считаются в числе своих членом не мало русских молодых людей и женщин“.

Славянские революционные общества и кружки были в значительной мере детищем Бакунина, вокруг которого группировались пылки головы из славянских земель на Балканах, из Чехии, из Венгрии. Были и польские революционные кружки, державшиеся особняком от русских. Это свидетельствует о том, что славянская идея, в ее бакунистском, социально-рево-

люционным перевоплощении, была банка русской передовой молодежи того времени. В 1873 г. Лавров читал в Цюрихе лекции „о роли славян в истории мысли“. Но не славянская идея владела умами. В центре всех споров были разногласия между бакунистами и лавристами по вопросу о методах и задачах революционного переворота в России. Не было сомнения в том, что этот переворот близок. Умами владела вера горячая и непоколебимая, что крестьянский народ готов к социальной революции, и что ждет он только сигнала или удобного момента для всеобщего восстания. Не было разногласий и в том, что крестьянская община в существе своем есть сохранившаяся коммунистическая ячейка, и России незначит проделывать по примеру западной Европы длительный, сложный и мучительный процесс капиталистического развития. Россия еще не знает по настоящему ни буржуазии, ни пролетариата,— и в этом ее счастье и социалистическое призвание. Так велика была эта вера русского народничества в особые пути для русского народа, что даже Маркс, относившийся с величайшим скептицизмом к избранности России и с глубокой иронией к идеализованной русской общине, не решился отвечать прямо отрицательно на поставленный ему вопрос об особом пути и в известном письме к Николаю—он, высказался уклончиво и условно.

Разногласия между бакунистами и лавристами заключались только в том, нуждается ли социальная революция в предварительной подготовке и в руководстве со стороны политической образованной, снабженной социальными знаниями интеллигенции, или же крестьянство само в себе носит все необходимые ему идеалы, знания, и нужен ему не руководитель-пропагандист, а смелый и отважный вождь-бунтарь, который всколыхнул бы,—каким угодно способом,—многомиллионную массу, и она уже сама в своем восстании рождает социальное творчество. Словом,—„сознательность“ или „стихийность“—вот эта проблема стояла перед социалистической молодежью начала 70-х годов, и легальная публицистика тоже разрабатывала эту проблему под прозрачными псевдонимными воли и веры, разума и чувства в историческом процессе. В крестьянском движении Пугачева и Стеньки Разина, в казацких восстаниях на Украине были исторические примеры борьбы народа за социальную правду, за землю и за волю. Обе спорные теории как нельзя лучше воплощались в личностях их главных носителей. Бакунин—классическая в галереях деятелей социализма фигура стихийного бунта, заклятый враг длительной пропаганды и враг всяких научных теорий в социализме, человек огромного революционного темперамента, неразборчивый в средствах, не-

терпеливый и властный. Лавров—мирный профессор и литератор, неожиданно для себя выброшенный прямо в водоворот революционных слов, мыслей и настроений, учитель по натуре, с наклоном к доктринерству, нерешительный в политической стратегии, но рыцарь в области теоретической мысли.

В 1872 г. Лавров был занят составлением программы для журнала „Вперед“. Проекты программы (их было три) ходили по рукам, как платформа лавристов по вопросу о соглашении с бакунистами. Но соглашение не наладилось. В 1873 г. вышел первый номер „Вперед“—под редакцией Лаврова. Очертания социализма в нем туманны и неопределенны; зато ярко выражена вражда к буржуазному парламентаризму,—вообще к буржуазным формам демократии.

Драгоманов был в курсе цюрихских споров, и еще живя в Италии, интересовался жизнью различных студенческих кружков. Среди молодежи, близкой к Лаврову, был С. Подолинский, украинец, сын известного поэта пушкинской эпохи, богатого помещика. Драгоманов находился в переписке с Подолинским, который был связан и с кружками украинцев, галицийских и русских. Галичане были близки к украинцам из России, но их отпугивал радикализм и социализм русской молодежи. Они поддерживали, с другой стороны, связи с польскими студенческими кружками, которые с решительной враждой относились ко всему русскому. Среди польской молодежи пользовалась большим влиянием живший тогда в Цюрихе, известный в свое время Духинский, прошумевший после польского восстания теорией монгольского происхождения русского народа, за которым, таким образом, отрицалось право на участие в славянской семье народов. В науке теории Духинского не уцелела, но в публицистике, враждебной России, имела большой успех. Драгоманов упоминал о ней насмешливо в своих статьях.

В начале 1873 г. Драгоманов получил из Цюриха приглашение прочитать реферат о Шевченко на шевченковском вечере. Приехать Драгоманов не мог, но написал и выслал статью, которая и была прочитана; после этого другой доклад о Шевченко прочитал какой-то галичанин. Отношение галицийских народových кругов к Драгоманову сказалося в том, что в „Правде“ была напечатана только доклад, а о реферате Драгоманова было лишь упомянуто. Галицийским народолюбцам Драгоманов казался уже слишком радикальным политиком и слишком умеренным националистом. Имя Драгоманова было известно в революционных кружках Цюриха, и С. Подолинский прислал ему во Флоренцию программу журнала „Вперед“ с просьбой высказаться о ней. Драгоманов отнесся к этой программе чрезвычайно сдержано, но не социальная, а поли-

тическая ее сторона привлекла особое его внимание. В своем ответе он не отрицал социальной революции, но указал на необходимость в первую очередь политической борьбы и политических требований. Сам он впоследствии писал, что ответ его на цюрихских революционеров должен был произвести впечатление умеренности и отсталости. Действительно, в революционном увлечении своим русская молодежь шагнула далеко вперед.

Летом 1873 г. Драгоманов прожил в Цюрихе почти два месяца и вошел в непосредственное общение с революционной молодежью. Достаточно прочтять воспоминания о Цюрихе Веры Фигнер, Деборгия-Мокриевича, Джабадари и др., чтобы живо представить себе пропитанную молодым увлечением, энтузиазмом, горячей верой—атмосферу русского студенческого квартала. При всей своей трезвости Драгоманов не мог не заразиться общим порывом. Верой в близость великих событий жила ведь и вся интеллигентная Россия, оправившаяся после реакционной вспышки 60-х годов. Драгоманов принимал участие в спорах, при чем разногласия у него были по двум вопросам: 1) не следует ли теперь в России добиваться прежде всего политической свободы и 2) могут ли что либо существенное сделать на юге России так наз. тогда „радикалы“, не заимствуя чего либо у так называемых „украинофилов“. (Сочинения, 2 т. Париж, с. 423).

Драгоманов считался не „своим“, но все же близким и сочувствующим в революционных кругах. Лавров предложил ему сотрудничество во „Вперед“ и Драгоманов не отказался и дал статью о Шевченко. Статья эта не была напечатана, потому что редакцию „Вперед“ не интересовали украинские национальные темы. Но коренных разногласий у Драгоманова со впередовцами не было, как не было и близкой связи. Ни к одному из главных течений Драгоманов не примкнул. По культурности, по отношению к теории, мысли, слову ему были близки лавристы. Но бакунисты должны были привлекать своими мечтами о славянской федерации и враждой к немецким социалистам, с которыми, обвиняя их в национализме, вел страстную борьбу Бакунин. У лавристов сильнее чувствовалась тот дух великорусскости, который под прикрытием формул космополитизма трактовал все национальные вопросы, как лишнюю второстепенную частности. Холодок в отношениях с Лавровым остался. Быть может, уже тогда неприятно порадила Драгоманова в Лаврове его склонность к компромиссам с молодежью, уступчивость ее настроениям, некоторая нерешительность. Как бы ни были заразительны цюрихские настроения, Драгоманов не забывал, что пред ним зеленая молодежь, наив-

ная и невежественная, питающаяся не фактами, а верой, знающая очень мало тот народ, о котором она столько говорила.

Происходили в Цюрихе события, которые сами по себе имели значение и небольшое, но для того времени были весьма любопытны и в особенности должны были заинтересовать Драгоманова. Кроме славянских революционных „комитетов“ был там и грузинский студенческий кружок, в котором шли речи об основании „кавказской федеративной республики“. Спорили об этом страстно и несколько позже, — уже после отъезда Драгоманова, был устроен даже „конгресс“ из уроженцев Кавказа. Сепаратисты получили на этом конгрессе большинство. Националистическое увлечение было, впрочем, недолговечно, и главные руководители молодого кавказского сепаратизма приняли затем деятельное участие в общем русском социально-революционном движении. Вообще национальные настроения быстро растворялись в ярком и бурном социалистическом течении. Синтеза национального и социального моментов не было, и предстоял выбор: социальная революция или национальное движение. Психологически переход от одного к другому был нетруден, в особенности у украинцев. Драгоманов наблюдал, как бывшие горячие украинofilы превращались в Цюрихе в горячих русских народников: от козацкого романтизма к русскому бунтарству, — одна стихия в основе. В частности, такое превращение испытал С. Подольский. Кстати сказать, среди национальных вопросов в Цюрихе живо обсуждался и вопрос об отношении к анти-еврейским беспорядкам. Поводом к этому послужил погром 1871 г. в Одессе, устроенный местными греками, и избиение 1872 г. в Харькове студентов. И там и здесь полиция и казаки выступали против народа, и в народнических представлениях стихия бунта обединила студенческие и анти-еврейские беспорядки. Вопрос для молодежи 70-х годов был сложный, и она в нем путалась между сочувствием восставшему против „евреев-ростовщиков“ народу и смутным сознанием, что бить евреев все таки не хорошо. Драгоманову эти споры были известны, и он на них впоследствии ссылался, как на свидетельство народнической путаницы в головах молодежи.

Драгоманов смотрел, наблюдал, прислушивался и сравнивал русское социалистическое движение с тем немецким, которое он узнал близко, будучи в Берлине. И отметил он потом в своей автобиографии такое наблюдение: в Германии социалистические идеи распространялись преимущественно среди лучше поставленных, сравнительно обеспеченных заработком рабочих. А в Цюрихе его уверяли, что наиболее подготовлены к социальной революции бедные русские крестьяне, и в особенности, — голодные самарцы. Драгоманов относился к этим уве-

рениям скептически, но не мог он отрицать силу за молодым революционным движением.

Научные занятия шли своим чередом. Работая над источниками, Драгоманов написал ряд статей, из которых две — „Из истории отношений между церковью и государством в Зап. Европе“ и „Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI—XVII вв.“ были напечатаны в „Знании“ (1876, 8, 11) и „Отечественных Записках“ (1875, 2, 3). Начата была Драгомановым большая работа „Церковь и государство в Римской Империи“, но первая глава, посланная в журнал „Знание“, не была пропущена цензурой и погибла, а позже к этой работе Драгоманов уже не возвращался. Много времени и внимания уделил он работе над происходящим мифологией древнего Рима и ее связь с восточными верованиями. Вопрос о народных верованиях, как часть более общего вопроса о народном творчестве, все больше интересовал Драгоманова. Позже он занимался сравнительной историей религий, изучал еврейский язык и устанавливая общность религиозных мифов и преданий в религиях западных и восточных народов.

Возвращаясь в Россию, Драгоманов прожил некоторое время в Львове. Разногласия между ним и народоудцами намечались довольно резко. Все же Драгоманов согласился участвовать в „Правде“, возобновленной при помощи киевских украинцев, и помог демократической части украинского студенчества поставить свой орган, который стал выходить несколько позже. Во всяком случае отношения были завязаны прочно, и львовское об-ство „Просвіта“ немало было обязано помощью из российской Украины через Драгоманова. Выполняя просьбу цюрихских социально-революционных кружков, Драгоманов наладил организацию доставки через Галицию в Россию нелегальной литературы. Даже умеренно-либеральные народоудские круги, боявшиеся как пугала, революции и социализма у себя в Галиции, охотно содействовали распространению русских социалистических изданий в России.

3. Народничество.

После трех лет отсутствия Драгоманов застал в России большую перемену в общественных настроениях. Прежде всего значительно повысился градус революционной температуры, и в Киеве это ощущалось более остро, чем в других местах России. В Цюрихе только разговаривали о будущей социальной революции, — в России уже перешли от разговоров к делу и на ближайшее лето смотрели как на крайний срок общего выступления. Подготовка знаменитого „хождения в народ“

была в полном разгаре, и по воспоминаниям участников, в Киеве, который был центром для всей Украины, с особой силой выражались бунтарские настроения. Часть „чайковцев“ перекочевала из Петербурга на юг, где были уже и свои кружки, в большинстве примыкавшие к бакунистам. В 1872 г. влиятельной фигурой среди киевского студенчества был Стефанович. Тогда же Аксельрод организовал в Киеве свой кружок, в котором происходили занятия с рабочими; завязаны были сношения с артелями плотников, столяров, стекольщиков. На рабочие артели под влиянием Лассаля возлагались тогда революционерами особые надежды. Кружок Аксельрода связался с другими городами, в особенности с Одессой, где тогда работали Желябов и Волховская. В Киеве бывали, подолгу жили и работали в артелях Брешковская, Колодкевич, Всеволод Лопатин, наезжал Ковалик. Позже выдвинулись, как наиболее активные фигуры, Дебогорий-Мокриевич, Деяч.

Помимо пропаганды подготовка к предстоящему „ожождению в народ“ заключалась в прохождении курса какого-нибудь ремесла. Будущие главы всенародного восстания в срочном порядке превращались в плотников, кузнецов, сапожников, — чтобы стать своими, а не чужими в народе. Опыт показал, что одной профессиональной выучки недостаточно, и крестьяне, в подавляющем большинстве случаев, сразу распознавали в плотниках и кузнецах переодетых „студентов“. Незнание быта, языка, деревенских манер выдавали их с головой, — в особенности на Украине. Времена были еще сравнительно патриархальные, жандармы не постигли искусства „внутреннего осведомления“, провокаторы появились несколько позже, и движение довольно широко разрослось под самым носом у полиции. В Киеве без особой конспирации существовали „коммуны“ — общестия революционной молодежи по образцам романа „Что делать“ Чернышевского. Там обучались мастерству, учились, спорили; там останавливались проезжающие через город члены революционных кружков.

Драгоманов застал в „коммунах“ те же споры между бакунистами и лавристами, которые велись в Цюрихе. Тут они имели более актуальный характер, и на практике лавристы немногим отличались от бакунистов и тоже готовились в поход. Драгоманов, по его словам, в Киеве продолжал те же споры, и на те же темы, которые вел в Цюрихе. И в Киеве тоже смотрел на него как на близкого, сочувствующего человека, хотя и не „своего“. Желябов так вспоминал о своей первой встрече с Драгомановым: „Помню первую встречу в 1873 г. в Киеве. На квартире Х. и У. сидит кучка старых-престарых нигилистов за сапожным столом, сосредоточено изучая ремесло.

То знамение движения „в народ“ для жизни честной, трудовой... Программа журнала „Вперед“ прочтена и признана за желательную. „Но какова то действительность?“ — спрашивал себя каждый и спешил погрузиться в неведомое народное море. Да, славное то было время!“¹

Желябов с проницательностью политического вождя тогда же заинтересовался Драгомановым, видя в нем крупную силу, возможного в будущем теоретика партии. Непосредственного участия в споре Желябов, повидимому, тогда не принял. По крайней мере, у Драгоманова об этом не сохранилось воспоминаний. Драгоманов стоял на том, что борьбе за социализм должна предшествовать борьба за политическую свободу, и что на Украине революционная пропаганда должна носить украинский характер. „Мнения наши — пишет Драгоманов, — оспаривались хозяевами квартир. „Нигилисты“ же, сидевшие в другой комнате и по временам входившие в первую то за чаем, то табаком, молчали, но, видимо, были не на стороне „конституционалиста“ и „узкого националиста“. И молчали то „нигилисты“, видимо, потому, что считали лишним даже опровергать „такую ерунду“².

Здесь Драгоманов, может быть, и не совсем прав. Мысль о политической борьбе как раз Желябову уже и тогда могла казаться совсем не „такой ерундой“. — Позже Желябов уже очень близок к этой мысли, а затем стал горячим ее сторонником. Но несомненно, что для подавляющего большинства революционеров, мысль о политической борьбе была совершенной ересью. Точно также ересью были и разговоры о каком-то специальном украинском характере движения, хотя элементы украинства были заметны в революционном движении юга России. „Может быть, здесь играл некоторую роль и более сангвинический характер южан, — говорит В. Богучарский, — но в то время, как в Саратовской или Тамбовской губ. дальше бесед с крестьянами и распространения среди них нелегальных брошюр дело никогда не заходило, на юге готовились к „гайдамачине“, приобретали револьверы, казачские седла и прочие принадлежности готовящегося „всенародного бунта“³. Эта стихия бунтарства в соединении с национальной романтикой увлекала в ряды русского народничества и „украинофильскую“ молодежь.

Драгоманов держался в стороне от движения, относился к нему критически, но не враждебно. На его глазах проходили

¹ Полит. соч., т. II, Парижск. изд., стр. 415.

² Там же, стр. 433.

³ Активн. народничество 70-х годов, стр. 426.

все дальнейшие стадии движения. Летом 1871 г. несколько тысяч молодых людей в разных концах России „двинулись в народ“, — и вернулись с глубоким разочарованием. Народ остался неподвижен. Даже на Украине, в тех местах, где еще недавно происходили крестьянские волнения, где так сильна была вражда к помещикам, — пропагандистов слушали с недоверием, и нигде они успеха не имели. Из общения с народом, революционеры вынесли заключение, что вера в доброго царя держится еще довольно прочно и выступать открыто с революционной и антимонархической проповедью довольно опасно. Крестьяне, правда, были недовольны отношениями, сложившимися после 1861 г., ждали новых земельных реформ и перехода к ним всей земли; толки о „слушном часе“, о „черном переделе“, о какой то „золотой грамоте“, которую издал царь, да скрыли чиновники, — такие слухи смутно бродили в народе. Но революционная молодежь чрезмерно преувеличивала значение этих слухов, а, главное, они то и содействовали пассивности народа, заставляя его чего то ожидать от царя. Главным монархизмом крестьян воспользовались, как известно, Стефанович и Дейч. Пущенная ими легенда о тайной царской грамоте, призывающей крестьян к восстанию против помещиков, дала возможность создать довольно широкую организацию среди крестьян чигиринского и смежных уездов. Но когда затея провалилась, она вызвала осуждение в революционных же кругах.

Народничество раннего периода, наивное, явно утопическое, — заваяло так же быстро, как расцвело. Представление о народе-бунтаре не было совсем оставлено, но оно усложнилось. Усложнились и приемы революционного действия. „Хожdenie в народ“ имело большой успех только в правительственных кругах. Власть и реакционное общество забыли тревогу, и вслед за массовыми арестами была поставлен грандиозный судебный процесс. Вздуроражено было и либеральное общественное мнение, колебавшееся между сочувствием молодежи и страхом перед растущей революцией.

Политическая темнота народных масс и политическое сопротивление правительства с объективной необходимостью ставили перед русским социалистическим движением вопрос о политической борьбе. Оправдывалось то, о чем говорил Драгоманов, который из опыта прошедшего у него на глазах движения сделал и другой вывод. Какие бы цели ни ставила перед собой социалистическая молодежь, поднятая ею борьба имеет политический характер и ведет к политическому освобождению народа. Драгоманов писал об этом впоследствии, и это заставляло его видеть в социально-революционном движении дру-

жественную, а не враждебную либерализму силу. Мысль о политической борьбе в революционных кругах зарождается впервые на юге, среди киевлян, и здесь подготавливается почва для новой народоволюческой фазы движения.

Точно так же на юге раньше всего оформилось политическое движение в либеральных, преимущественно земских кругах. В Харькове и Чернигове намечались центры кристаллизации конституционных настроений. Петрункевич и Линдфорс пользовались популярностью среди общественных деятелей, и на встречах этих деятелей, на обедах и банкетах, заходили речи о необходимости более энергичных выступлений и союзной земской организации. Черниговские либеральные земцы были связаны с киевской „Старой Громадой“, — о которой речь ниже, и вообще в черниговском земстве, как и в подтавском, силой был украинифильский элемент. Драгоманов был не только близок к этому либеральному движению, но даже мог, как видный публицист и общественный деятель, считаться одним из его идейных руководителей. Однако, это движение было так слабо, пользовалось таким небольшим вниманием и такие проявляло умеренные тенденции, что Драгоманов никак не мог видеть в нем серьезную политическую силу. Он писал позже о „вялости“ деятелей либерального движения, об их трусости, о неумении ставить себе ясные и определенные цели и энергично бороться за их осуществление. Его живую натуру влекло к активности, к прямоте и решительности слов и выступлений, и поэтому, не разделяя программы социалистов-радикалов, он был ближе к ним по духу. Дело было, конечно, не в „вялости“ Петрункевича, Линдфорса, Литаврева. Вернее, несомненная вялость этих либералов объяснялась не случайными и не личными причинами. Земское движение уже при самом начале своем носило на себе яркую печать помещичьего происхождения, и социальные тенденции революции были ему враждебны и чужды. Петрункевич уже смолodu был „кадетом“ и к народу питал глубокое инстинктивное недоверие. А для Драгоманова социализм был вторичеродной исторической проблемой, но никогда не был просто фразой. Украинство Драгоманова полностью построено было на крестьянстве, в далеком прошлом которого он видел казакское демократическое устройство и близкие к первобытной коммуны формы общинного хозяйства „Сечи“. Драгоманов не хотел революции, но допускал ее возможность и не боялся ее. В противоположность социалистам-народникам он думал лишь, что русская революция будет по типу своему приближаться не к парижской коммуны 1871 г., а к французской крестьянской революции 1789 г.

Так с самого начала создавалась двойственность в политической позиции Драгоманова. Он не вмещался ни в одном из двух лагерей. Революционеры считали его умеренным либералом, конституционалистом. Либералы — революционером и социалистом. В своем кругу, — среди профессоров, ученых, литераторов, он во всяком случае был „красным“.

4. Киевская „Громада“ и путешествие по Галиции.

Но не в области политики, либеральной или революционной, сосредоточивались по преимуществу интересы Драгоманова. По натуре своей он не был политическим профессиональным деятелем. „Партийная кухня“, без чего невозможна политическая работа, была ему всегда неприятна. Он был по призванию культурный работник, литератор, педагог, — и по возвращении из-за границы он с головой ушел в украинскую культурную жизнь Киева. Здесь он тоже нашел значительную перемену. Кроме студенческих украинских кружков-громад, называясь в отличие от них „Старой Громадой“, существовала прочно сложившаяся организация культурных и общественных деятелей украинцев. В нее входили профессора университета, учителя гимназий, адвокаты, врачи, земские деятели. „Громада“ имела огромное влияние на всю культурную жизнь Украины, — и даже за пределами российской границы. Драгоманов стал деятельным участником ее. По инициативе членов „Громады“ возникло в Киеве отделение Русского Географического Общества, которое под руководством проф. Антоновича, Драгоманова и Чубинского, занялось исследованием экономической и культурной жизни Украины. В трудах, изданных Географическим Обществом, собраны ценные материалы; устраивались этнографические экспедиции, была организована однодневная перепись населения Киева. В комиссии общества над собиранием материалов по украинскому народному творчеству работали Рудченко, Лисенко, Русов, Волков, Михальчук и др. В 1874 и 1875 г.г. вышли в свет два тома „Исторических песен малорусского народа“. На книги стоят имена Драгоманова и Антоновича, но это был труд коллективный. Драгоманову, кроме редактирования, принадлежит историческое введение и многочисленные комментарии. Академия наук присудила авторам „Исторических Песен“ премию в 500 руб., и Антонович с Драгомановым внесли эти деньги в кассу „Громады“.

Украинская жизнь развивалась в Киеве широко, богато, открывалась пред нею широкие перспективы. Драгоманов работал с увлечением, много писал, собирал материалы, читал

лекции. Он был в своей родной атмосфере, удовлетворявшей и научные и общественные его запросы. Правда успех украинского движения встревожил русских националистов-реакционеров, и В. Я. Шульгин, — недавно покровитель Драгоманова, открыл в „Киевлянина“ кампанию против „малорусского сепаратизма“. Но украинцам из „Громады“ удалось, — на недолгое время, — взять в свои руки редакцию другой киевской газеты, „Киевского Телеграфа“. И тут закипела оживленная работа. Писали в „Киевском Телеграфе“ Зибер, Волк, Подолинский. Драгоманов писал всего больше о Галиции. Кончилось дело конфликтом с издательницей, — женой правого профессора Гогуцкого. Все сотрудники украинцы ушли, кроме одного, некоего Молчанова. Этот Молчанов, прикинувшийся сначала украинцем, потом превратился в русского националиста; а еще через пять лет оказался сотрудником архиреволюционной газеты „Правда“, которая выходила в Женеве, жестоко нападала на Драгоманова и была затем уличена в связи с русской тайной полицией. Драгоманов разоблачил Молчанова, который затем проделал последнее свое превращение и успокоился в „Новом Времени“.

Пolemические статьи Драгоманова этого периода вышли отдельной брошюрой: „Выдумки „Киевлянина“ и польских газет о малорусском патриотизме“. Как и в других статьях, написанных в это время для русских изданий, Драгоманов отрицает государственно-сепаратистский характер за украинским движением, подчеркивая его культурные и литературные задачи. В статьях, которые он писал для галицийских изданий, Драгоманову приходилось, напротив, подчеркивать политические и народные моменты в украинстве, и возражать против стремлений галицких угодцев и клерикалов свести украинство до служебной роли различных кружков. С приездом Драгоманова в Киев русское украинство становится общественной силой в галицийском движении, и это приводит в немалое раздражение народоцев, которые ничего не имели против деревенской и культурной помощи из России, но не мирятся с политическим руководством, имеющим демократический характер. Вскоре по возвращении Драгоманова в Россию в львовской „Правде“ была напечатана редактированная Драгомановым декларация в виде письма 31 русских украинцев. Авторы письма отказывались от всякого влияния на программы галицких политических партий и на их парламентскую тактику, но во избежание недоразумений заявляли, что,

1) той, хто зверься руським і говорит про одностайність усіх руських племен, але піде і голосуватиме у державній думі противу прав усіх і кожного славянського

народу, той не знайде собі симпатії в освіченій громаді в Росії.

Так само, як і 2) той, хто піде против свободи совісті й освіти за ультрамонтанство.

і 3) хто, хоть би й признавав федерализм країв і рівноправність народностей, але при тому не держиться у питаннях культурних—свободи розуму, той хай не покланьється на народ і народівців на Україні¹.

Декларации этой Драгоманов придавал большое значение. Он в ней видел своего рода символ веры киевской „Громады“ семидесятых годов, и когда впоследствии обнаружилось расхождение между ним и киевлянами, он ссылался неоднократно на эту декларацию, которой изменил не он, а его киевские бывшие единомышленники. Нельзя сказать, чтобы этот национальный и политический символ веры отличался большой определенностью и крайним радикализмом. Сам Драгоманов был „левее“ общей платформы, которая должна была явиться выражением средней линии, объединяющей членов „Громады“. В ней были разные течения. Умеренные и правые профессора, державшиеся осторожно, бывшие на хорошем счету у начальства, склонны были проводить ту мысль (впоследствии они ее и проводили), что украинское движение не только ничего не имеет общего с революцией, а, напротив, отвлекает молодежь от революции и поэтому заслуживает снисходительного к себе отношения со стороны власти. На противоположном фланге—уже зараженная социализмом молодежь, которая требовала от украинства более активного участия в политической жизни. Неоднородна была позиция членов „Громады“ и в национальном вопросе. На одном крыле были убежденные националисты, еще не ставившие себе государственную „самостоятельность“ Украины, но уже резко враждебные всему „московскому“ и говорившие на манер русских же славянофилов об особом пути Украины, особом ее призвании и особых приемах разрешения всех украинских вопросов. На другом крыле—Драгоманов, который не только свою публицистику, но и научную работу по истории народного творчества построил на том, что нет особых по содержанию национальных культур, а есть одна общеевропейская, развивающаяся культура, есть одни интернациональные сюжеты и мотивы творчества, общие всем народам предания и идеи,—которые переходят от одного народа к другому, принимают своеобразную национальную форму, окрашиваются различными цветами быта, нравов, истории. В

¹ „Правда“ 1873 г., ст. 661. Цитир. Драгоманов, Шевиченко, української й соціалізм“. Примітки, с. 161.

своих статьях для галицийских изданий Драгоманов продолжал настаивать на том, что русская демократическая литература, художественная и политическая, является наилучшим проводником демократических европейских идей в украинскую жизнь. Эти статьи, которые Драгоманов под псевдонимом „Украинец“ помещал в студенческом львовском журнале „Друг“, имели большое влияние на галицкую молодежь. „Друг“ напечатал рассказы Успенского в великорусском подлиннике, что было в галицийской печати великим событием. Демократические тенденции журнала, во главе которого стоял и Франко и Павлик, вызывали сильнейшее недовольство в народных кругах, и дело, наконец, дошло до открытого разрыва.

Летом 1875 г. Драгоманов предпринял путешествие по Галиции. Он давно замыслил посетить венгерских русин—„угорскую Русь“—украинские земли, заброшенные в глуши Карпат, отрезанные от украинского мира, но сохраняющие упорно свой язык под давлением жестокой мадьяризации. По дороге Драгоманов побывал в Львове, где как раз вышла в свет изданная С. Подолинским первая социалистическая брошюра на украинском яз. „Парова машина“. Брошюра предназначалась не только для России. Подолинский, между прочим, ставил с полной определенностью вопрос о необходимости для украинского радикального движения перейти к прямой социалистической агитации. Драгоманов с ним не соглашался. В частности не понравился ему тон и стиль брошюры, не отличавшийся, впрочем, от обычного упрощенного и вульгаризованного стиля агитационных изданий того времени для народа. Большого значения Драгоманов вопросу этому не придавал и продолжал спокойно свое путешествие. В Галич он приехал как раз тогда, когда там происходил народный митинг, созванный народовцами. Собралось человек 800 крестьян,—но в городе было несколько повышенное настроение и расхаживали патрули. Все обошлось чрезвычайно мирно, перед началом митинга отслужен молебен. Речи были не интересны, ни одного живого—политического, социального или экономического вопроса затронуто в них не было. Присутствие необычного гостя,—профессора из России, было, конечно, замечено, хотя Драгоманов держался в стороне, был безмолвным слушателем и ничем о себе не заявил. Противники украинских народовцев, галицкие „москвофилы“, отправили, однако, прямо в Киев телеграмму о том, что Драгоманов не только присутствовал, но и выступал на митинге. Этот митинг в Галиче и телеграфный донос сыграли свою роль в определении дальнейших судьб Драгоманова.

Из Галича Драгоманов приехал в Черновцы, посетила известного писателя Федьковича, с рассказами которого он ознакомил публику в России, и частью пешком, частью верхом на лошади, совершил утомительное путешествие через Карпаты по главным городам Угорской Руси. Ему пришлось открывать Америку,—до такой степени неизвестен был ни русским, ни украинцам этот глухой угол, где всюду Драгоманов находил живую любовь к далекой неведомой Руси вместе с надеждой, что эта фантастическая Русь придет, освободит, поможет. Никакой связи у русинов венгерских с русинами галицийскими не было. Глубоко тронутый тем, что видел, Драгоманов «дал себе Ганинбобу клятву: сделать что-нибудь для Угорской Руси»¹.

Возвращаясь Драгоманов через Краков и Львов, и здесь, в Львове, произошло у него решительное объяснение с народодцами. Приглашенный «на чай» к одному из лидеров, Сушкевичу, Драгоманов нашел здесь форменное судилище, которое началось с допроса с пристрастием. Драгоманов с юмором описал в своих воспоминаниях обстановку завязавшихся прений. Оказалось, что поводом к торжественному выступлению послужила брошюра «Парова машина». Почтенные народодцы с охотой переправляли транспорты с социалистической литературой в Россию, но приходили в ужас от одной мысли о пропаганде социализма в Галиции на украинском яз. Ответственность за издание брошюры или возлагали на Драгоманова и попутно поставлен был и общий вопрос о раздражавшем галичан вмешательстве русских украинцев в галицкие дела. Лидеры народодцев видели, как под влиянием Драгоманова молодежь уходит из-под их духовного руководства. Барвинский, Ганкевич и др. выступили с резкими нападками на социализм, обнаружив при этом полное с ним незнакомство. Драгоманов заявил, что он не во всем солидарен с брошюрой Подолинского, но социализм взял под свою защиту и прочитал народодцам лекцию о рабочем движении западной Европы, о рабочем законодательстве, о вопросах рабочего дня и заработной платы. После этого вечера народодцы остались в полном убеждении, что Драгоманов—социалист, революционер и опасный человек, а Драгоманов тоже вполне убедился, что мирное сотрудничество с народодцами невозможно, и развитие украинского демократического движения в Галиции требует решительного разрыва с ними. Так был освещен этот вопрос Драгомановым по возвращении в Киев, и «Громада» с ним сначала согласилась. Потом и в этом отношении у Драгоманова с руководителями «Громады» вышла разногласия.

¹ Австро-руські спомини, с. 430.

5. Публицистика. Еврейский вопрос.

Чем больше уходил Драгоманов в глубину украинских социальных и культурных вопросов, тем больше обрисовывалась литературная физиономия его, как литератора и деятеля украинского. Учение его в общерусских органах не прерывалось. Свои научные статьи он печатал в «Вестнике Европы», в «Журнале Министерства народа, просвещения», но в русских публицистических статьях затрагивал только вопросы украинского или областного характера. В «Молаве» он напечатал статью об оскудении столичной литературы и о печати, столичной и провинциальной. Незнакомство государственного центра с жизнью, бытом и запросами окраин—было темой этой статьи. Внимание заслуживает напечатанная в «Вестнике Европы» (1875 г., июль) статья «Евреи и поляки в юго-западном крае»,—в особенности первая ее часть. Об отношении Драгоманова к евреям и еврейскому вопросу на Украине будет сказано более подробно в следующей главе. Теперь надо отметить только особенности в постановке Драгомановым этого вопроса. Она была необычайной в литературе своего времени. Ходячими аргументами антисемитской печати были вред, приносимый еврейской эксплуатацией, исконное чувство вражды к «жиду», традиции мести. Либеральная печать, общая и еврейская, говорила только о гражданской эмансипации евреев и в их неправду видела причину всех зол. Драгоманов резко отмежевывается от одних и других. Он—не либерал. Гражданское равенство нисколько не решает вопроса, который лежит гораздо глубже, в социальной структуре общества на Украине, где евреи одновременно национальность, особая религия и особый класс. Драгоманов не знал знаменитых статей Маркса об еврейском вопросе, но как будто у Маркса взято его положение, что «жидовство» это вопрос не политический, а социальный вопрос о «непроизводительном» труде в обществе, и что само христианское общество должно эмансипироваться от своего «жидовства», чтобы коренным образом разрешен был и специально еврейский вопрос. Статья эта интересна потому, что чрезвычайно наглядно показывает, как глубоко расходился Драгоманов с либеральными течениями своего времени, и до какой степени неправильно причислять его к либералам только на том основании, что он первый в революционной печати отстаивал политические требования. А такую ошибку делал в 70-ые годы многие революционеры, а через 30 лет некоторые кадетские публицисты.

В своей первой статье об евреях Драгоманов зачисляет их всех в торговую буржуазию, а всю буржуазию называет

элементом „паразитическим“. Драгоманов не разделяя многих утопических воззрений русского народничества и был одним из первых его строгих критиков. Но основные социально-экономические представления у него были те же, что и у народников, и в развитии капитализма он видел начало чужое, вредное, несущее только кабалу и разорение крестьянству. В области экономических вопросов он заглядывал редко и чувствовал себя там не так свободно, как в политике, истории и культуре. Из широких социальных посылок статьи об евреях сделаны довольно мизерные практические выводы об организации сельского кредита, поощрении кустарной промышленности и т. д. Необходимость полной гражданской эмансипации евреев вместе с политической эмансипацией всех граждан для Драгоманова не вызывает сомнений. Мы увидим, что Драгоманов, придавая особое значение еврейскому вопросу, неоднократно возвращался к нему и открывал новые и важные стороны, которые в 1875 г. ему еще не были видны.

6. Славянское движение.

Публицистическая работа Драгоманова проходила стороной от революционного движения, не встречалась с ним и не пересекалась. Там происходила в это время, под влиянием неудач „хождения в народ“, пересмотр прежних путей и методов. Драгоманов к этому непосредственного отношения не имел. Новое сближение его с революционной русской интеллигенцией началось по другому поводу, сначала даже как будто случайному. Его, как и других, увлек национально-революционный пожар на Балканах. Летом 1875 года сербы в Герцеговине восстали против турок и одновременно против западно-европейской дипломатии, бессильной поставить и решить восточный вопрос. Движение, поднятое горстью сербской молодежи, разрослось вскоре в конфликт в европейском масштабе. Русско-турецкая война могла стать мировой. В шуме событий, в лихорадке воинствующих страстей был поднят и в демонстративной форме поставлен славянский вопрос. Царская Россия выступила в роли покровительницы и защитницы балканских славян; славянофильство стадо на время правительственной теории. Однако, это было несколько позже, в 1876—1877 гг. А когда восстали герцеговинцы, царская дипломатия еще колебалась,—выражать ли им официально свое сочувствие и брать ли их под свою защиту.

Зато не колебалась несколько русская передовая молодежь. Движение на Балканах начиналось как движение револю-

ционное. Славянские крестьяне подымались против турецких чиновников и помещиков. Вождями была молодежь, которая революционное воспитание свое получила в школе великих русских учителей социализма,—Герцена и Бакунина. Один из виднейших людей болгарского народа был Каравелов, лично испытавший на себе влияние Бакунина и Огарева. Стамбулов был членом революционного кружка Квятковского в Одессе. Светозар Маркович был в 1870 г. студентом в Цюрихе, дружил с русской учащейся молодежью, был страстным последователем Чернышевского¹. Мы указывали выше на обитие в Цюрихе славянских революционных организаций и на интерес среди русской молодежи к славянской идее.

На революционное движение в Сербии и Болгарии значительная часть русской революционной молодежи смотрела как на дело свое, близкое, родственное. Бакунисты могли быть увлечены идеями Бакунина о славянской федерации; эти же идеи близки были и многим украинофилам. Драгоманов был их сторонником еще до своей поездки за границу. Но для большинства русских революционеров дело было даже не в славянской идее. Образ восставшего за свою свободу народа пленял их. В России делать пока было нечего, а там, на Балканах, разгорался революционный пожар. В его лозунгах не было социализма; это было чисто национальное движение, и пред ним в растерянном недоумении останавливались „космополиты“ из лавровского журнала „Вперед“. Но наиболее пылые головы не рассуждали долго. На Балканах были такие же разговоры, конспирации, восстания, баррикады,—о каких для России мечтали русские революционеры. И задолго до того, как славянское движение получало официальный штемпель в России и сделалось удобным прикрытием для политики петербургского кабинета, на юге России стали возникать нелегальные комитеты для помощи балканским революционерам и для организации добровольческих дружин. Известно, что такие комитеты были в Киеве и Одессе. В киевский комитет входили только украинцы, Драгоманов играл в нем видную роль. Одесский комитет отличался большей национальной пестротой своего состава: кроме русских, в нем были двое сербов, трое украинцев, один поляк. Душой одесского комитета был Желябов. Как и других революционеров его привлекала в комитет не столько славянская идея, сколько мысль о воздействии на русское общество путем помощи революционному движению в

¹ О связи славянского национально-революционного движения с русским социалистическим см. В. Богучарский. „Активное народничество семидесятых годов“, с. 262—294.

другой стране. В Одессе произошла вторая встреча Желябова с Драгомановым, и от этой встречи у Желябова осталось впечатление о Драгоманове, как о своем, сочувствующем человеке. Отправляясь в свою заграничную поездку по Галиции и по Угорской Руси, Драгоманов отвез с собой для передачи воставшим герцеговинцам небольшую сумму денег, собранную среди украинцев.

В какой мере славянское революционное движение захватило русскую социалистическую молодежь, видно из того, что добровольцами на Балканы уехали из видных революционеров Кравчинский-Степань, Сажин, Каменец, Дебогорий-Мокренич (брат), Ерошенко, Волошенко, Давидович (еврей) и др. Увлечен был восстанием и собирался ехать в Герцеговину Желябов; действительно работа для нелегальных славянских комитетов известная А. Корба (Прибылева). Конечно, ничего существенного из этого не вышло, и добровольцами отправилась лишь небольшая группа молодежи. Увлечение в такой форме скоро прошло. О Кравчинском пишет П. Аксерольд: «скоро Кравчинский вернулся обратно в Женева, после всяческих тревожений, совершенно разочарованный во всем этом „революционном предприятии“». Во-первых, на поле военных действий официальным защитником славян скоро выступило самодержавное царское правительство, а затем и сами варварские братья отнюдь не были подходящим боевым союзником для современно-мыслящих революционеров¹.

Драгоманов не связывал с герцеговинским восстанием утопических надежд на всеобщее восстание, которое должно охватить и Россию. Его отношение к событиям на Балканах было более глубоким. Он видел в них начало великого движения, которое должно разбить реакционный союз трех монархов (германского, австрийского и русского) и привести к национальному освобождению сначала малые, а потом и большие славянские народы и к соединению их затем в федеративном союзе. Турция была для него не просто деспотической властью, угнетающей славян, а старинным, традиционным врагом, с которым нескончаемые войны вела еще казачья Украина. Но не случайно национальные взгляды и идеалы приводили Драгоманова к сближению с революционным русским миром, потому что только революционная Россия, сбросившая наверху бюрократию, могла бы осуществить братскую федерацию славянских народов. Все более разрастаясь, балканские события, возбуждавшие всю Европу, отодвинули на второй план все другие злобы дня. Драгоманов оказался втянутым в полити-

ческое движение, которое в России семидесятых годов неизбежно ставило вопрос о революции. Драгоманов подходил к ней все ближе, несмотря на всю склонность свою к мирному и культурному труду. Быть может этот процесс сближения с революцией затянулся бы на более долгий срок; но его ускорила резкая перемена в личной судьбе Драгоманова. Русское правительство как будто поставило целью своей облегчение перехода его в революционный лагерь. Правительство отрезало перед Драгомановым все пути мирной ученой, педагогической, литературной работы.

7. Исключение из университета по „третьему пункту“.

В революционном движении участвовала, главным образом учащаяся молодежь, и на ведомство народного просвещения направлены были главные силы политической реакции. Министром народного просвещения был граф Д. Толстой. — по истине Кащей бессмертный русской науки. В самое короткое время успешно были вытравлены все следы бурной эпохи шестидесятых годов. В университете, — в частности и в киевском, задавала тон правая, обнаглевшая, торжествующая часть профессуры. Когда Толстой приехал в Киев, ему устроен был парадный обед, который, как в свое время обед Пирогову, был версоссийской демонстрацией, — на этот раз реакционных групп общества.

Драгоманов сразу стал главной мишенью злого обстрела со стороны правых профессоров и педагогического начальства. Он сотрудничал в прогрессивных, даже радикальных изданиях, его открыто называли социалистом, он осмелился создать редакцию новой газеты в противовес „Киевлянину“, — главное, он пользовался чрезвычайной популярностью среди студентов и не скрывал презрения своего к заправлявшей университетом группе профессор-дельцов, коммерческие таланты которых прогрессива куда больше, чем научные. Уже первая выступительная лекция Драгоманова повлекла за собою по доносу какого-то профессора специальное расследование. Его обвиняли в том, что он с кафедры проповедует социализм. Драгоманову удалось доказать, что донос основан на чистейшем невежестве доносчика, перепутавшего слова „социология“ и „социализм“. Лекция была напечатана в „Журнале Минист. Народн. Просв.“ под заглавием: „Положение и задачи науки древней истории“; в ней не было ничего предосудительного, и донос прямых последствий не имел. Однако, Драгоманову запрещено было чтение публичных лекций по истории культуры, и репутация

¹ Рабочий класс и революционное движение в России, с. 101.

„красного“ прочно за ним утвердилась. Когда в 1874 г. после „хождения в народ“ произошли по всей России массовые аресты социалистов, распространился немедленно слух, проникший и в заграничную печать, что арестован и Драгоманов. В Киеве происходила в это время археологический конгресс, живое участие в котором принимали и местные, а также галицкие украинцы. Драгоманов в своих воспоминаниях с живым юмором рассказывает, с каким сожалеющим почтением смотрели на него, — на страшного социалиста, которому полагалось бы сидеть в тюрьме, а не читать твой доклад „Песни и сказания о кровосмешении“.

Драгоманов не только не искал путей к примирению с начальством и правыми профессорами, а напротив, вел с ними прямую и открытую борьбу. Эффект прима, устроенного Толстому в Киеве, был в конце испорчен Драгомановым, который в „Вестнике Европы“ разоблачил всю комедию и весьма убедительно показал, что чествовало Толстого совсем не „все русское общество“, а кучка чиновников и правых профессоров, — среди них свежие ренегаты и старые доносчики, вроде тайного советника Юзефовича, служебная карьера которого началась с предательства Костомарова, Кулиша и др. Хотя заметка в „Вестнике Европы“ была подписана инициалами А. Т., ни для кого секретом не было, что автором ее является Драгоманов. В министре Драгоманов нашел для себя личного врага.

Прямых поводов для расправы с Драгомановым на почве чисто политической не было. Успешнее для реакции была кампания против украинского сепаратизма¹. Это был общий поход против украинского движения, возглавляемый „Киевлянином“. Аргументация была та же, которой пользовалась эта газета неизменно в течении сорока лет. Драгоманова, в частности, обвиняли в намерении отделить Украину от России и присоединить ее к Польше. С доносами, явно абсурдными, можно было еще бороться. Драгоманов в ответ на запросы начальства представлял отзывы польской печати, где его именовали патриотом русского государства и „агентом Москвы“. Труднее было справиться с волной русского национализма, охватившей официальные и близкие к ним сферы. „Киевлянин“ требовал закрытия киевского отделения Географического общества, где сгруппировались украинские культурные силы. Более благосклонно относились к Драгоманову и к украинскому культурному движению высшая в крае административная власть. В своей борьбе с польским помещичьим влиянием она готова была использовать и те антипольские элементы, которые заключались в украинском движении. Генерал-губернатор Бецак Дундук-Корсаков, Дрентельн проводил по образцу Му-

равьева-виленского политику некоторого покровительства крестьянам, вели даже демагогическую „хлопоанскую“ агитацию и терпели до поры до времени у себя на службе либеральных и украинофильствующих чиновников. В Киеве даже ходил такой анекдот, будто управляла юго-западным краем одно время Драгоманов. Генерал-губернатором Дрентельном управлял Меркулов (начальник канцелярии), Меркуловым-Рудченко, а Рудченком Драгоманов¹. По вопросу о преследовании украинского культурного движения между общей местной администрацией и учебной происходила некоторая внутренняя борьба. Победа в конце концов гр. Толстой.

Уже после первого доноса попечитель предложил Драгоманову добровольно удалиться из университета и подать прошение об отставке. Драгоманов отказался и, со своей стороны, предложил исключить его „по третьему пункту“, то-есть с закрытием для него всякой служебной карьеры. На это начальство не решилось, исключать Драгоманова не за что было. Когда в 1875 г. пришла телеграмма от галицких „москвофилов“ об участии Драгоманова в народном митинге в Галиче, попечитель снова предложил Драгоманову подать в отставку и снова Драгоманов отказался. Дело дошло до царя Александра II, который в сентябре 1875 г. во время посещения Киева лично положил резолюцию: Драгоманова перевести в один из северных университетов, географическое общество закрыть. Для решения вопроса об украинском движении была образована комиссия из заклятых врагов украинства с Юзефовичем во главе.

Драгоманов мужественно стоял на своем. Несправедливым решением он отказывался подчиниться добровольно. Личное свое дело он превращал в общественное, и действительно о насильственном удалении Драгоманова узнала вся интеллигентная Россия. Он был исключен „по третьему пункту“, — отрезан от всякой официальной учебной и учебной деятельности, лишен источников материального существования. Одновременно был учрежден над ним нелегальный полицейский надзор. Общественное мнение всколыхнулось, — бессильно было, однако, выразить действительный протест. Один лишь профессор Н. И. Зибер бросил демонстративно свою отставку в лицо киевскому университету.

Еще тяжелее, чем этот личный удар, был грубый и жестокий разгром всего украинского культурного движения. Отделение Географического общества было прихлопнуто, П. Чубинский выслан на север (ему удалось выхлопотать отмену вы-

¹ Листы до Ив. Франка. II, с. 133.

сылки), другие профессора и сами разбежались в перепуге. А затем в мае 1876 г. последовали знаменитые правила комиссии Юзефовича, „Lex Iosefoviana“. Согласно этим правилам: 1) воспрещен был ввоз украинских книг и брошюр из-за границы; 2) воспрещено печатание и издание в России украинских произведений и переводов, кроме исторических документов и беллетристики; 3) воспрещены украинские спектакли и чтения, а также украинский текст к украинским песням. До какой степени жестоко было это насилие над живым словом и над культурой народа, показывают характерные слова известного польдейского писателя по украинским вопросам С. Щеголева. В своей книге „Украинское движение“, приспособленной к уровню младших жандармских чинов, он говорит: „По совершенно непонятным причинам, правила 1876 и 1881 г.г. не были официально опубликованы, что придавало появлению их оттенка какой то таинственности и робкой нерешительности“¹. Убивали стало-быть, культурное дело не прямо, а из-за угла, прячась и стыдясь собственного дела.

С личными лишениями Драгоманов мог бы справиться. Несмотря на „третий пункт“, ему предлагали хорошо оплачиваемую службу в ведомстве путей сообщения. Правда, оставаться в Киеве было небезопасно. В разговоре с Драгомановым генерал-губернатор Дундук-Корсаков намекал, что лучше всего было бы ему заблаговременно убраться из Киева. Но главное,—это было прекращение литературной и научной украинской работы. Мысль о переезде за-границу, которая возникла и раньше, окрепла окончательно, еще до издания правил 1876 г. Это была не только мысль Драгоманова и не его личное решение. „Громада“ решила продолжать украинскую работу за-границей, в Галиции. Специальное совещание, куда входило до 12 наиболее решительных и радикально настроенных членов „Громады“, собираясь на Подоле, обсудило план заграничной деятельности Драгоманова. В центре этой деятельности были издание сборников „Громада“, дальнейших томов „Исторических песен“, агитационных брошюр. „Громада“ взяла на себя обеспечение Драгоманова и его семьи материальными средствами, которые дали бы ему возможность отдаться целиком украинской литературной и научной работе. Местом издательства „Громады“ был намечен Львов.

Не без мытарств Драгоманов получил заграничный паспорт и в мае 1876 г. выехал из России,—чтобы уже больше в нее не возвращаться.

¹ Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма, стр. 61.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

В эмиграции (1876—1881).

1. Первоначальные планы. Преследования социалистов в Галиции.

Драгоманов выехал за-границу с твердым намерением отдаться всецело литературной и научной украинской деятельности. К работе чисто политической, да еще эмигрантской, он относился отрицательно. Впоследствии он писал: „Хоч я и нажив собі репутацию політичного агітатора, то дійсно ніколи не мав ні здібности ні смаку до прямої політичної агітації. В політиці я завше покладав найбільше ваги на політичну науку“¹. „План літературно-політичної роботи, намечений в Києве совместно с громадянами“, сводился к разработке на украинском языке всяких материалов по истории Украины и по современному украинскому движению, к борьбе за права украинского языка и к ознакомлению общественного мнения западной Европы с украинским движением и с преследованиями, которым оно подвергается в царской России. Для этой цели предполагалось организовать в Львове издательство, которое выпускало-бы сборники „Громады“ на украинском языке и агитационные брошюры на русском и на европейских языках. Программа „Громады“ была в главных чертах разработана. Сборники должны были состоять из трех частей. В литературно-художественной предполагалось печатать оригинальные украинские стихотворения, повести, рассказы; в теоретической и политической—статьи на исторические и современные украинские темы; третья часть, которой отводилось особо важное место,—это корреспонденция из Украины русской и австрийской с освещением местных дел. Эту часть для первого сборника Драгоманов подготовил, находясь еще в России. Что касается статей, условлено было, что на темы исторические и программного политического характера будут писать киевляне, а на Драгоманова возложено было освещение современных европейских событий и ознакомление Европы с Украиной.

¹ Австро-руські спом. 221.

сылки), другие профессора и сами разбежались в перепуге. А затем в мае 1876 г. последовали знаменитые правила комиссии Юзефовича, „Lex Iosefoviana“. Согласно этим правилам: 1) воспрещен был ввоз украинских книг и брошюр из-за границы; 2) воспрещено печатание и издание в России украинских произведений и переводов, кроме исторических документов и беллетристики; 3) воспрещены украинские спектакли и чтения, а также украинский текст к украинским песням. До какой степени жестоко было это насилие над живым словом и над культурой народа, показывают характерные слова известного польско-украинского писателя по украинским вопросам С. Щеголева. В своей книге „Украинское движение“, приспособленной к уровню младших жандармских чинов, он говорит: „По совершенно непонятным причинам, правила 1876 и 1881 г.г. не были официально опубликованы, что придавало появлению их оттенка какой то таинственности и робкой нерешительности“¹. Убивали стало-быть, культурное дело не прямо, а из-за угла, прячась и стыдясь собственного дела.

С личными лишениями Драгоманов мог бы справиться. Несмотря на „третий пункт“, ему предлагали хорошо оплачиваемую службу в ведомстве путей сообщения. Правда, оставаться в Киеве было небезопасно. В разговоре с Драгомановым генерал-губернатор Дундук-Корсаков намекал, что лучше всего было бы ему заблаговременно убраться из Киева. Но главное,—это было прекращение литературной и научной украинской работы. Мысль о переезде за-границу, которая возникла и раньше, окрепла окончательно, еще до издания правил 1876 г. Это была не только мысль Драгоманова и не его личное решение. „Громада“ решила продолжать украинскую работу за-границей, в Галиции. Специальное совещание, куда входило до 12 наиболее решительных и радикально настроенных членов „Громады“, собираясь на Подоле, обсудило план заграничной деятельности Драгоманова. В центре этой деятельности были издание сборников „Громада“, дальнейших томов „Исторических песен“, агитационных брошюр. „Громада“ взяла на себя обеспечение Драгоманова и его семьи материальными средствами, которые дали бы ему возможность отдаться целиком украинской литературной и научной работе. Местом издательства „Громады“ был намечен Львов.

Не без мытарств Драгоманов получил заграничный паспорт и в мае 1876 г. выехал из России,—что бы уже больше в нее не возвращаться.

¹ Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма, стр. 64.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

В эмиграции (1876—1881).

1. Первоначальные планы. Преследования социалистов в Галиции.

Драгоманов выехал за-границу с твердым намерением отдаться всецело литературной и научной украинской деятельности. К работе чисто политической, да еще эмигрантской, он относился отрицательно. Впоследствии он писал: „Хоч я і нажив собі репутацію політичного агітатора, то дійсно ніколи не мав ні здібности ні смаку до прямої політичної агітації. В політиці я завше покладав найбільше ваги на політичну науку“¹. „План літературно-політичної роботи, намечений в Києві совместно с громадянами“, сводился к разработке на украинском языке всяких материалов по истории Украины и по современному украинскому движению, к борьбе за права украинского языка и к ознакомлению общественного мнения западной Европы с украинским движением и с преследованиями, которым оно подвергается в царской России. Для этой цели предполагалось организовать в Львове издательство, которое выпускало-бы сборники „Громады“ на украинском языке и агитационные брошюры на русском и на европейских языках. Программа „Громады“ была в главных чертах разработана. Сборники должны были состоять из трех частей. В литературно-художественной предполагалось печатать оригинальные украинские стихотворения, повести, рассказы; в теоретической и политической—статьи на исторические и современные украинские темы; третья часть, которой отводилось особо важное место,—это корреспонденция из Украины русской и австрийской с освещением местных дел. Эту часть для первого сборника Драгоманов подготовил, находясь еще в России. Что касается статей, условлено было, что на темы исторические и программного политического характера будут писать киевляне, а на Драгоманова возложено было освещение современных европейских событий и ознакомление Европы с Украиной.

¹ Австро-руські спом. 221.

По условию с киевлянами, Драгоманов должен был получать в год 1.600 рублей на издание сборников, брошюр и на работы по подготовке „Исторических песен“ и 1.500 руб. на свою личную жизнь. Фондом для „Громады“ должны были послужить деньги Я. Н. Шульгина, отдавшего для „Громады“ все свое состояние—до 12.000 руб.

Такими были планы. Они, казалось, обеспечивали возможность для Драгоманова уйти всецело в украинскую работу. Сотрудничество в русских изданиях Драгоманов не порывал. Он писал в „Молве“,—которая за его статью была закрыта, собирався продолжать работу в журналах. Он пользовался популярностью в русской публицистике, и А. Суворин, еще не растерявший всех своих связей с прогрессивным лагерем, настойчиво приглашал Драгоманова в „Новое Время“. Драгоманов пресumptительно отказался; не прошло и трех месяцев, как „Новое Время“ начало против него кампанию. Уже находясь за границей, Драгоманов напечатал в „Молве“ статью за своей подписью. Мысль об эмиграции была ему вначале чужда.

Однако все пошло не так, как предполагалось. И не успев еще минуту стою со времени отъезда Драгоманова из России, как имя его стало называться в России, как имя руководителя русской политической эмиграции, наряду с именем Лаврова. И не выпустив еще ни одного сборника „Громады“, он уже стал автором ряда ярких политических брошюр на русском яз. и на общие русские темы. И уже, конечно, имя его стало запретным в русской печати, и за своей подписью он ничего не мог печатать в русских журналах, и единственный литературный выход, который у него оставался, был выход в эмигрантской революционно-социалистическую литературу.

Неосуществимым оказался прежде всего план издания „Громады“ в Галиции. Приехавши в Вену, Драгоманов лично убедился в том, какие ростки дали посеянные им среди украинской молодежи семена социальной демократии. Кроме Драгоманова львовские и венские студенты-украинцы имели и других учителей из России. Венский студенческий кружок, душой которого был Остап Терлецкий, задумал вместе с социалистами из России (Лимаковский, Подолинский, Волховской) издавать социалистические брошюры на укр. яз. Кроме „Паровой машины“, изданной Подолинским,—о которой уже упоминалось,—вышли еще три: „Про Правду“ (переведка известной русской „Житрой механики“), „Про бедность“ и „Правдивые слова хлібороба до своїх земляків“. Последняя брошюра написана Феликсом Волховским на манер социалистически-христианских произведений Ламенине,—написана с большим подъемом, с живым

революционным чувством. Брошюры произвели в Галиции впечатление необычайное, вызвали переполюх в правительственных кругах и навели панику на украинских либералов. Влияние Драгоманова на галицкую молодежь и без того стояло у них попереки горла, а теперь ему приписывали руководящую роль в начинающемся социалистическом движении. Драгоманов не имел отношения к вышедшим брошюрам. Тон их ему не нравился; в частности, неприятна ему была подделка Волховского под евангельский стиль. Драгоманов был убежденным и непримиримым врагом всякой церковности и религиозности. Но движение молодежи ему было близко и социалистической работе среди крестьян и рабочих он сочувствовал. Напади на Драгоманова в галицкой печати с двух сторон сразу: „Москвофильская“ печать называла его „проводником гнилого западного коммунизма“, а националистическая украинская—агентом московского правительства, которое в своих видах насаждал социализм среди украинской молодежи в Галиции.

Это было глупо, но, главное, это было небезопасно для Драгоманова. Австрийская полиция, несмотря на конституцию, не так далеко ушла от русской. Драгоманов решил переехать в место, более защищенное, и осенью 1876 года переехал в Женеву. Он поступил весьма пресumptительно. Вскоре были произведены по всей Галиции массовые обыски и аресты. Было брошено в тюрьму до ста человек, среди них Франк, Павлик, Терлецкий, Лимаковский. Прокуратура создала огромный процесс, в центре которого помещен был заочно Драгоманов. Обвинительный акт называл его главарем русской социалистической организации за границей, главным посредником между русскими и австрийскими социалистами. Ему приписывалось влияние на украинский народ „от Днепра—до венгерских Карпат“. Подсудимым вменяли в вину сношения с Драгомановым, и главной уликой была переписка с ним, хотя бы она касалась только литературных и научных вопросов. Для части подсудимых, в том числе для Павлика и Франка, дело закончилось 3 месяцами тюрьмы. Для Драгоманова везд в Галицию оказалась надолго закрыта, а галицкой социалистической молодежи там чувались как зачумленных. В Вене Драгоманов успел лишь издать брошюру „По вопросу о малорусской литературе“—которая предназначалась первоначально для петербургского журнала и не могла появиться в нем после правли 1876 г.

Драгоманов был, таким образом, совершенно прав, перенося свое издание из Галиции в Швейцарию. Он это сделал по своей инициативе, не снеся предварительно с киевлянами. Впоследствии, когда у него начались разногласия с ними, ему ставили в вину этот самовольный переезд и видели в пере-

езде нарушение заключенного в Киеве сговора. Упрек был несправедлив; оставаться в Австрии Драгоманов никак не мог. Но не подлежит сомнению, что Женева оказала сильнейшее влияние на Драгоманова и существенно изменила первоначальные, выработанные в Киеве планы. В Женеве Драгоманов сразу попал в повышенную атмосферу политических интересов, теорий, настроений. В России создавался новый мощный революционный водоворот. Он втягивал всех, кто подходил к нему поближе,—втянул и Драгоманова.

2. Русско-турецкая война.

Со второй половины семидесятых годов социалистические круги Европы жили предчувствием близкого социального переворота. Ближайшим поводом к этому были Русско-Турецкая война и события на Балканском полуострове, на которые смотрели, как на прелюдию к общеевропейской войне и революции. В январе 1877 г. жена Карла Маркса писала в Америку Ф. Зорге: «Что касается моего мужа, то он теперь углубился в восточный вопрос и очень гордится твердым, достойным выступлением сына Магомета против всего христианского шарлатанства и отвратительного лицемерия купцов»¹. О том, как Маркс представлял себе развитие событий, говорит его письмо к Зорге в конце сентября того же года. «Восточный кризис,—пишет он—новый поворотный пункт в истории Европы. Что касается России... то она давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого готовы. Бравые турки ускорили взрыв на годы ударам... Переворот начнется *Secundum artem* (по всем правилам искусства) и в конституцию *A il y aura un beau tapage* (и будет баталья). Революция на этот раз начнется на востоке, бывшем до сих пор нетронутым щитаем и резервной армией контр-революции. Слишком ослабленная Россия не могла бы, как во время франко-прусской войны, держать в узде Австрию. А если и там дойдет до революции, то где же будет последняя гарантия для династии Гогенцоллернов! В данный момент все зависит от того, чтобы поляки (в королевстве Польском) держались смиренно. Только не было бы никаких восстаний в этот момент. Иначе Бисмарк сейчас двинет туда свои полки, и русский шовинизм снова окажется на стороне дая. Напротив того, если поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петрограде и Москве, и если тогда Бисмарк явится в качестве спасителя, то

¹ Письма Карла Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. СПб. 2908, с. 159.

Пруссия найдет... свою Мексику»¹. Таков был прогноз наиболее трезвого и наиболее проинициативного социалиста—мыслителя 70-х годов.

Русско-турецкая война разделила всю политическую Европу на два лагеря. Жестокая резня, устроенная Турками в Герцоговине, и национальные стремления балканских славян вызывали к ним сочувствие либеральной Европы, в особенности в Англии, где виги с Гладстоном во главе и лидеры рабочего движения решительно стояли на стороне России. В противоположном лагере были все, кто боялся по разным мотивам,—усиления России в результате удачной войны и разгрома Турции. Консервативный английский кабинет Д'Израели враждебно следил за успехами русских войск, тревожась за судьбу Константинополя и проливов. Со скрытой опаской относилась к России и официальная Германия.

В социалистических кругах не было единства. Интернационал фактически прекратил существование, хотя формально еще числился в живых за океаном. Социалисты, как самостоятельная сила, в вопросах войны не выступали. Сочувствие Маркса и немецких социалистов было на стороне Турции. В начале 1878 г. Маркс писал Либкнехту: «Мы самым решительным образом стоим за турок, и при том по двум причинам: во-первых, потому что мы изучали турецкого крестьянина, т.е. турецкую народную массу и убедились, что она самая дельная и самая нравственная представительница крестьянства в Европе; во-вторых, потому что поражение русских очень ускорило социальный переворот—данные для него имеются в огромном количестве. И благодаря этому наступит поворот во всей Европе»². Либкнехт вполне с этим был согласен. Он издал брошюру: «Zur orientalischen Fingen oder Soll Europa kosakisch werden?» (К восточному вопросу, или: Должна ли окказаться Европа.) В своей брошюре Либкнехт писал о том, что «турецкие зверства» это по просту русская выдумка, что Австро-Германия угрожает наводнение некультурных славянских народов, и что национально-революционное движение южных славян это истинное дитяе русского правительства. Литературной социалистической агитацией и выступлением в рейхстаге дело не ограничилось. В уже цитированном раньше письме к Зорге, Маркс рассказывает, как он «в течение многих месяцев поддерживал перекрестный огонь против руссофила Гладстона в лондонской аристократической прессе». Он называет при этом наиболее реакционные органы

¹ Письма к Зорге, с. 164.

² Ф. Меринг. Карл Маркс, Петроград 1920, с. 417.

По условию с киевлянами, Драгоманов должен был получить в год 1.600 рублей на издание сборников, брошюр и на работы по подготовке „Исторических песен“ и 1.500 руб. на свою личную жизнь. Фондом для „Громады“ должны были послужить деньги Я. Н. Шульгина, отдавшего для „Громады“ все свое состояние—до 12,000 руб.

Таковы были планы. Они, казалось, обеспечивали возможность для Драгоманова уйти всецело в украинскую работу. Сотрудничество в русских изданиях Драгоманов не порывал. Он писал в „Молве“, которая за его статью была закрыта, собираясь продолжать работу в журналах. Он пользовался популярностью в русской публицистике, и А. Суворин, еще не растерявший всех своих связей с прогрессивным лагерем, настойчиво приглашал Драгоманова в „Новое Время“. Драгоманов предусмотрительно отказался; не прошло и трех месяцев, как „Новое Время“ начало против него кампанию. Уже находясь за границей, Драгоманов напечатал в „Молве“ статью за своей подписью. Мысль об эмиграции была ему вначале чужда.

Однако все пошло не так, как предполагалось. И не успев еще минут год со времени отъезда Драгоманова из России, как имя его стало называться в России, как имя руководителя русской политической эмиграции, наряду с именем Лаврова. И не выпустив еще ни одного сборника „Громады“, он уже стал автором ряда ярких политических брошюр на русском яз. и на общие русские темы. И уже, конечно, имя его стало запретным в русской печати, и за своей подписью он ничего не мог печатать в русских журналах, и единственным литературный выход, который у него оставался, был выход в эмигрантскую революционно-социалистическую литературу.

Неуспешным оказался прежде всего план издания „Громады“ в Галиции. Приехавши в Вену, Драгоманов лично убедился в том, какие ростки дали посеянные им среди украинской молодежи семена социальной демократии. Кроме Драгоманова альвовские и венские студенты-украинцы имели и других учителей из России. Венский студенческий кружок, душой которого был Остап Терлецкий, задумал вместе с социальстами из России (Лимановский, Подолинский, Волюховской) издавать социалистические брошюры на укр. яз. Кроме „Паровой машины“, изданной Подолинским, о которой уже упоминалось,—вышли еще три: „Про Правду“ (переделка известной русской „Хитрой механики“), „Про бідность“ и „Правдиве слово хлібороба до своїх земляків“. Последняя брошюра написана Феликсом Волюховским на манер социалистически-христианских произведений Ламене, — написана с большим подъемом, с живым

революционным чувством. Брошюры произвели в Галиции впечатление необычайное, вызвали переполюх в правительственных кругах и навели панику на украинских либералов. Влияние Драгоманова на галицкую молодежь и без того стояло у них поперек горла, а теперь ему приписывали руководящую роль в начинающемся социалистическом движении. Драгоманов не имел отношения к вышедшим брошюрам. Тон их ему не нравился; в частности, неприятна ему была подделка Волюховского под евангельский стиль. Драгоманов был убежденным и непримиримым врагом всякой церковности и религиозности. Но движение молодежи ему было близко и социалистической работе среди крестьян и рабочих он сочувствовал. Напад на Драгоманова в галицкой печати с двух сторон сразу: „Москвофильская“ печать называла его „проводником гнилого западного коммунизма“, а националистическая украинская—агентом московского правительства, которое в своих видах насаждало социализм среди украинской молодежи в Галиции.

Это было глупо, но, главное, это было небезопасно для Драгоманова. Австрийская полиция, несмотря на конституцию, не так далеко ушла от русской. Драгоманов решил переехать в место, более защищенное, и осенью 1876 года переехал в Женеву. Он поступил весьма предусмотрительно. Вскоре были произведены по всей Галиции массовые обыски и аресты. Было брошено в тюрьму до ста человек, среди них Франко, Павлик, Терлецкий, Лимановский. Прокуратура создала огромный процесс, в центре которого помещен был заочно Драгоманов. Обвинительный акт называл его главарем русской социалистической организации за границей, главным посредником между русскими и австрийскими социальстами. Ему приписывалось влияние на украинский народ „от Днепра—до венгерских Карпат“. Подсудимым вменяли в вину сношения с Драгомановым, и главной уликой была переписка с ним, хотя бы она касалась только литературных и научных вопросов. Для части подсудимых, в том числе для Павлика и Франка, дело закончилось 3 месяцами тюрьмы. Для Драгоманова в'езд в Галицию оказался надолго закрыт, а галицкой социалистической молодежи там чувалось как зачумленным. В Вене Драгоманов успел лишь издать брошюру „По вопросу о малорусской литературе“—которая предназначалась первоначально для петербургского журнала и не могла появиться в нем после права 1876 г.

Драгоманов был, таким образом, совершенно прав, перенося свое издание из Галиции в Швейцарию. Он это сделал по своей инициативе, не снеся предварительно с киевлянами. Впоследствии, когда у него начались разногласия с ними, ему ставили в вину этот самовольный переезд и видели в пере-

езде нарушение заключенного в Киеве сговора. Упрек был несправедлив; оставаться в Австрии Драгоманов никак не мог. Но не поддежит сомнению, что Женева оказала сильнейшее влияние на Драгоманова и существенно изменила первоначальные, выработанные в Киеве планы. В Женеве Драгоманов сразу попал в повышенную атмосферу политических интересов, теорий, настроений. В России создавался новый мощный революционный водоворот. Он втягивал всех, кто подходил к нему поближе,—втянул и Драгоманова.

2. Русско-турецкая война.

Со второй половины семидесятых годов социалистические круги Европы ждали предчувствием близкого социального переворота. Ближайшим поводом к этому были Русско-Турецкая война и события на Балканском полуострове, на которые смотрели, как на прелюдию к общеевропейской войне и революции. В январе 1877 г. жена Карла Маркса писала в Америку Ф. Зорге: «Что касается моего мужа, то он теперь углубился в восточный вопрос и очень гордится твердым, достойным выступлением сынов Магомета против всего христианского шарлатанства и отвратительного лицемерия купцов»¹. О том, как Маркс представлял себе развитие событий, говорит его письмо к Зорге в конце сентября того же года. «Восточный кризис,—пишет он—новый поворотный пункт в истории Европы. Что касается России... то она давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого готовы. Бравые турки ускорили взрыв на годы ударам... Переворот начнется *Secundum artem* (по всем правилам искусства) и в конституцию *A il y aura un beau tapage* (и будет баталия). Революция на этот раз начнется на востоке, бывшем до сих пор нетронутым цитаделью и резервной армией контр-революции. Слишком ослабленная Россия не могла бы, как во время франко-прусской войны, держать в узде Австрию. А если и там дойдет до революции, то где же будет последняя гарантия для династии Гогенцоллернов! В данный момент все зависит от того, чтобы поляки (в королевстве Польском) держались смирно. Только не было бы никаких восстаний в этот момент. Иначе Бисмарк сейчас двинет туда свои полки, и русский шовинизм снова окажется на стороне дая. Напротив того, если поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петрограде и Москве, и если тогда Бисмарк явится в качестве спасителя, то

¹ Письма Карла Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. СПб, 2908, с. 159.

Пруссия найдет... свою Мексику»¹. Таков был прогноз наиболее тревожного и наиболее проищательного социалиста—мыслителя 70-х годов.

Русско-турецкая война разделила всю политическую Европу на два лагеря. Жестокая резня, устроенная Турками в Герцоговине, и национальные стремления балканских славян вызывали к ним сочувствие либеральной Европы, в особенности в Англии, где виги с Гладстоном во главе и лидеры рабочего движения решительно стояли на стороне России. В противоположном лагере были все, кто боялся по разным мотивам,—усиления России в результате удачной войны и разгрома Турции. Консервативный английский кабинет Д'Израсели враждебно следил за успехами русских войск, тревожась за судьбу Константинополя и проливов. Со скрытой опаской относилась к России и официальная Германия.

В социалистических кругах не было единства. Интернационал фактически прекратил существование, хотя формально еще числился в живых за океаном. Социалисты, как самостоятельная сила, в вопросах войны не выступали. Сочувствие Маркса и немецких социалистов было на стороне Турции. В начале 1878 г. Маркс писал Либкнехту: «Мы самым решительным образом стоим за турок, и при том по двум причинам: во-первых, потому что мы изучали турецкого крестьянина, т.-е. турецкую народную массу и убедились, что она самая дельная и самая нравственная представительница крестьянства в Европе; во-вторых, потому что поражение русских очень ускорило социальный переворот—данные для него имеются в огромном количестве. И благодаря этому наступит поворот во всей Европе»². Либкнехт вполне с этим был согласен. Он издал брошюру: «Zur orientalischen Fängen oder Soll Europa kosakisch werden?» (К восточному вопросу, или: Должна ли показаться Европа?). В своей брошюре Либкнехт писал о том, что «турецкие зверства» это по просту русская выдумка, что Австро-Германия угрожает наводнение культурных славянских народов, и что национально-революционное движение южных славян это искусственное детище русского правительства. Литературной социалистической агитацией и выступлением в рейхстаге дело не ограничилось. В уже цитированном раньше письме к Зорге, Маркс рассказывает, как он «в течение многих месяцев поддерживал перекрестный огонь против руссофила Гладстона в лондонской аристократической прессе». Он называет при этом наиболее реакционные органы

¹ Письма к Зорге, с. 164.

² Ф. Мерино. Карл Маркс. Петроград 1920, с. 417.

английской печати и прибавляет: «влияя я также через Ваггу на английских парламентариев Верхней и Нижней Палаты, которые пришли бы в ужас, если бы узнали, что доктор краснотерра (Red-Terror-Doctor), как они меня называют, является их вдохновителем в восточном кризисе».

В русских социалистических кругах война вызвала, конечно, оживленные споры. Мы указывали выше на симпатии, которыми было встречено здесь герцоговское восстание, и на близость национально-революционных кругов Болгарии и Сербии к русским социалистам. Возбуждение, поднятое «турецкими зверствами»,—раздумьи, конечно, безмерно националистической русской печатью, захватило и передовую молодежь России. Она дава первых и лучших волонтеров, бросившихся на Балканы. Сочувствовать Турции русские социалисты никак не могли, но смущала и возможность триумфа царской России. Волна казенного славянофильства вместе с либерально-патриотическим угаром отрезвляла и отталкивала увлеченных. Создавалась та трагическая для русского интеллигента двойственность, которая и через сорок лет болезненно отразилась в половинчатой и противоречивой формуле «революционного оборончества».

Наметились два течения. Одно представлено было Лавровским журналом «Вперед», который выпустил специальный—«Славянский сборник». Лавристы видели в балканских событиях только национально-религиозное движение, которое заглушает борьбу социальную и политическую. Они отказывались от всякой «ориентации» в русско-турецкой войне, выдвигали вместо лозунгов национальной независимости призыв к социалистической пропаганде и стояли фактически на почве политической бездейственного революционного пацифизма. Иначе смотрели на войну бакунисты и некоторые радикальные публицисты легальной русской печати,—в их числе Н. К. Михайловский. Дога социалиста—гнать турку—писал Михайловский. «Выгнать турку—значит решить социальный вопрос». Национальное движение южных славян было революционным движением балканских крестьян, находившихся в крепостной и кабальной зависимости от турецких помещиков и задыхавшихся под гнетом налогов и насилий. Среди спорящих сторон Драгоманов занимал особую позицию. Наряду с Марксом он ставил восточный вопрос глуже, как вопрос исторических судеб Европы. С Марксом сблизало его и знакомство с внешней политикой, которой он никогда не переставал интересоваться. В Русско-турецкой войне Драгоманов видел новый эпизод в многовековой истории борьбы южных славян, в том числе и украинцев, с Турцией за свободу и демократию. Это была борьба

демократической Европы с деспотической Азией, и украинские казаки были аванпостом Европы. Московское государство продолжало, но только слабее и хуже, героическую борьбу Украины,—пока не превратилось само в деспотию на восточный манер. Война за освобождение славян есть по существу революционная война, хотя бы и вело ее русское самодержавное правительство, и результатом победы будет не только торжество демократии на Балканах, но и неизбежное крушение самодержавия в России и империализма в Германии. Таких взглядов держались и революционно-социалистические круги в Болгарии и Сербии, которыми и в Германии сочувствовали некоторые социалисты («Каутский, Берштейн») и в ответ на брошюру Либкнехта последовала полемическая брошюра Г. Леви: Zur orientalischen Frage oder soll die socialistische Arbeiterpartei türkisch werden? (К восточному вопросу, или: Должна ли отучиться социалистическая рабочая партия»¹).

Прогноз Маркса не оправдался, как не осуществился в полной мере надежды Драгоманова. Турция потерпела поражение, но от разгрома спасло ее покровительство Англии. Балканские народы получили национальную независимость,— правда, урезанную. Россия, однако, осталась самодержавной монархией, и политический гнет внутри страны не только не ослабел, а усилился. Торжественные манифесты об освобождении угнетенных народов и поход русских войск не прошли, конечно, даром. Русские чиновники и генералы собственными руками создавали в Болгарии парламент и конституцию. Это был явный политический сдвиг. Другим сдвигом была картина развернувшегося во время войны чиновничьего хищничества, казнокрадства, произвола. Отсталость и некультурность страны предстали в виде вопиющего. Сильный политический подъем в стране, общее недовольство и озлобление были прямым следствием войны, и заглушить оппозиционный ропот не могли торжествующие крики националистической печати. Россия была глубоко взбудоражена.

3. Революционное движение в России. Террор.

«Дай Твоему народу то, что Ты дал болгарам»—холопски взывало к Александру II в 1878 г. харьковское земство, не решаясь своим словом назвать «конституцию». Но самодержавие не проявляло ни малейшей склонности к освобождению своих собственных славян в России. Напротив, всякие попыт-

¹ О разногласиях между русскими социалистами 70-х гг. по вопросу о войне см.: Е. Колосов. П. А. Лавров и Н. К. Михайловский о балканских событиях 1875—1876 г.г. «Голос Минувшего» 1916, 5—6.

ки не только к политическому освобождению народа, но и к мирной культурной работе среди него безопасно пресекались как „крамола“. 1877-ой г. был для русского общества годом наглядного политического обучения; один за другим прошли три больших судебных процесса: дело о манифестации на Казанской площади, дело пятидесяти и, наконец, знаменитое дело 193-х, развернувшее картину „хождения в народ“. Правительство печатало стенографические отчеты процессоров, рассчитывая таким приемом оттолкнуть общество от революции и запугать его. Но результат выходил как раз противоположный. Большинство подсудимых представляли молодежь, охваченную порывом служения народу, в существе культурного и просветительного. Суды выносили жестокие приговоры, не щадя подростков. Сочувствие всего общества было на стороне подсудимых и новые тысячи молодых людей втягивались в революционное движение. Оно выходило уже за пределы интеллигенции. По делу южно-русского рабочего союза рядом с интеллигентом Заславским сидели 16 рабочих. В 1878 г. севернорусский рабочий союз, а в то же время, в 1878—79 г.г., первые большие забастовки петербургских рабочих привлекли к себе общее внимание.

Правительство отвечало репрессиями. И без уговора, без предварительной программы подготовки загремели выстрелы революционеров в разных углах России. В январе 1878 г. Вера Засулич стреляла в Трепова, мстя за сечение розгами революционера Боголюбова. Оправдание ее судом присяжных было яркой политической манифестацией. В феврале того же года Валериан Осинский убил прокурора Котляревского, в мае был убит жандармский генерал Гейкин. В сентябре произошло форменное сражение в Киеве при аресте революционеров. Наконец, в Петербурге Кравчинским-Степняком был заколот шеф жандармов Мезенцев. Это был прямой ответ на расстрел Ковальского, а выпущенная по этому поводу прокламация была озаглавлена „Смерть за смерть“.

Так вспыхнула и разгорелась прямая революционная борьба. Это была политическая борьба, направленная непосредственно против царского режима и его агентов. Вызвана она была чувством возмущения, жаждой активного протеста, революционной мести. Инстинктивно нащупывался новый путь борьбы,— за народ, но уже через народ. Идеалы оставались те же, и теоретическая мысль лишь с трудом и с опозданием следовала за новыми формами и приемами революционного действия. Социалистическая идеология еще чуждалась политической борьбы, видела в ней измену чистому народничеству. Отдельные выступления совершались разрозненными кружками и даже

единичными личностями и подпись „Исполнительный Комитет“ появилась на прокламациях в Киеве, когда еще никакой определенной организации не было.

Удачные покушения давали революционерам сознание своей силы,—то, чего лишены они были в период хождения в народ. Правительство металось в ярости, но было бессильно. Общество, хотя и запуганное, сочувствовало покушениям и давало исполнителя поддержку, денежную и моральную. Так складывалась идеология террора, как системы политической борьбы. Выстрел Соловьева в царя в 1879 г. указал путь и направление для этой борьбы. Террор увлекла своей героической стороной и еще больше конкретностью и достижимостью результатов. Террор был орудием могучим и грозным. Но разрушая правительство, он разрушала социально-революционное движение, как движение народное, построенное на пропаганде социалистических идей. Террор ставил на первый план и разрешил по своему задаче политические. Будучи коренным переделом в психологии революционеров, он требовал и передела в их идеологии.

Старое народничество не сдавало своих позиций. Бакунистская догматика требовала категорически отрицательного отношения к борьбе за политическую свободу. Все, что касалось ее, называлось призрательно либерализмом и конституционализмом. „Земля и Воля“—официальный орган уже сложившейся партии, приписывая фактически террор в свою практику,—писал: „Как подойти к крестьянину с вопросом о политической реформе. Голодному, избитому Сысойке... мы будем богатать о народном представителе, о свободе прессы, ассоциаций. Он, наперсно, ответит на все это: „А ты мне, поштенный, дай на хлебушко“. Аисток „Смерть за смерть“ написан тем же Кравчинским, который князем заколол главу жандармской полиции, генерала Мезенцева. Кравчинский писал, что цель революции—экономическое освобождение народа, и пусть правительство не вмешивается в борьбу народа с буржуазией,—его оставят тогда в покое.

Жизнь, однако, брала свое. И на юге, в Киеве, где зародился террор, окрепла и идея политической борьбы. В Киеве существовал даже „конституционный кружок“, революционный по своему составу. На юге сложилось основное ядро будущей народоволюческой дружины. Желябов был определенным „политиком“ ко времени Липецкого съезда. Слово „Учредительное Собрание“ уже не пугало его, как не пугал и временный союз с либералами. Земское конституционное движение носило довольно мизерный характер, помещичьи круты были переуганы новым подъемом революционной волны,—все же на юге земцы

действовали более смело и решительно. В 1878 г. Линдфорс и Петрункевич, представляли земской нелегальной организации, вели в Киеве переговоры с группой революционеров, от имени которых выступали Осинский, Волошенко и др. Из переговоров ничего не вышло, но чего стоил один факт деловой встречи социалистов с конституционалистами! К мысли о союзе с либералами относились вполне серьезно и Желябов, а почвой для соглашения могла явиться только известная политическая платформа.

Для синтеза экономического и политического моментов в революционной борьбе еще не пришло время, и обе стороны в земледельческом движении ударялись в крайность. «Чистые» социалисты готовы были отказаться от всякой живой и действительной работы, лишь бы не идти на уступки «политике». А политики, захваченные драматической борьбой с властью, легко забывали о социализме, о пропаганде, о народе, и уходили целиком в атмосферу политического заговора, динамитных конспираций и вооруженных выступлений. Их организация по необходимости превращалась в замкнутую, централистическую, якобинскую по духу обществу. На воронежском съезде в 1879 г. произошел разрыв. «Земля и Воля» распалась на две неравные части. Народовольцы вскоре заставили говорить о себе весь мир рядом отчаянных героических атак на самодержавие. Им удалось поколебать его, вырвать согласие на уступки; им удалось заставить поверить в себя, как в силу. Но их было мало, народ их не поддержал, и они падали один за другим, не дождавшись смены. Другая часть группы «Черного пердела» сохранила верность народническому социализму, но не имела успеха. Жизнь оставила ее в стороне. Чернопередельцы были небольшим кружком, литературной группой. Из этой группы выросла впоследствии русская социал-демократия.

4. Драгоманов в Женеве. Личные черты.

Переехав из Вены в Женеву, Драгоманов сразу попал в Россию, в Россию эмигрантскую, переживающую в литературе и в политических спорах то, что на далекой родине решалось в непосредственной борьбе. В России подлинной рассуждать подчас было некогда; боевое действие опережало теорию. В швейцарской колонии в теорию уходило все действие. Живой и постоянной связи с Россией не было. Эмиграция семидесятих годов не похожа на позднейшую, девяностых годов, когда за границей сидели вожди партии и направляли оттуда движение в России. В половине семидесятых годов Женева только

начала играть роль руководящего центра. Все выдающиеся деятели революции были в России.

Приезд Драгоманова в Женеву был крупным событием в жизни русской колонии. Ему предшествовала громкая репутация профессора, пострадавшего за свой радикализм. Он был популярен как публицист. По образованию он стоял не сравнено выше всех эмигрантов, и ему отводили в Женеве такое же место, какое занимал в Париже Лавров. С 1877 г. колония стала все больше пополняться беглецами из России, и, по рассказу В. И. Засулич, каждого вновь приехавшего прежде всего направляли к Драгоманову. Позже, в 1879 г. отношения между Драгомановым и влиятельными эмигрантскими кружками испортились. Драгоманов ушел в сторону от жизни русской колонии и относился к ней холодно, даже враждебно. Но в первые годы после приезда Драгоманов был самым популярным и самым влиятельным человеком в Женеве.

Этому немало способствовала его личность, особые черты его характера. «Интереснейший человек! Выдающийся человек!»—говорил о нем Кравчинский-Степняк,—один из немногих русских революционеров, сохранивших и впоследствии хорошие, теплые чувства к Драгоманову. Аксельрод относился к нему с глубоким уважением, так же, как и В. И. Засулич, бежавшая в Женеву после оправдания ее в суде. О Драгоманове знали все, что он безукоризненно честный, строгий в требованиях и к себе и к другим человек. Моральный авторитет его был непоколебим. Даже в пылу отчаянной партийной полемики противники не заподозривали Драгоманова в недостойных мотивах. Отвергая категорически некоторые утверждения Драгоманова, Аксельрод писал много лет спустя: «Я не могу допустить, чтобы Драгоманов сознательно сказал неправду». «Человек во всех отношениях безукоризненный»,—говорит о нем Богучарский. И даже департамент полиции в своих характеристиках главных представителей эмиграции отметил о Драгоманове, что он «человек до тонкости совестливый».

Драгоманов обладал способностью привлекать к себе людей, и всюду без труда он становился центром верного ему кружка. Известный Л. Дейч имел основания неприязненно относиться к Драгоманову. Это отразилось на его воспоминаниях о Драгоманове, вызвавших в свое время литературу поправок и опровержений. Но и этот наименее беспристрастный свидетель говорит об удивительном умении Драгоманова привязывать к себе людей. В нем ничего не было «генеральского», хотя по своему положению он был генералом в эмиграции. «Со всеми держал себя запросто, по приятельски, острял,

штука". Тонкий украинский юмор никогда не покидал его. Деборгий-Мокриевич так пишет о нем: "Беседуя с ним, трудно было отгадать в известных случаях, иронизирует ли он или серьезно говорит: свою иронию, подчас очень тонкую, он так перемешивал с серьезным, — таким ровным, таким спокойным тоном преподносил ее слушателям, что чрезвычайно легко мог ввести в заблуждение всякого. Я замечал, что у него в такие моменты только одна бровь чуть-чуть бывало приподнималась выше другой"¹.

Но этот мягкий, приветливый и добродушный человек умел быть настойчивым и непримиримым, когда бывали задеты дорогие ему принципы, в особенности моральные. Он не переносил двоедушия, политической и личной распушенности, так часто прикрываемой в России словами о "широкой натуре". Он сам о себе говорил: "моя натура дуже вузьяка і холодна. "Широта натури" великоруська прикмета"². Даже друзьям своим он казался иногда упрямым, а Ив. Франко готов был назвать его эгоистом, до такой степени не считался Драгоманов со слабостями, с самолюбием, с нерешительностью друзей, когда речь шла о необходимости отстоять важную принципиальную позицию.

Строгость сказывалась у Драгоманова во всем, вплоть до одежды. Он был всегда прилично, по европейски одет. Черта, не столь существенная в наше время; черта для семидесятых годов примечательная. "Нигилизм" во внешних манерах, в образе жизни был еще очень распространен, если и не обязательен. Попадая за границу революционная молодежь вела и в Женеве ту же жизнь богемы, как в Петербурге, Москве или Киеве. Вместо студенческих квартир, насквозь прокуренных, с небранными постелями и бутылками пива на столе, здесь были дешевые кафе, где с утра до вечера в дыму от папирос велась партийные споры. Этот образ жизни был освящен традициями, — так проводил свое время Бакунин, Огарев, Драгоманов и тут сразу выделялся. Он поселился на окраине Женевы, в тихом и покойном углу ее и повед жизнь скромного труженика-ученого. Он не посещал популярных кофейных, но и не бежал от эмигрантского общества. Он первый стал устраивать у себя еженедельные собрания по воскресеньям, и в его квартире встречались наиболее видные представители женевской эмиграции. Еврейский публицист Бен-Ами, сотрудник "Вольного Слова", так описывает домашний быт Драгоманова в Женеве: "Я редко видел такого прекрасного семья-

¹ По поводу статьи Л. Дейча "Украинская и общерусская эмиграция". Укр. жизнь, 1915 г., 2.

² Перевиска, зібрав М. Палакн, т. 1. Из письма к Яворскому, с. 34.

нина и домоседа, как Драгоманов. Он буквально не имел понятия о том, что такое кафе, пивная или ресторан. В эти места он никогда не заглядывал... Он уваживал за женой и детьми с самой трогательной заботливостью, и часто, когда жена болела или не было прислуги, исполнял домашние работы, топил печи... Там (в доме его) всегда царил теплый семейный уют и радужное гостеприимство для тех избранных, которые имели доступ в эту семью... В этом отношении Драгоманов был очень разборчив. У него редко можно было встретить кого-либо из политических эмигрантов, которых он не долюбливал"¹.

Художественный литературный портрет Драгоманова нарисован проф. Д. Н. Овсянко-Куликовским в его "Воспоминаниях". "Разбираясь в своих впечатлениях от личности Михаила Петровича, — говорит Д. Н. Овсянко-Куликовский, — я прихожу к выводу, что они всего лучше определяются словом "обаяние"... Это была натура ясная, — если можно так выразиться, прозрачная. Умственные и моральные основы его личности обнаруживались в его словах и делах неизменно, отчетливо и просто, — я сказал бы даже наивно. Глубокая искренность и редкая честность души были у него чертами, бьющими в глаза. Ничего он не утаивал и не затановал — его слова и поступки были точным отпечатком его души. Психически это была натура на редкость здравая, цельная и уравновешенная... Драгоманов, без сомнения, принадлежал к редкому и высокоценному типу натур не только нормальных, но и нормативных, и с этой стороны я бы сопоставил его с В. Г. Короленко"².

Эмигрантская публика относилась с уважением к Драгоманову и несколько побаивалась его. Он был свой и не свой, — слышком ученый, слышком профессор и слышком, — на языке нашего времени, — "буржуй" для радикальной молодежи. Драгоманов не сторонился от эмигрантов, но был в ней отдельный, особый. Ему не трудно было бы стать главарем кружка и создавать свою партию, — партию драгомановцев, как были лавристы, бакунисты, чайковцы. Но он не умел и не хотел создавать кружков вокруг своей личности. И поэтому всегда был им и пестрой по своему составу, русской эмиграцией, всегда оставалось некоторое пространство. Когда разногласия обострились, и Драгоманов резко разошелся с руководителями влиятельных кружков, это пространство превратилось в пустыню. Ему был окружен Драгоманов в последние годы женевского периода своей жизни.

¹ Мои сношения с Драгомановым и работа в "Вольном Слове". Еврейская старина, 1916, 12, 1916, 1.

² Д. Н. Овсянко-Куликовский. Воспоминания. Петербург, 1923 г., с. 137-139.

5. Политические брошюры-памфлеты 1876—1877 г.г.

Когда Драгоманов переехал в Женеву, там тихо изживала себя группа старых бакунистов.—Ради, Жуковский и др. В 1875—1876 г.г. она издавала газету „Работник“, орган мирной анархо-социалистической пропаганды среди крестьян и рабочих. Бакунинское бунтарство приняло в этой газете академический вид. Заметного влияния на революционное движение в России „Работник“ не оказал, хотя и был он по назначению своему первой русской рабочей газетой. В Женеве эта группа была наиболее влиятельна и уважаема. Она была близка к виднейшим представителям европейского анархизма,—Реклю, Лефранс, которые издавали в Женеве „Le Travailleur“. У Драгоманова с бакунистами наладились дружественные отношения и вскоре по приезде он написал для „Le Travailleur“ статью „Русинско-украинские крестьяне под властью венгерских либералов“. В этой статье Драгоманов выступает как социалист. Любопытно следующее место его статьи: „Для социалиста венгерское государство тем более интересно для наблюдения, что там можно изучать, как социальные отношения усложняются национальностями, как законы развития общественной жизни, которые привели во всех государствах современной Европы к подчинению трудящихся классов аристократии из собственников-капиталистов, еще более тягостно ложатся на рабочих там, где одна национальность по праву завоевания давит на других и образует в своем целом и со всеми своими классами род аристократии... Наблюдатель, мысль которого привыкла к социалистическому движению в больших промышленных центрах, к значительным рабочим массам, к соединениям рабочих одной и той же национальности (французской, английской, немецкой и т. д.) удивится, когда он вдруг будет перенесен в области социализма громадных городов и больших фабрик в область социализма восточных стран“. Так в одной из первых статей, где Драгоманов определено причислен себя к социалистам, он проводит отчетливую грань между социализмом промышленного запада и социализмом аграрных и многоплеменных восточных стран.

Работа над подготовкой „Громады“ начата была немедленно по приезде в Женеву. С немалым трудом была организована небольшая украинская типография, в которой работал единственный наборщик, Антон Михайлович Лахощий; эмиграция знала его под именем „Кузьмы“. Этот скромный революционер-трудяжник отдал всю свою жизнь украинскому социалистическому делу. Он был неразлучен с Драгомановым и „Громадой“, набирал все украинские издания, был в то же время метран-

пажем, корректором, экспедитором, ближайшим помощником и сотрудником Драгоманова и его верным другом. Он был одинок, жил в типографии, а потом, в северный период полного безденежья, когда и за типографию нечем было платить, помещался в проходной комнате маленькой квартиры Драгоманова. „Кузьма“ принадлежит скромное, но почетное место среди деятелей украинского социалистического движения. Он умер за границей в 1918 г.

Издание „Громады“ оказалось делом трудным, громоздким. Первый том вышел только в 1878 г. Тем временем Драгоманов издал в Женеве три брошюры на русском яз., посвященные вопросам русско-турецкой войны: в 1876 г.—„Турки внутренне и внешне“, в 1877 г.—„Внутреннее рабство и борьба за освобождение“ и в начале 1878 г.—„До чего довоевались“. Таким образом дебютировал Драгоманов за границей как публицист общерусский, и при том с яркой политической окраской. „Политическая свобода“,—большими демонстративными буквами среди текста,—значит во второй брошюре. Политическая свобода должна быть непременно следствием войны, так как самодержавие показало полную свою неспособность справиться ни с великими национальными задачами (мы говорили о них выше), ни с техническими военными. Брошюры выходили по мере развития военных и политических событий, и если в первых Драгоманов предсказывал неизбежный провал, то в третьей он мог констатировать исполнение своего пророчества. Политическая свобода—это земский собор из выборных от всех краев и племен России, местное управление общин, уездов и губерний с правом их входить в областные союзы, неприкосновенность личности, отмена административных преследований и политической полиции, свобода печати и собраний, полная религиозная свобода и неприкосновенность каждой национальности, входящей в состав России. Наряду с политическими реформами должны быть проведены и социальные: реформа в податной системе, особенно отмена подушного и соляного налога и поверка крестьянских наделов и платежей, с целью увеличить надельки совершенно недостаточные, дать новые надельки обезземленным и уменьшить платежи, во многих местах значительно превышающие стоимость подученной крестьянами земли¹.

Брошюры Драгоманова были яркими политическими памфлетами. Среди бесцветной политической литературы они выделялись заметно и по живости тона, и по богатству содер-

¹ Внутреннее рабство и война за освобождение. Собр. сочин., т. II Париж, с. 105.

жания. В них рельефно сказались особенности публицистического дарования Драгоманова, сильные и слабые его стороны. Драгоманов верно говорил о себе, что у него не было ни охоты, ни способности к прямой политической агитации, и что в политике центром тяжести он делал политическую науку. Действительно, в брошюрах Драгоманова хороши исторический очерк борьбы Украины и России с Турцией и анализ внешней политики самодержавия. К злободневным вопросам Драгоманов подходил всегда с большим научным багажем; это делало его статьи содержательными, но тяжеловесными. У Драгоманова очень живой литературный язык; он бывал остроумен, зод в полемике. Но ему не хватало меткости, выразительности; он по необходимости бывал многословен и тяжеловат. Профессор чувствовался в его стили даже тогда, когда он писал небольшие полемические заметки.

По этим памфлетам зарубежная публика впервые по настоящему познакомилась с Драгомановым. Брошюры имели успех. Националистическая русская легальная печать полемизировала с ними. Памфлет „До чего довоевались“,— был перепечатан в России в нелегальной типографии и распространялся как издание революционной организации. Яркое политическое содержание брошюр должно было смущать староверов народничества; но это были брошюры на лобу дня, в них была яркая картина самодержавия, угнетающего народ, и проникнуты были они революционным духом. На историческую часть обращали, надо думать, меньше внимания,—а она то и была примечательна. Больше интересовались стороной политической. Социалистическая нота в памфлетах не сильна. „Неправды социальные, говорит Драгоманов, могут быть устранены только коренным изменением экономического строя, то есть переходом всей земли и всех орудий производства в руки работников, обладающих равномерными знаниями“. В традиционной формуле социализма последние три слова не совсем обычны и совсем неопределенны. Но Драгоманов подробнее на этом не останавливался. Цель его литературных выступлений была не пропаганда социализма, а в политической агитации. И здесь его слова отличаются большей определенностью. В первой брошюре он призывает земские и дворянские собрания, городские думы, советы университетов выступать активно на борьбу с самодержавием. И нет сомнений, он указывает революционные пути. „Пусть каждый,—говорит Драгоманов, не только требует политических реформ,—пусть, наконец, откажет в повиновении и прямо сопротивляется действиям и учреждениям, им противным, пусть гонит из своего дома жандармов, не слушает цензоров и т. п.“. Будут, конечно,

жертвы, но Драгоманов призывает не смущаться жертвами. Без них нельзя, а „надо же кому нибудь начать“. Обращаясь к интеллигенции с призывом „гнать жандармов“, Драгоманов не скрывал от себя, что в России едва ли найдется много таких смельчаков среди дворян и земских и городских гласных. Поэтому он оговорился, что главную надежду он возлагает на людей „попроче, победнее, за то почеснее“, в особенности на людей провинции.

В следующей брошюре Драгоманов пошел еще дальше. Он говорит не только об открытом „сопротивлении деспотизму“, но и об „открытом на его нападении“. Это звучало уже довольно грозно и никак не мирлось с представлением о дворянах и либеральных земцах. Возникал естественный вопрос,—кто же будет „открыто нападать“ на самодержавное правительство. Вера в непосредственное народное восстание к тому времени несколько остыла даже у бакунистов, а у Драгоманова и не было никогда такой веры. Брошюра „До чего довоевались“ и указывает на ту общественную силу, которой должна принадлежать главная роль в грядущем перевороте: это—русская армия, возвращающаяся на родину, пережившая все ужасы войны, наслышавшаяся слов об освобождении славян и своими глазами видевшая подвиги интеллигентских героев, казнокрадов, держимора, спекулянтов. Эта армия увидит у себя дома крестьянский голод, ростовщиков, шпионов и жандармов. В 1815—1825 г.г. дворяне-офицеры из наполеоновских войн вынесли революционные идеи. „Теперь будут действовать не одни дворяне, не одни офицеры“.

Эта брошюра Драгоманова не только проникнута ярким революционным чувством, но и дает очень определенную политическую директиву: бросить в армию силы революционной пропаганды. Это была совершенно правильная директива, хотя и нельзя было ожидать от нее революционных чудес. Драгоманов не только писал об этом; он и лично убеждал знакомых революционеров печатать прокламации для армии и устроить склады нелегальной литературы по пути ее возвращения. Впоследствии он с огорчением вспоминал, что почти ничего в этом направлении сделано не было, и, главным образом, потому, что политическая агитация казалась делом несерьезным и даже вредным,—делом „буржуазным“ по нашей терминологии. Заграницей все еще ждал чуда от непосредственной социальной революции, которую начнет рано или поздно крестьянство, а в России уже старался помочь этому чуду героическим единоборством группы интеллигентов с перхами правительства.

6. Социалистические и федералистические взгляды Драгоманова.

Брошюры 1876—1877 г.г. показывают, как воздействовала на Драгоманова революционная среда, с которой он в Женеве сблизился. Он уже очень мало походил на умеренного и рассудительного профессора и публициста, каким его знали киевские украинские круги. Живой и действительный темперамент выдал свое, и Драгоманов поверил в близость революции,— политической, а не социальной,— и без колебаний открыто примкнул к революционному лагерю. И здесь его уже считают своим, видят в нем крупную теоретическую силу социально-революционной партии и выдающегося ее публициста. Нет сомнений в том, что он социалист. Первыми изданиями украинской типографии, основанной Драгомановым, являются агитационные социалистические брошюры, которые писал С. Подольский: „Розмова про багатство і бідність“, „Про хліборобство“, „Як наша земля стала не наша“—обычные изделия того времени для народа. И еще никого не смущает, что Драгоманов—украинец, что одновременно со своими русскими брошюрами он издал и украинскую о народных школах на Украине. Это кажется второстепенной деталью,—национальный вопрос еще не всплывает так ярко в партийных спорах.

И когда в 1878 г. жизнь женевской колонии становится более яркой, появляются новые лица из России, затеваются новые издания, формируются политические кружки,—Драгоманов является уже центральной фигурой швейцарской эмиграции, и без него не обходится ни одно серьезное партийное начинание. Возникшая в России „Народная Воля“ предлагает ему сотрудничать в своем русском органе, и Драгоманов не отказывается. Статья его, правда, не дошла и была, повидимому, перехвачена полицией. Выдающиеся народовольцы считали Драгоманова если и не человеком своей партии, то во всяком случае наиболее близким к ней публицистом и дорожили хорошими отношениями к нему. А русское правительство было искренне убеждено в том, что Драгоманов состоит главой заграничного „революционного комитета“. Мы видели, что такое убеждение было и у австрийской прокуратуры.

В очерке „Общественные и умственные течения 70-х годов“¹ Мартов писал: „Влияние эмигрировавшего в 1875 г. Драгоманова было вообще ничтожно (если не иметь в виду его украинской деятельности)“. В этих двух строчках есть две ошибки. Драгоманов эмигрировал не в 1875 г., а в 1876 г.;

влияние же его было не „вообще ничтожно“, а, напротив, весьма значительно. Это ошибочное суждение о влиянии Драгоманова на русских социалистов 70-х годов можно встретить и в украинских статьях о Драгоманове. Но вот, А. Дейч которого нельзя заподозрить в излишней благосклонном отношении к Драгоманову, пишет об „огромной роли“ Драгоманова, равной роли Лаврова. По словам Дейча, „Драгоманов пользовался большим влиянием на журнал „Община“, около которого группировалась почти вся швейцарская эмиграция. Это влияние с течением времени не только не убывало, но, наоборот, заметно росло“¹. В. Засулич писал: „Когда я летом 1878 г. приехала в Женеву, Драгоманов стоял в центре эмиграции. К нему первому веки каждого вновь приехавшего; у него по воскресеньям собиралась чуть ли не вся эмигрантская колония“. Известно влияние Драгоманова на П. Аксельрода. Но из свидетельских показаний убедительнее всех звучит письмо Желябова к Драгоманову. Оно написано в 1880 г., когда Драгоманов уже разошелся с влиятельными русскими эмигрантами, а с некоторыми из них находился во враждебных отношениях. Исполнительный комитет Народной Воли находился тогда в зените своей славы. Желябов писал „по поручению товарищей“ и выражал, таким образом, не свое только мнение, кога просил Драгоманова взять на себя заграничную защиту политических взглядов Исполнительного Комитета и хранение его архива. Заграницей в это время уже были, не говоря о Лаврове, Тихомиров и Плеханов. В 1880 г. затевалось издание „Социально-революционной Библиотеки“, в редакцию которой Лавров привлекал и Драгоманова. Драгоманов обещал содействие, но от участия в редакции отказался. Желябов не случайно обратился именно к Драгоманову. Из всех видных публицистов социально-революционного лагеря Драгоманов по основным социально-политическим взглядам ближе всего стоял к Исполнительному Комитету. Желябов писал о народовольческой программе... „комментаторами ее вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающие ее вполне или в значительной мере“. А в своей речи на суде, по делу 1-го марта, он говорит: „Мы просили эмигрантов не пускаться в суждения о задаче русской социально-революционной партии, пока они заграничные, пока они беспеченники“. Стоит сравнить с этим следующее место из письма Желябова к Драгоманову: „Неужто и вы, Михаил Петрович, не признаете близких реальных выгод для народа от нашей борьбы. Этого

¹ А. Дейч. За рубежом. В. Европы 1912 г. У начала легенды. Современник, 1913.

не может быть: за нас ваши литературные произведения, Ваша отысканность на живое дело. Ваша склонность найти практический исход". Действительно только в произведениях Драгоманова можно было найти прямую, последовательную и открытую защиту политической борьбы и политических требований. Но столь же прямо и решительно Драгоманов высказывался против отождествления политической борьбы с политическим террором и против растворения социалистических задач в общих политических формулах. А именно этим, как мы знаем, грешило народолюбчество.

Таким образом, никак нельзя говорить о том, что «влияние Драгоманова было вообще ничтожно». А чтобы судить о том, в чем выразилось это влияние, надо бы подвергнуть критическому пересмотру всю социально-революционную литературу 1876—1882 г.г. В течение этих шести лет важнейшая и наиболее талантливая часть бывших землевольцев—Плаханов, Аксельрод, Засулич,—проделили свою историческую эволюцию через социализм—федерализм «Черного Передела» к социал-демократии «Освобождения труда». Еще в самом начале 1882 г. Плеханов писал Лаврову: «Я очень жадею теперь, что я согласился участвовать в „Черном Переделе“, как „органа социалистов-федералистов“. Я связан теперь в своей полемике с Драгомановым, с которым рано или поздно нам придется воевать не на жизнь, а на смерть. Боюсь, чтобы „Вестник Народной Воли“ не связал меня еще больше, если он будет проповедывать федерализм: по моему, лучше якобинство, чем эта мелко-буржуазная реакция”¹. Редакция „Вестника Народной Воли“ складывалась с большим трудом. С самого начала пришлось устранить одного из редакторов, С. Кравчинского, из-за его близости к Драгоманову. Но вслед за тем устранился и наиболее непримиримый противник Драгоманова—Плаханов. В 1882 г. он собрался вести вместе с Лавровым и Тихомировым войну «не на жизнь, а на смерть» с Драгомановым, а уже в 1883 г. вышла от имени «Группы Освобождения труда» брошюра «Социализм и политическая борьба», в которой Плеханов объявил войну Лаврову и Тихомирову, размыгавшись же настоящей войной с ними «не на жизнь, а на смерть», еще годом позже, в знаменитых «Наших разногласиях». В этом обзоре социально-революционных фракций народничества упомянуты и перечислены все,—нет только Драгоманова. О нем Плеханов не упоминает ни одним словом. И это до известной степени понижает. Главные враги, с которыми сражается Плеханов в своей книге—это народнический

¹ Письма Г. В. Плеханова к П. А. Лаврову. Дела и дни. 1921 г., с. 91.

утопизм, бунтарство, якобинство, бланкизм, терроризм. Но в этой войне Драгоманов был не противником, а союзником Плеханова, и при том таким союзником, который начал сражение значительно раньше и сражался долгое время одиноко.

Как ни заманчива задача осветить вопрос о взаимоотношениях между Драгомановым и русским социально-революционным народничеством 70-х годов, здесь это может быть сделано только в самых общих чертах.

* Драгоманов не был теоретиком социализма,—как Лавров, Плеханов. У него не было своей оригинальной или самостоятельно проработанной системы общих социально-политических взглядов. Наиболее полно он изложил свои мысли о социализме в „Передним слове до Громады“,—небольшом вступительном очерке, налагающем программу сборников. Но отдельные замечания и мысли разбросаны в различных его публицистических произведениях,—в „Шевченко, українофілі і соціалізм“, в „Великорусской демократии и исторической Польше“, в статьях на злободневные темы,—наконец, погребены под грудой корреспонденций в хронике сборников „Громады“. Драгоманов причислял себя к социалистам-федералистам,—в том смысле, в каком употреблялись эти слова в бакунистской литературе 70-х годов. После социалистической революции, направленной против капитализма и государства, общество в конечном счете должно было преобразоваться в добровольный союз мелких автономных общин,—производительных ассоциаций всех видов труда. Украина,—писал Драгоманов—„мусить стати товариством товариств, спілкою громад, вільних в усіх своїх справах... Громада—мусить бути спілкою вільних осіб“ „безначальства“: своя воля кожному і вільне громадостві й товариство людей і товариств“.

В этом отношении Драгоманов не расходился с общими направлениями социально-революционной мысли 70 г.г. Так же формулирован был этот пункт в программах различных социалистических организаций того времени. Так напр., «Северный Союз русских рабочих» целью своей ставил: «учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского общего права». Драгоманов находил это „обычное право“ для Украины в исторических примерах федерации козацких полков в 17-м веке и в федеративном строении Запорозьской Сечи.

В значительной степени влиянию Драгоманова надо приписать то, что в социально-революционной литературе 70-х годов областным союзам общин, в том числе и украинскому, отводится значительно больше места и внимания, чем в поздней-

шей социал-демократической литературе. И, конечно, под влиянием руководимого Драгомановым украинского движения Биляханов в „Черном Переделе“ писал о необходимости считаться с этнографическим составом населения России, о „развитии местной революционной литературы“, а в объяснении об издании „Русской социально-революционной Библиотеки“ — о тех ошибках, которые допускала народническая пропаганда, игнорируя особенности революционного развития Украины.

Последовательный федерализм, — вплоть до отрицания в конечном счете государства, — сблизил Драгоманова с бакунистами. А Девч говорит об „огромном влиянии“, которое Драгоманов оказывал на редакцию „Общины“ — журнала, выходившего в Женеве в 1878 г. при ближайшем участии Жуковского, Ралли, Стефановича, Аскелерода, Кравчинского и др. Действительно, велико должно было быть влияние Драгоманова в русской эмиграции, если так дорожила „Община“ участием в ней писателя, который открыто призывал к политической борьбе, то есть проповедывал по тому времени ересь возмутительную.

Федерализм имел для Драгоманова особое значение, — более глубокое, чем представление о будущем, — близком или далеком, — устройстве России. Федерализм социально-революционных русских организаций не мешал им быть величайшими централистами в практически-организационном деле, сторонниками диктатуры партии или кружка. У Драгоманова федерализм был системой не только социальной, но и политической, и культурной, — даже моральной. Он не случайно свой союз вольных громад строил на союзе вольных людей. В одном из сборников „Громады“ (№ 2) он сочувственно цитирует Прудона: „Кто говорит: свобода, — говорит: федерация, или ничего не говорит. Кто говорит: республика, — говорит: федерация, или ничего не говорит. Кто говорит: социализм, — говорит: федерация, или ничего не говорит“. Федерализмом Драгоманова проникнуто было его отношение к партиям, к людям, к способам и приемам убеждения противника. Этот федерализм был основан на индивидуализме, на признании в конечном счете автономной личности, права которой так же неотъемлемы, как и права отдельной общины. Из этого федерализма вытекала с необходимостью борьба за политическую свободу.

Этому федерализму Драгоманов оставался верен до конца. Но много ли этот федерализм говорил о социализме? Через увлечение Прудоном прошло, в большей или меньшей степени, все русское народничество. Это была необходимая дань крестьянскому социализму. Рабочее движение помогло русской социалистической мысли освободиться от него и толкнуло ее

к Марксу и марксизму. Это был плодотворный толчок. Но Драгоманов его не испытал. В „Шевченко, українофілія й соціалізм“ есть краткий обзор социалистических теорий, начиная с французских утопистов. Этот обзор останавливается на Прудоне, — дальше Драгоманов не заглядывал. Он неоднократно упоминает в своих статьях о Марксе, называет его „великим ученым“, „известным экономистом“. Драгоманов знал историю первого интернационала, партийную в нем борьбу, решения съездов. Конечно, он судил об этом, как сторонник бакунинского федерализма и приписывал распад интернационала централистической диктатуре Маркса. Но не видно, чтобы Драгоманов читал Маркса, знал его статьи, — не говоря уже о „Капитале“. Экономические теории были ему чужды.

7. Драгоманов и русское народничество. Борьба с террористическими настроениями.

В чем могло выразиться влияние Драгоманова на современное ему общероссийское социально-революционное движение? Надо отметить прежде всего одну черту этого движения. В то время, как в самой России мысль о политической борьбе и о конституции решительно побеждала, и все, что было живого и активного, примыкало к народолюбчеству, в эмиграции образовался оплот консервативного народничества. Чернопередельцев в России было очень мало, но весь цвет группы собрался и осел в русских колониях Женевы и Парижа. Какое впечатление производило это на европейские социалистические круги, можно судить по такой желчной и не совсем справедливой реплике Маркса в его письме к Зорге: „большинство из них (чернопередельцев) — не все — добровольно оставило Россию и в отличие от террористов, рискующих постоянно своей головой, они образуют так называемую партию пропаганды. (Чтобы вести пропаганду в России они уезжают в Женеву. Какое qui pro quo!). Эти господа высказываются против всех политически-революционных актов. Россия должна одним salto mortale перепрыгнуть в анархически-коммунистически-атеистическое царство. Пока же они подготавливают этот скачек скудным доктринерством, так называемые принципы которого восходят еще к блаженной памяти Бакунину“¹. Это „доктринерство“ не смело выступать прямо против героической борьбы народолюбцев в России и старалось причудливым образом сочетать отрицательное или пренебрежительное отношение к политической борьбе с прямым восхвалением тер-

¹ Письма Маркса, Энгельса и др. к Зорге и др., с. 180.

рора. Пред жизнью доктрина была однако бессильна и политические статьи, которые печатал Драгоманов в народнических изданиях, сами по себе были прорывом фронта. В „Общине“, в „Общем деле“, и отдельных изданиях Драгоманов напечатал в 1878—1880 гг. ряд небольших политических памфлетов. Из них наиболее яркие: „За что старика обидели и кто его обидел“ (в „Общине“) и „Детубийство, совершаемое русским правительством“ (брошюра изд. Громадой). В первом памфлете речь идет о выступле В. Засулич в Трехов. Драгоманов относится к выступлению Засулич с полным сочувствием, видит в нем благородный порыв, продиктованный не политической теорией, а непосредственным чувством. Драгоманов и впоследствии относился с глубоким уважением к Засулич и выделял ее среди других эмигрантов даже тогда, когда начался против него поход со стороны бывших чернопредельцев—поход, в котором приняла участие и Засулич. „Старик“, которого обидели, это Трехов, и Драгоманов иронически берет его под защиту от национал-либеральной русской печати, которая еще вчера холодно относилась перед ним, а сегодня осмелилась на робкую критику всезнающего временщика. Памфлет по существу направлен против либерализма, против „образованного общества“, которое терпеливо сносит унижения и гнет, не замечая что уже поднялось стихийное общественное движение и дает опередить себя молодежи, к которой примыкают и рабочие. Либералы остаются в стороне. „Пробудившееся в обществе политическое движение,—говорит Драгоманов,—добьется своего. По закону вещей это сделает та часть общества, которая начала движение, которая наиболее страстно к нему относится: в данном случае молодежь, крайние социалисты. Они преследуют свои цели; непосредственным результатом будет политическая свобода, которой воспользуются и те, кто теперь травит революцию и социализм. Ирония истории, господа. Да что же ты подлаешь с нею, с этой историей. Известно, стихия,—ну и прет. Потому—сила. Ничего не подлаешь“.

„Ирония истории“ была адресована либералам. Но наиболее чуткие из народников не могли не чувствовать, что история иронизирует и над ними, и что их социалистическая, отрицающая политику, борьба имеет политический характер. Через четыре года Плеханов показал, что всякая классовая борьба есть политическая, но в 1879 г. эта мысль еще была чужда русским социалистам. И немало должны были смущать настоящие указания Драгоманова во втором памфлете, посвященном делу Бардиной, что социалисты, хотя они этого или не хотят, ведут политическую борьбу. Надо думать, без влияния Драгоманова совершался поворот в умах части социалистов.

Предрассудок о несовместимости социалистической борьбы с политической был одним из многих предрассудков, владевших народническим социализмом. Критикуя его, Драгоманов несомненно расширял дорогу перед марксизмом, хотя сам был далек от марксизма. Когда вышло „Переднее слово“, в дружественной Драгоманову „Общине“ была помещена пространная статья Стефановича, который заподозривал социализм Драгоманова на том основании, что он „конституционалист“. Это совпадало с общим мировоззрением редакции. Но любопытно, что редакция предложила Драгоманову поместить в том же номере ответ. Это была первая „дискуссия“ в правительственном органе, и номером (8—9), в котором была напечатана полемика между Стефановичем и Драгомановым, закончилось издание „Общины“.

Другой предрассудок, с которым боролся Драгоманов, расширяя дорогу марксизму, это было представление о социальной революции, которая стихийно каким то чудом, перенесет царскую помещичью Россию в коммунистический строй. Это—тот скачек, который Маркс в письме к Зорге насмешливо называл русским „salto mortale“. Такое представление о ходе социального развития было связано с бакунистскими пережитками бунтарства, с верой в социальную правду и социальный разум народных мятежей русского средневековья. Не говоря уже о правых бакунистах, даже Плеханов в „Черном Переделе“ писал о Пугачеве и Стеньке Разине, как предшественниках грядущей великой социальной революции..

В критике традиционных народнических представлений о социальной революции Драгоманов исходил из своего позитивизма. Научная мысль не мирится с чудом мгновенных коренных преобразований. Революция Драгоманов противопоставляла эволюцию. На этом основании либеральные критики зачисляют его впоследствии в лагерь сторонников легального мирного пути социальных реформ. Это не совсем так. Эволюция для Драгоманова это длительный путь социального развития, и на этом пути неизбежны революции, мятежи, потрясения. Только в результате глубоких перемен в общественном строе и в мышлении людей может быть создан новый социальный строй¹. Драгоманов утверждал, что представление о „salto mortale“ является наследием буржуазных революций, где смена политической формы достигалась иногда удачным восстанием. В 1882 г. в статье „Le Revolté“ об иллонгах конспираторов и революционеров Драгоманов писал: „Чтобы люди могли прочно

¹ См. „Переднее слово“, Київ, 1918 р. с. 66, 73—75. Шевченко, укр. й сод. Київ, 1914, с. 70.

заменить старый порядок новым, а особенно таким сложным, как национализация или интернационализация собственности, надо, чтобы они в умах имели готовый план такой организации, каковой выработается, или лучше сказать, вырастает рядом опытов в постоянной разносторонней борьбе с отживающим порядком. Этот рост и составляет общественную эволюцию, в которой военные действия, как взрывы классовой ненависти, бунты и революции, конечно, неизбежны, но в которой они составляют только часть и при том не самую существенную". Драгоманов, таким образом, еще до марксизма проводил отчетливую грань между социальной революцией, как процессом нарастания в обществе новых элементов, и революциями, как методами и приемами "военных действий". Что не всякое "революционное" по внешности явление может быть при этом социально прогрессивным, Драгоманов показала на критической оценке народных движений 17-века. Вслед за Ласкалем он считает крестьянские войны, какими являлись мятежи Пугачева и Разина, явлением социально-реакционным. "Разбашацкий по форме, виключно козацкий, рибальско-скотарський більш навіть, ніж хліборобський по своїй суті, церковно-старовірський по своїй барві, а до того самозванно-царський бунт Пугачева був бунтом і ще більш старосвітським, реакційним, ніж бунт німецьких селян і мистиків XVI ст. і вже через те не мог скінчитись ні чим". Точно также оценивал Драгоманов и казачьи движения на Украине, особенно восстание, поднятое Гонтой и Железняком. Можно сказать, что критика русского бунтарства дала повод Драгоманову выступить и с радикальной критикой украинского романтизма. Русско-украинскому народническому социализму, основанному на вере в стихийную мощь крестьянских движений и на заложенное в них социалистическое творчество, Драгоманов противопоставлял социализм европейский, основанный на постепенном росте социалистического сознания. Вообще, отличительная черта Драгоманова была в том, что в 70-х годах и еще до марксизма, он был западником в социализме, западником убежденным и последовательным,— в противоположность лавристам, которые были беспомощны в сетях социалистического славянофильства, с верой в особые пути развития России и в чудесные свойства крестьянской общины. Драгоманов этой веры не разделял. Экономических вопросов он мало касался в своих статьях, но неоднократно он выражала убеждение, что Россия идет и должна идти по тому же пути, по которому прошла Европа. В "Шевченко, україноф. й соц." он писал: "Тепер соціалісти в Росії поставили всю соціалістичну програму та ще й бездержавні, і виступають словом проти „буржуазії“ ще раніше, ніж

та складала у Росії,— а ділом ідуть більше проти самодержавства царського і перш усього добються уставного (конституційного) царства, в якому то й складеться й візьме гору „буржуазія“. Тільки ж тоді й складеться й ґрунтова, справді мужицька соціалістична партія,— а при якій-небудь волі державній, може й справді те, що Росія росте під натиском передових думок європейських, pomoже їй більш прилегодити до них ті задні стації громадського руху, які вона мусить пробігти, щоб догнати Європу". Когда в одном из произведений землевольческой литературы появился призыв сбросить с русского социализма немещую одежду, Драгоманов написал иронически: „московські соціалісти можуть робити проби скидати німецьку одержу зі свого соціалізму й одягати того хоч у „радальну сорочку“, розкольників, або й у „кафтан“ самозванного селянського царства— бо все одно європейство і європейський соціалізм прийде до них і в села з городів, яким од Європи вже не одірватись“.

Это указание на роль города в развитии социализма в особенности примечательно. Драгоманов был украинским социалистом; Украина и теперь является землевольческой страной по преимуществу, а 50 лет назад была сплошным крестьянским морем. Города были ничтожными оазисами, а в городах только начинала образовываться промышленный пролетариат. С поразительной чуткостью Драгоманов предвидел будущую великую роль его. В сборниках „Громади“ есть много корреспонденций из деревень и сел Украины. Драгоманов печатал их в сопровождении своих замечаний, разрозставшихся иногда до размеров большой статьи. Корреспонденций из городов Украины меньше. Одна из Одессы, рассказывает о первых рабочих кружках, организованных Заславским¹. Драгоманов приветствует движение рабочих и видит в нем начало тех устоев, которые можно назвать „всім ґрунтам ґрунтом: початки городського освіченого робітника, в котрому видно спілку книжки й праці“². Далее следует пространное рассуждение о рабочем движении, которому угрожает опасность с двух сторон. Интеллигенты-революционеры могут увлечь его в сторону бланкизма, заговоров, частных всплеск. Чисто экономические интересы при аполитизме могут толкнуть в сторону отечественных Наполеонов и Бисмарков. Выход,— в расширении и углублении социалистической сознательности и в прочих рабочих организациях, куда входят представители всех видов труда, в том числе и умственного. Отражение ласальства и

¹ О Е. Заславском и рабочих кружках см. М. Бабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II. Киев, 1924 г., с. 308—312.

² Громада № 4, с. 313.

опыта французского рабочего движения после коммуны видно в этих рассуждениях Драгоманова.

Драгоманова можно считать предтечей русского марксизма. Не без основания замечал Драгоманов впоследствии, что в литературных произведениях „Группы Освобождения Труда“ он находил те идеи, за которые боролся в „Громеде“. Действительно, в критике русского и украинского народничества есть много общего между Драгомановым и первыми русскими марксистами, и после первых марксистских брошюр Плеханова так же пожеловали в „либералам“, „постепеновцы“ и т. п., как это было сделано раньше по отношению к Драгоманову. Исторический идеализм Драгоманова мешал ему, однако, рассмотреть, чем отличалась от его критики марксистская критика народнических предрассудков. Для него общественное развитие оставалось по преимуществу развитием общественных идей, и поэтому к социалистической просветительной работе он сводил задачи социалистов в рабочем классе и в крестьянстве.

Критика народнических предрассудков,— в особенности критика бунтарских представлений о социальной революции якобинских идей захвата власти, отрицания политической борьбы,— могла и должна была повести к глубокому расхождению между Драгомановым и руководителями русского социализма 70-х годов. Но поводом к острому разногласию, а потом и к прямой соре послужили не эти принципиальные вопросы, а вопросы революционной тактики и стратегии. Они осложнились эмигрантскими дрягями, создавшими вокруг личности Драгоманова в русской литературе тот туман, который и теперь рассеивается с большим трудом. В значительной степени благодаря этому туману деятельность Драгоманова в социалистическом движении подверглась упорному замалчиванию. По иронии судьбы наиболее непримиримыми противниками Драгоманова оказались будущие марксисты,— те, к кому Драгоманов по своим взглядам всего ближе стоял в социально-революционном лагере. Принципиальные разногласия, как это часто бывает, приняли личный характер. А острота их была такова, что и теперь, через 50 лет, вспоминая о давно прошедшем, А. Дейч не мог сохранить объективный тон, и его воспоминания о Драгоманове полны фактических ошибок.

Драгоманов не был ни профессиональным революционером, ни профессиональным политиком. Но взявшись за революционное дело, он отнесся к нему с той серьезностью, с какой вообще подходил ко всякому делу. Характерно заглавие одной его статьи в „Листке Громады“: „Коли битись, то вше не миритись“. Пристав к революционному движению, Драгоманов не допускал уже уклонений, компромиссов,— не допускал ни в

себе, ни в других. И сюда он вносил свой ригоризм. „Чистое дело требует чистых средств“,— так сказал он в свое время, разоблачая русское правительство. Теперь он обращался с тем же требованием к революции. Нечаянное оправдание всех и всяких средств для революционной цели еще живо было в памяти; нечаянные традиции поддерживались „Набатом“ Ткачева, от которого оторочивалась лучшая часть политической эмиграции, но который имел все же успех среди молодежи в России и за границей. Среди других русских социально-революционных течений Драгоманов занял не только особое, но и своеобразное место. Не только русское правительство, но и либеральные русские круги смотрели на него, как на главу „социально-революционной партии“. Национал-либеральная газета „Голос“ прямо обращалась к нему с предложением повлиять на революционную молодежь и убедить ее отказаться от террора. Когда в кругах, близких к правительству, возникла идея заключить перемирие с террористами на время коронации Александра III, упомоноченный для переговоров делегат направился прежде всего к Драгоманову. Это объяснялось в значительной степени невежеством правительства, но все же Драгоманов являлся в революционном лагере фигурой значительной, популярной. Он принимал деятельное участие во многих революционных начинаниях и предприятиях; при его активном содействии возник комитет помощи политическим изгнанникам из России. Отчеты комитета печатались в „Громеде“ и из них видно, что Драгоманов был душой этого комитета. Недонократно Драгоманов выступал вместе с другими видными эмигрантами с обращением к общественному мнению Европы по поводу преступлений русского правительства. Под обращением, требующим отказа в выдаче Льва Гартмана, значатся следующие подписи: П. Алисов, Драгоманов, Эпидин, Фокин, Гутерман, Жеманов, Кутузова, Лахочкин, Морозов, Эльсниц, Ралли, Черкезов, Веллер. Здесь по преимуществу подписи группы старых бакунистов и анархистов, и нет почти ни одного видного чернопередельца или народовольца. Протест против требования выдать Гартмана не мог объединить все фракции революционного социализма. Точно также не удалось объединить всех на издании „Русской социально-революционной Библиотеки“, о чем долго велись переговоры с Драгомановым.

Драгоманов так характеризовал состав женевакской эмиграции в 1879—1880 годах: Большинство русской эмиграции этого времени состояло: а) из старых „социал-демократов“ (цвета „Вперед“), которые Громеда долго боролась, вслед за своими немецкими образцами, с либералами, „из за классовых интересов“, а в то же время слишком горячо полемизировали про-

тив всякого „бунтарства“, чтобы стать на сторону „конституционализма“ людей в роде Желябова; б) из старых „анархистов“, которые некогда в своих органах сочувственно относились к „бунтарству“, пропаганде фактами“ и т. под., но с подлым отвращением смотрели на всякую „политику“...; с) из „черноперельцев“, только что явившихся после печатания 1 № их журнала с полемическими замечаниями против „политиков“...¹ К этому перечню можно было бы еще прибавить группу Ткачева и польские социалистические кружки.

Ни к одному из этих кружков Драгоманов не мог примкнуть; ни одна из этих групп не могла связать себя прочно с Драгомановым. С лавристами у Драгоманова были давние расхождения,—мы говорили о них в предыдущей главе. Делая на словах уступки национальным требованиям, „Вперед“ оставался по существу нецентралистским органом. В немецком социалистическом ежегоднике „Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik“, выходящем в 1879 г. в Цюрихе, Лавров напечатал обзор русского социалистического движения: говоря об „общине“, Лавров прибавил: „редакция предоставила страницы своего журнала также южно-русским националистам“. Это было направлено непосредственно против Драгоманова, и в следующем выпуске „Ежегодника“ появилась в виде ответа статья Драгоманова: „Der Klein-russische Internationalismus. Драгоманов не только защищался против упреков в национализме, но со своей стороны нападал на русских социалистов и изобличал их в якобинстве. Существующие организации русских социалистов,—писал он, все больше и больше втягиваются в политическую деятельность, несущую террористический характер, деятельность, которая меньше всего может благоприятствовать развитию каких либо федералистических идей. Мы скорее верим, что хотя со времени Герцена и Бакунина слова „федерация“ и даже „анархия“ стали священными словами для русских социалистов, следующей политической формой их деятельности будет „якобинство“² Впоследствии „Вперед“ признавала справедливость Драгомановской критики русского социалистического централизма и сам Лавров относился доброжелательно к Драгоманову и отставал от сотрудничества с ним против более непримиримых черноперельцев. Но в 1877—1878 гг. даже личные отношения между Драгомановым и Лав-

¹ К биографии А. И. Желябова. Собр. сочин. т. II. Париж, с. 421.

² Э. Бернштейн. Воспоминания о Мих. Драгоманове и Сергее Подоланском. „Летопись Революции“ кн. I, с. 63. Статья Бернштейна написана для сборн. „З почтив українського соціалістичного руху. Мих. Драгоманів і жевнейський соціалістичний гурток“. Завдан М. Грушевский. Вена. 1922. Со сборником этим нам не удалось познакомиться.

ровым были несколько испорчены вследствие печатания Лавровым „Пролога к Прологу“ Чернышевского вопреки желанию ближайших друзей последнего. Переписку по этому поводу очень ярко рисует и нравы русской политической эмиграции и твердый ригоризм Драгоманова, не понимавшего, как можно в жертву политике принести некоторые интересы личности, да еще чужой. На подробностях этой истории здесь неуместно останавливаться. Важно лишь, что переписка Драгоманова с Лавровым и его сотрудниками оставила в Драгоманове чувство горечи и представление о неразборчивости в средствах, когда речь идет о защите партийного дела¹.

Ближе всего по своим взглядам Драгоманов был к „черноперельцам“. Они причисляли себя к федералистам, враждебно относились к „якобинству“ и к терроризму, и хотя разошлись с народолюбцами по вопросу о политической борьбе, но до крайности, подобно бакунистам старого толка, не доходили. В начале 1880 г. Плеханов, Дейч и Засулич окончательно оставили Россию и основались в Женеве, где жили некоторые из них и раньше—в 1878 и 1879 гг. Драгоманов часто встречался с ними. Заходила речь и об общих революционных предприятиях, даже об общей социалистической организации. Аксельрод в особенности обediaл собой Драгоманова и его друзей с черноперельцами. Все же истинно дружеские отношения установиться не могли. Плеханов вряд ли мог простить Драгоманову его отношение к „казанской“ манифестации 1876 г. Это было юношеской подвиг Плеханова и первое открытое выступление социалиста на площади Петербурга с революционной речью. Драгоманов отнесся к этой манифестации иронически. Он не доценил ее значения, как первого опыта уличной манифестации. Драгоманов судил только по ее непосредственным результатам,—а они были, конечно, ничтожны. Народу собралось мало, а тот, который пришел на площадь, избытка героизма не обнаружил и разбежался при первом натиске полиции. Драгоманов писал: „Если уже вынесем мы красное знамя на площадь (родились и такие у нас), то как только полиция подступит, мы разбежимся сейчас и присягать будем, что и не думаем выносить...“

Мы не знаем,—более того не чувствуем каждым нервом своим, что такие слова не шутка, и знамена и манифестации—тоже не шутка. Сказал: „иди—умреть“—так сам иди и умирай... А если боитесь, так лучше зовите людей не на кровь,

¹ Листы Мих. Драгоманова до российского соц.-революционного издания „Вперед“ (1876—1878) З архива Вперед. Завдан и видам М. Павлич. Львів 1910. По поводу этих писем см. Б. Кистяковский. Драгоманов по его письмам. Русская Мысль, 1911, кн. 9.

а к „мирному прогрессу“, который совсем не такая плохая вещь, как говорят многие. Только и мирный прогресс требует своего: „Niet stehc ich! (на этом стою)“¹ „К манифестации на Казанской площади отрицательно относился не только Драгоманов. Резкую статью посвятил ей и немецкий социалистический „Vorwärts“. Но отзыв Драгоманова должен был особенно задеть чернопеределцев, Стефановичу точно так же имел основания питать раздражение против Драгоманова; это и сказало в критической его статье о „Громаде“. Драгоманов с решительным и прямым осуждением высказался о чигиринском деле, где частичный успех был куплен ценой обмана тысяч крестьян. Чигиринское дело не имело сторонников в эмиграции,—главным образом, потому что оно не удалось. Но подделка „царской грамоты“, игра на монархических чувствах крестьянства, авантюризм,—все это не вызывало особого возмущения. И только Драгоманов упорно стоял на том, что „чистое дело требует чистых средств“, и что самозванство в революционно-социалистическом деле недопустимо. Дейч разделил вместе со Стефановичем ответственность за чигиринское дело; кроме того, Дейчу пришлось давать объяснения в печати по поводу уязвленного дела Гориновича. Этого Гориновича уличили в предательстве; решено было его убить, а для сокрытия следов обвинить серной кислотой. Однако Горинович не умер и остался с обезображенным лицом. „Набат“ бросил по этому поводу лозунг: надевать шпионам такие маски. Дейч разъяснил в „Общине“, что он не хотел уродовать и мучить Гориновича, и что он был убежден в смерти Гориновича. Драгоманов, не обвиняя лично Дейча, писал и по этому поводу о границах дозволенного и терпимого в революции.

Вообще свободное и критическое отношение Драгоманова к русской социалистической интеллигенции должно было не мало раздражать некоторую часть молодежи и лидеров разных кружков. Драгоманов, может быть, и не всегда был прав и в иных случаях за моральной стороной событий не видел политической их стороны. Похороны Некрасова, как известно, превратились в политическую манифестацию. Настроение молодежи сказало в речах и отдельных возгласах, и умеренная либеральная печать это почувдала и оценила. Достоевский посвятил целую статью в ответ на замечание неизвестного студента: Некрасов выше Пушкина,—а студентом этим был Плеханов. Но Драгоманов отнесся неодобрительно и к молодежи, которая забывала о слабостях поэта, об его стихотворении в честь Муравьева-Вешателя, об его гражданской неустойчи-

¹ Громада № 2—Центр і окраїни, с. 416.

ности. Права-то была, однако, эта молодежь. Точно так же Драгоманов, лично крайне щепетильный в вопросах религиозных, убежденный противник всякой церковности, с излишней резкостью нападал на молодежь, которая устраивала политические манифестации под видом православной панихиды. Вины были в этом политические условия, вынуждавшие молодежь пользоваться и такими, не столь уж преступными приемами. Драгоманов видел во всем этом черту холопства, завещанная русской интеллигенции всей предшествующей историей русской государственности. „Общая черта русской интеллигенции,—писал Драгоманов,—это несоответствие слова и дела, слабость настойчивости и духа сопротивления началству и нападения на него,—черты, развитые во всероссийском человеке государственным периодом истории“.

Недовольство в социально-революционных кругах вызывали и статьи Драгоманова о терроре. По теоретическим своим взглядам большинство эмиграции не разделяло народоувещевательской теории политического террора. Дейч передает, что Вера Засулич в ужасе „схватилась за голову“, когда узнала о выстреле Соловьева. Плеханов остался до конца убежденным противником террора, но вплоть до 1883 г. открыто против него не выступал. Другие чернопеределцы,—революционеры по темпераменту,—не могли устоять против соблазна. Нечего и говорить о всей молодежи. Она была стихийно увлечена героической борьбой, полной драматических эффектов. В примечании ко второму изданию „Наших разногласий“ Плеханов писал: „Эта группа („Освобождения Труда“) с самого начала своего существования находила, что рабочим терроризм неудобен; высказывалась против террористической борьбы интеллигенции было тогда безусловно бесполезно: интеллигенция верила в террор, как в бога“¹. Казалось бы, наоборот, что если интеллигенция верила в террор, как в бога, то выступить против террора было обязательно для социалста. Плеханов не выступил, а Лавров который тоже не разделял веры в террор, выступил с защитой и оправданием террора. И единственный видный деятель и писатель политической эмиграции, который решился открыто встать против течения и сказать то, что он думает о терроре,—был Драгоманов. Он говорил очень серьезно и осторожно—до 1881 г. Он с полным уважением относился к тем, кто в России отдавал свою жизнь за свободу, шел на эшафот и в каторгу. Но Драгоманов не скрывал от себя и не мог скрыть от других, что политическая общественная борьба, к которой он звал, получает извращенный вид, что героическая

¹ Сочинения т. I, Петерб. 1920, с. 376.

борьба одиночек усиливает пассивность масс, и сила заговорщической организации только подчеркивает бессилие открытого сопротивления общества. А сверх того, удачные покушения создавали почву для теории захвата власти, бланкистского переворота, диктатуры политического кружка. „Набат“ воскресил старые идеи политического заговора; параллельно с этим анархисты на западе возвели террор на степень универсального средства социальной борьбы, и покушения в Германии Геделя и Нобилинга были поставлены в прямую связь с террористическим движением в России, хотя ничего общего между ними не было. Это отражалось на отношении демократической Европы к революционному движению в России.

Драгоманов посвятил вопросу о терроре несколько памфлетов. Он писал о нем в „Листке Громады“ (1878 г.), в брошюрах „Соловья баснями не кормят“ (1880 г.), „Терроризм и свобода“ (1880), в листке-приложении к „Громаде“ после смерти Александра II (1881) и в брошюре на французск. яз. „Тиранубийство в России и Западная Европа“ (1881). Всюду Драгоманов проводит отличие между террором как актом самообороны, защитой своего или чужого достоинства, мести и террором, как системой политической борьбы, как политической доктриной. Первое даже нельзя назвать террором. К готовности гражданина ответить ударом на удар, наказать сильника, смыть кровью оскорбление Драгоманов относился с полным сочувствием. Он даже рекомендует оказывать вооруженное сопротивление при арестах. Драгоманов считал неизбежным в русских условиях и террор, как систему борьбы. Он доказывал, что ответственность за покушения на сановников и на царя полностью ложится на русское правительство, — жестокое, слепое, трусливое. Но одно дело признавать неизбежность террора, другое — его оправдывать и доказывать его целесообразность. Драгоманов считал, что террор вреден для революционного движения. Критики Драгоманова писали, что он выступал против террора только по моральным соображениям. Это не совсем верно. Моральным мотивам Драгоманов отводил видное место в своей аргументации. Убийство по приговору тайного комитета он называл казней без суда, произволом лиц, не несущих за свои действия никакой ответственности. Но решающее значение Драгоманов придавал не моральным мотивам, а политическим: дезорганизации путем террора всего общественного движения, уходу от социалистического пути на путь чистого якобинства. В своей критике терроризма Драгоманов предвосхитил почти все те аргументы, которыми впоследствии русский марксизм

успешно разбивал народнические теории террора. У Драгоманова не было и не могло быть только главного и наиболее успешного аргумента: живого опыта рабочего движения. Его выступление было для своего времени, пожалуй, бесполезно. Но Драгоманов никогда не руководился в своей деятельности мотивами непосредственной и практической пользы. Он считал нужным говорить и „бесполезную“ правду, если был в этой правде убежден.

8. Разногласия с русскими соц.-рев. кругами. Польский вопрос. Вильна сплика. Группа социалистов-евреев. Разрыв с чернопередельцами.

Этих одних расхождений было достаточно, чтобы создать стену между Драгомановым и русской политической эмиграцией. Все же до открытого раскола не доходило, пока не началась прямая война с женевским центром „чернопередельцев“. Переселение Пляханова в Женеву было, конечно, крупным событием в жизни колонии. Группа Пляханова, Засудлич, Аксельрода, Дейча, Стефановича была самой крупной в Женеве группой по своему влиянию, по таланту участников, по своим связям с Россией. У чернопередельцев шли переговоры с народолюбцами о слиянии, об организации новых предприятий, о соглашении существующих групп и кружков. И тут неодолимым препятствием была двойственная роль Драгоманова. Он занимал выдающееся место в социалистическом и революционном русском движении — и в то же время категорически заявляя, что он социалист не русский, а украинский, и отказывался входить в общерусские организации. Вся его политическая деятельность была направлена против русского правительства, но он был против организации российской социально-революционной партии, а пропагандировал идею партии, охватывающей восточную Европу. Это вытекало из теоретической позиции Драгоманова, но это противоречило его практической деятельности, было непонятно всей политической эмиграции и казалось странной выдумкой. Интересы социально-революционного движения требовали концентрации всех сил для борьбы с русским абсолютизмом, и Россия поглощала целиком мечты и думы русских социалистов. А Драгоманов говорил и о Галиции, и о венгерской Руси, и о поляках в Германии, и это не вмещалось в обычные представления русской интеллигенции о задачах революционной и социалистической борьбы. Русские социалисты называли себя анархистами, федералистами; а Драгоманов изобличал их в том, что они государственники и централисты. Революционному космополи-

тзму русской интеллигенции заботы Драгоманова об украинцах казались националистическим курьезом, странной и вредной забавой. Даже те, кто на словах признавал существование Украины, в душе убеждены были, что это ни к чему не обязывающее украшение официального федерализма.

Ближайшим поводом к столкновению послужил вопрос об исторической Польше. У чернопердельцев завязались тесные отношения с польским социалистическим кружком в Женеве, в котором видную роль играл Лимаковский, работавший раньше в русских революционных организациях. К Драгоманову польские социалисты относились с недоверием и даже враждебно. Известно было отношение Драгоманова к польскому восстанию 1863 г. Часть польских социалистов готова была признать права галицийских русинов на свою национальную культуру и территорию. Другая часть смотрела на украинцев в Галиции так же, как русские социалисты смотрели на украинцев в России. Драгоманов чрезвычайно внимательно относился ко всем выступлениям польских социалистов и требовал каждый раз точного определения, о какой Польше они говорят: этнографической, охватывающей только поляков, или об исторической, с притязаниями на восточную Галицию, Поднепровщину и т. д. Русские социалисты никакого значения этому не придавали. Главное было—в совместной борьбе с поляками за общие цели,—за свободу, за социализм. А распределение земель по национальностям—это казалось националистической придиркой Драгоманова. В 1880 г. в Женеве состоялся митинг в память польского восстания 1830 г. Выступала на митинге от имени русских социалистов Вера Засулич, которая, естественно, не сочла нужным подчеркивать права украинцев в России и Австрии. Не говорили об этом и поляки.—А на международном социалистическом конгрессе в Хуре (1881 г.) Лимаковский выступил с речью, которая могла быть истолкована, как декларация солидарности с программой восстановления исторической Польши. Драгоманов видел в этом проявление польского шовинизма и в статье, напечатанной в „Revue Socialiste“, обвинил польских социалистов в националистических тенденциях. Это вызвало взрыв негодования в эмигрантских кругах, и редакции „Черного Передела“ и польской „Równość“ и выступили с протестами в иностранной печати. Драгоманов снова столкнулся,—и в очень болезненной форме, с упорным игнорированием со стороны русских социалистов сложного национального вопроса в России.

Еще более остро это сказалось при попытке Драгоманова создать общую социально-революционную партию на федеративных началах, в виде союза национальных социалистических

организаций. Мысль о такой партии являлась у Драгоманова еще до издания „Громады“, и он знакомил с этой мыслью знакомых русских социалистов. В этой мысли ничего не было особенно оригинального. На таких началах был основан первый интернационал, и в некоторых странах (Франция, Италия) секции интернационала представляли союз областных организаций. Нового было лишь то, что Драгоманов предлагал не ограничивать район деятельности этой партии Россией, а распространить ее на восточную Европу, т. е. и на те земли, где живут поляки и украинцы. Но уже в статье, напечатанной в немецком „Ежегоднике“, Драгоманов жаловался на то, что идея преобразования русской социалистической партии в восточно-европейскую интернациональную партию для большинства уже организованных русских социалистов нова и радикальна.

Отказаться от своей идеи Драгоманов не хотел. Весной 1880 г. состоялось по его инициативе несколько собраний, на которых подвергнуты были обсуждению такие вопросы: 1. Об отношении борьбы за политическую свободу к делу социализма в России, и 2. о федерализме и централизме в деле социалистической пропаганды в Восточной Европе. По словам Дейча, это были первые широкие политические собрания в Женеве. Привычки выступать публично и с эстрады развивать свои мысли у революционеров еще не было, и собрания проходили довольно сумбурно и беспорядочно. Драгоманов предложил на последнем собрании такие тезисы:

1. Собрание отдает предпочтение социальным и революционным организациям равноправно-федеральным перед централистическими и иерархическими.
2. Собрание считает более соответственным интересам социализма на Востоке Европы организацию социальных партий по естественным областям: географическим, экономическим и национальным, чем на основании государственных границ, существующих и традиционных.
3. В интересах пропаганды социализма на Востоке Европы собрание считает существенной необходимостью организацию социалистической печати на языках народных, а не на одних только языках государственных и высших сословий.

Четвертый тезис говорил о необходимости организовать печать на языках эстонском, латышском и литовском, белорусском, на языках: евреев и кавказцев и др. Пятый—о возможности более тесной связи „местных (областных и национальных) социалистических кадров“. Драгоманов не предлагал при-

спустить немедленно к организации партии; это было бы преждевременно. Но он считал возможным образовать „чисто литературный союз с целью пропаганды федерально-социалистических учений на всех языках и для всех областей Восточной Европы“. Подробнее писал об этом Драгоманов в брошюре „Вільна Спілка“, вышедшей в виде приложения к „Громаде № 1“.

Тезисы Драгоманова ни малейшего успеха не имели. Социалистическую интеллигенцию интересовали больше всего вопросы непосредственной революционной борьбы. Национальный вопрос казался неуместным и излишним. К предложению Драгоманова часть ораторов отнеслась с насмешкой, и некоторый успех имело выступление Дейча, который стал рассказывать о том, что украинofilы занимаются чистейшими пустяками, напр., издают брошюры „Про сіру кобилу“ и „Як баба Параска та купила поросля“. Вероятно, это казалось аудитории очень остроумным, потому что и через 40 лет Л. Дейч вспоминал с немалым удовлетворением о своем успехе.

Драгоманов пробовал осуществить свою идею собственными силами. Кроме известной брошюры „Вільна Спілка“. Он обратился с листком „Вниманию социалистов-эмигрантов из России“ к различным национально-социалистическим кружкам в Женеве. Но и это обращение успеха не имело. Особого внимания заслуживает попытка Драгоманова создать еврейскую социалистическую группу.

Мы знаем, какое значение Драгоманов придавал еврейскому вопросу. Он не переставал интересоваться им и за границей. На его глазах на Украине быстро росла еврейская буржуазия, начинавшая уже играть заметную роль в общественной жизни. В рядах революционной интеллигенции евреи тоже начинали занимать видное место. Для Драгоманова было ясно, что грядущее и неизбежное столкновение крестьянства на Украине с помещиками и буржуазией будет непременно и столкновением с евреями. Классовая ненависть примет форму национальной борьбы. Многочисленные корреспонденции в „Громаде“ ярко рисовали картину все растущей эксплуатации сельского пролетариата на Украине, причем еврей-арендатор, еврей-корчмарь, еврей-ростовщик выступали в особо непривлекательном виде. Некоторые корреспонденты видели пред собою время, когда все дворянские имена, все заводы, все мельницы перейдут к евреям.

Эти корреспонденции, заполняющие толстые томы „Громады“, не свободны от преувеличенной и тенденциозной окраски. В них явно чувствуется антисемитский душок. Это не противоречило общему направлению, в котором народническая литература 70-х годов освещала еврейский вопрос. Так писали об

евреях и „Отечественные записки“, — самый радикальный из народнических журналов. Драгоманов печатал корреспонденции без оговорок, но сам он ушел вперед от той позиции, которую занимал в еврейском вопросе десять лет назад. Тогда для него евреи были сплошь народом эксплуататоров и паразитов, народ сплошь непроизводительного труда. Теперь Драгоманов различал в евреях Украины наряду с торговцами, арендаторами, ростовщиками массу пролетариата, — ремесленников, рабочих, учителей. К разряду эксплуататоров Драгоманов относил теперь только треть (приблизительно) народа; остальные могли быть доступны для социалистической пропаганды, и в классовой борьбе могли быть солидарны с крестьянством. Но и эти две трети еврейского народа в настоящее время близки к своей буржуазии; они живут в темноте, во власти религиозных и национальных предрассудков, и отделены от других народов стеной взаимного непонимания. Разбудить эту массу могут только социалисты-евреи, и только на языке еврейской народной массы, на „жаргоне“. Между тем еврейские интеллигенты, в том числе и социалисты, уходят от еврейской бедноты, заполняют ряды русских социалистических организаций. Еврейский пролетариат, предоставленный самому себе, остается духовно-убогим, идеями привязанным к старому еврейскому миру.

О глубине этих наблюдений не приходится много говорить. Драгоманов в жизни еврейского народа рассмотрел такие явления и процессы, которые еврейской социалистической интеллигенции стали видны только через десять — пятнадцать лет. Мысль о необходимости социалистической пропаганды среди евреев на еврейском яз. возникла у отдельных социалистов-евреев. В 80-ые годы была сделана попытка в России издать на еврейском языке народолюбческую „Рабочую Газету“. Несколько позже возникла в Вильне организация еврейской социалистической молодежи, смотревшая на себя, как на ядро будущей еврейской секции интернационала¹. Но это было позже, и ни в этой, переведенной с русского яз., газете, ни в уставе вилнского кружка не было такого отчетливого представления о социальной дифференциации среди еврейства и о задачах социалистической пропаганды среди еврейского пролетариата, как у Драгоманова в его статьях 80-х годов об еврейском вопросе.

Драгоманову удалось привлечь к себе небольшую группу социалистов-евреев. Состав этой группы, число и имена ее

¹ Сведения об этих попытках заимствованы из неопубликованных работ П. М. Каптора и Н. А. Вухлидера.

участников нам неизвестны¹. От имени этой группы, 15 июня 1880 г. вышел напечатанный в типографии „Громады“ листок. Под текстом значится подпись: „За инициаторов дела Родин“. Листок обнаруживает знакомство с идеями Драгоманова и с его статьями по еврейскому вопросу. В нем нарисована картина современного социального и культурного состояния еврейства, при чем материалами для нее послужила статья Полинковского об евреях в „Трудах этн.-стат. экспедиции в западно-русский край“, из данных киевского отдела географического общества. Группа социалистов-евреев протестует против „поголовного удаления социалистов-евреев от своих масс“ и утверждает, что настала „пора привлечь к делу социальной революции и массу рабочих евреев“. Для этой цели группа предполагала основать в Женеве „Вольную Еврейскую Типографию“ для издания социалистической литературы „на разговорных (жаргонных) языках“ евреев России и Галиции. Намечены были такие темы для первых изданий: 1. Положение еврейских рабочих у еврейских капиталистов; 2. Отношение пролетариев-евреев к бедным классам из христиан; 3. Сущность текущей социально-революционной борьбы в России; 4. Рабочее движение в Западной Европе. Любопытен этот перечень тем. Любопытна и подробно разработанная программа для собрания литературных материалов о евреях России и Галиции.

Возвание группы социалистов-евреев сопровождалось кратким послесловием, подписанным Драгомановым, Павликом и А. Ляходим (Кузьмой). От имени украинских социалистов они приветствовали выступление еврейских товарищей. Драгоманов придавал ему особенно большое значение, так как полагал, что социалистическое движение среди евреев может смягчить нарастающий антагонизм в отношениях между украинским народом и евреями. Почти за год до антиеврейских погромов 1881 года Драгоманов писал: „При теперешнем отношении между украинским народом и евреями можно сказать, что всякое движение первого против теперешних экономических порядков будет сопровождено кровавыми сценами еврейского избиения, гораздо более несправедливыми, чем сцены XVII и XVIII вв... Для социалистов украинской области представляется делом особой важности организация пропаганды, которая имела бы целью, с одной стороны, отделение рабочих еврейских масс от еврейских капиталистов, а, с другой,— соединение еврейских рабочих с рабочими других наемн.“. Неудивительно было более ясно и отчетливо формулировать за-

¹ Повидимому одним из членов „группы“ был Арон Вейлер, вернувшийся вскоре в Россию, организовавший в Минске первые еврейские рабочие кружки и покончивший самоубийством.

дачи, которые впоследствии легли в основу первых еврейских рабочих кружков, затем Бунда и других социалистических и коммунистических организаций, работающих среди еврейского пролетариата.

Группа социалистов-евреев выступила на том собрании, на котором Драгоманов предложил свои тезисы. Прием ей был оказан такой, что и у энергичных людей должны были опуститься руки. „Казалось бы,— писал впоследствии Драгоманов,— какое возражение могла вызвать мысль об издании той же „Хитрой Механики“ еще на одном языке, или, пожалуй, даже „жаргоне“. А между тем надо приписать только чрезвычайным усилиям и такту лица, председательствовавшего на вышеупомянутом собрании, что оно не окончилось крупным скандалом. С таким озабоченным отнесением к нему ораторы из русской и польской социалистической партии, и особенно лица еврейского происхождения“. Изданием листка-воззвания деятельность группы социалистов-евреев и ограничилась. Создать еврейскую типографию ей не удалось; для такого „узко-националистического“ предприятия нельзя было найти ни средств, ни работников. Этой замечательной попытке суждено было на время заглохнуть, как и другим предприятиям Драгоманова. Ему удалось выпустить одну брошюру на белорусском яз.

Легко представить себе, какие создались у Драгоманова отношения к русским социалам, и какой вид приняла эти отношения в душею, пропитанная кружковыми интересами, эмигрантской атмосфере Женевы. Разрыв Драгоманова с чернопередельцами сопровождался такими обстоятельствами, которые на долгое время сделали невозможными личные встречи Драгоманова с некоторыми видными эмигрантами, как Плеханов, Стефанович, Дейч. В свое время эта история наделала много шума в эмигрантских кругах. Стороны вызывали друг друга на товарищеские и третейские суды, которые, однако, не состоялись; писали письма с объяснениями и т. д. По условиям конспирации, история не могла получить огласки; Драгоманов намекал на нее, говоря в одной из статей своих о нравах эмиграции, о кружковых интригах, об „истреблении и умышленном припрятывании публикации“. Это были глухие намеки, непонятные непосвященной публике. Быть может не следовало упоминать об этом, если не было возможности предъявить обвинение открыто. В таких случаях преимущество бывает часто на стороне тех, кого обвиняют. И действительно за подписью Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча появилось отдельным листком „Открытое письмо господину Драгоманову“. Авторы письма предлагали Драгоманову сказать открыто, кого он имеет в виду, говоря об интригах, обманах, истреблении

документов. Авторы письма, однако, знали очень хорошо, что Драгоманов не может называть имена и раскрыть полностью истину, и это, конечно, лишает их „открытое письмо“ должного морального авторитета. Драгоманов не отвечал на „открытое письмо“. Оно было перепечатано в следующем, 1883 г. в „Календаре Народной Воли“, и в заметке, посвященной этому „Календарю“, в последнем номере „Вольного Слова“ Драгоманов написал: „Давая обстоятельный ответ на это письмо, нам пришлось бы опубликовать некоторые письма к нам, которые бы объяснили историю одной программы и одной клеветы, но мы предпочитаем предоставить это дело редакции „Женевско-Русской Старины“ через 30 лет. Кроме „Открытого Письма“ появилась еще брошюра Черкезова „Драгоманов из Гадяча“; за нее достаточно выразительно говорит ее заглавие. В ней тоже речь идет о каком-то пропавшем документе. Брошюра полна эмигрантских сплетен и нечистоплотных выходов против Драгоманова. По словам Богучарского, эта брошюра вызвала протест даже со стороны противников Драгоманова, и приняты были меры против ее распространения.

С того времени прошло более тридцати лет. История эта позабыта даже ее участниками, и о ней не стоило бы, пожалуй, подробно вспоминать, если бы и теперь в наши дни, Л. Дейч не повторил прежнего обвинения Драгоманова в клевете да еще злощастно¹. Менее других следовало бы это делать Л. Г. Дейчу. Из всех участников тяжелого инцидента только Драгоманов рассказал все же, хотя и очень неполно, как произошло дело. Дейчу Драгоманов отводил в этом деле весьма незаметную роль. Между тем во всех своих воспоминаниях о Драгоманове,—а Дейч их написал не мало,—Дейч ни одним словом не упомянул об истории „одной программы и одной клеветы“.

В письме (1886 г.) к своему знакомому „петербуржцу“ (Дмитриевскому) Драгоманов кратко,—и все же довольно пространно,—рассказал эту историю. Письмо напечатано в собрании писем к Ив. Франку и др., опубликованном в Львове М. Павликом. В переводе на русский яз. это письмо было напечатано С. Ефремовым в журнале „Украинская Жизнь“². Начало истории об „одной программе“ восходит еще к 1879 г., когда Аксельрод и Драгоманов вместе с Павликом и Э. Ралли затеяли организацию социально-революционных кружков на

¹ См. Л. Г. Дейч. О сближении и разрыве с народолюбцами. Пролетарская Революция. 1923. № 8 (20).

² С. Ефремов. О том, что было и чего не было (по поводу воспоминаний Дейча). Украинская Жизнь. 1913. 10, 11, 12.

юге России, в Галиции и Румынии. Это была повидимому попытка практически осуществить идею восточно-европейской социалистической федерации. К делу привлечены были и чернопеределцы, которые, однако, затевали и свою собственную организацию. Когда из России приехала делегатка с программой и письмами от южного революционного кружка, то для пересмотра и редактирования программа была передана в комиссию из трех лиц: Плеханов, Стефанович и Драгоманов. Затем начались разногласия, принявшие острый характер. Организация распалась, не успев, в сущности, ничего сделать. Драгоманов устранился от дела, и когда у него потребовали отдать „программу“, вернул ее через Стефановича. Между тем распространился слух о том, что Драгоманов программу скрыл и распространение слуха, „заведомо клеветническое“, Драгоманов приписывал Дейчу. Потянулась канитель взаимных выводов на суд, от которого, в конце концов, обе стороны отказались. Впоследствии Драгоманов узнал, что виновником всей злополучной истории был Стефанович, который бросил бумагу в камин и сказал обоим сторонам неправду, а друзья Стефановича не пожелали его компрометировать.

В изложении Драгоманова много недоговоренного и неясного. Быть может опубликование писем из архивов Драгоманова, Аксельрода и Плеханова могло бы пролить свет на всю историю. Важно во всяком случае, что под тяжелым впечатлением этих драг, сплетен и интриг сложились у Драгоманова отношения с русскими социалистическими кругами, и в начале 80-х годов он оказался почти в полном одиночестве в женевской колонии. Все происшедшее еще более усилило его неолобовь к партийной жизни, к организационной работе, где неизбежны деловые компромиссы, терпимость к человеческой слабости, закулисные сделки и внутренняя дипломатия. Другие эмигранты чувствовали себя как рыба в воде, в непрерывных организационных хлопотах, в налаживании соглашений с одними группами, в расхождении и в разрывах с другими. Драгоманов с исключительным ригоризмом своим, повышенной моральной требовательностью, с наивностью в делах организационных явно не подходил к роли практического партийного деятеля.

9. Сборники „Громада“. Украинская литературная и культурная работа.

Украинская работа для Драгоманова была тем родным на чужбине угом, куда можно было уйти от житейских и партийных волнений. Здесь не было борьбы кружков, авторитет Дра-

гоманова был неоспорим, и работа вначале давала ему большое моральное удовлетворение. Но затем и здесь обстоятельства изменились; украинская работа стала источником, пожалуй, наиболее тяжелых испытаний.

Издание „Громады“ удалось наладить лишь с большим трудом. Первый номер появился только в 1878 г.; всего вышло, как известно, пять сборников не периодического издания и к ним два приложения в виде отдельных листов. Вышло еще два номера журнала „Громада“ под редакцией Драгоманова, Подолиского и Павлика, но их не надо смешивать со сборниками, которые редактировал единолично Драгоманов. До 1880 г. вышло четыре книги „Громады“, затем, после двухлетнего перерыва, 1882 г., пятая книга. В сущности, первые четыре книги являются двумя сборниками, из них первый разбит на три отдельных выпуска. Первый выпуск—это „Переднее слово до Громады“,—программная вступительная статья, третий—небольшая повесть Панаса Мирного „Лихі Люде“, впечатления и воспоминания заключенного в тюрьме молодого революционера-украинца, обычное издание тенденциозной революционной беллетристики 70-х годов. Второй выпуск представляет собой объемистый том в 582 стр., на две трети заполненный корреспонденциями с Украины под общим заглавием: „Звістки про Україну“. Корреспонденции разбиты на ряд отделов: 1) життя по селах, 2) здириство: багатірі і бідні, подія землі, у наймах. 3) Мошенства панів і підпанків і т. д. 4) Начальство крестьянское, царское, земство. 5) Темнота.—духовенство, народные школы. После корреспонденций идет огромный обзор: „Что нового в газетах“ и наконец, „вместо фельетона и библиографии“,—обширная статья в 180 стр. Драгоманова „Україна і Центри“,—довольно беспорядочный винюгет на всякие темы,—о школьном вопросе, о похоронах Некрасова, о манифестах на Казанской площади, русско-польских отношениях, о русском историке Соловьеве и т. д.

Второй сборник „Громады“—Громада № 4,—вышел в 1879 г., объемистой книгой в 384 стр. Содержание его более разнообразно. Он открывается статьей П. М.—„Биржевое мошенство та запрода на печать“,—популярным изложением характерных черт европейского и русского капитализма, биржевой игры, грондерства. Вражда к капитализму проникнута прудоновским мелкобуржуазным духом и несвободна от некоторого антисемитского привкуса. Затем следует статья С—жо (Сірко—Ф. Воля) „Шевченко і його думки про громадське життя“ и пространный ответ на эту статью Драгоманова „Шевченко, українофілія і соціалізм“. После короткой заметки Е. Ч. о Ковальском идет большой обзор Драгоманова „Грунт,

книжка та „препятствия“ (Листи і уваги про новини на Україні), здесь заметки о книгах и цензуре, и о земствах, и о рабочих кружках в Одессе. Драгоманову принадлежат и следующие небольшие две статьи—о выступлениях Петрункевича в черниговском земстве и о „героической самозащите социалистов в Киеве“. Сборник заканчивается полемическими заметками Драгоманова против журналов „Вперед“ и „Набат“ и против львовских народоцев.

Сборники „Громады“ имели в свое время значение чрезвычайное. Украинская молодежь в русской Украине и в Галиции ими зачитывалась. Они были своего рода каноном украинского социализма и еще долгое время после выхода будили мысль украинской интеллигенции. Корреспонденции,—как ни западали они своим появлением в печать, давали яркую картину крестьянской жизни на Украине, рисовали экономический быт, социальные и национальные отношения. Почти каждая корреспонденция сопровождалась замечаниями Драгоманова, который очень хорошо умел на отдельных жизненных явлениях показывать общие начала социалистической теории. Значительная часть литературного материала „Громады“ теперь устарела и представляет только исторический интерес. Выделяются по своему содержанию и сохранили свое значение и для современного нам читателя две статьи Драгоманова: „Переднее слово“ и „Шевченко, українофілія і соціалізм“. Мы говорили о них выше. Впоследствии они выходили отдельными изданиями. Следовало бы собрать погребенные ныне под грудой корреспонденций и обзоров и передать различные заметки Драгоманова. Некоторые чрезвычайно интересны.

Проникнутые горячей любовью к Украине, к ее крестьянству, к истории, к народной литературе и культуре, статьи Драгоманова должны были будить в украинской интеллигенции стремление к работе среди своего народа. Драгоманов придавал большое значение отличительным особенностям Украины, как страны крестьянской. Он неоднократно подчеркивал различие между социализмом городским и деревенским. Пропаганда среди подвижного, оторвавшегося от почвы пролетариата легче, чем среди оседлого, прочно сросшегося с землей крестьянства. Рабочий охотно слушает пришлового агитатора, говорящего о капитализме, о порядках на фабрике, о заработной плате. Крестьянин к пришлому человеку, да еще интеллигентному, незнакомому с местными условиями и с земледельческим трудом, относится неодобрительно. Драгоманов требовал от социалистической пропаганды на Украине оседлости работника в деревне, связи с населением, знания языка и быта и практической пригодности. Драгоманов обращал серьезное внимание

на необходимость взаимного понимания и солидарности между городским пролетариатом и крестьянством Украины. Вследствие различия языка, культуры, происхождения некоторое расхождение между ними намечалось уже и тогда. Драгоманов писал о том, что глубокое расхождение угрожало бы социалистическому движению на Украине. Словом, те проблемы, которые теперь охватываются частично словом „смычка“ между городом и деревней, были видны Драгоманову, и он настойчиво требовал к ним внимания и от русских и от украинских социалистов.

Другой стороной, и не менее важной, в „Громаде“ является критика украинского национализма и романтизма. В своих русских статьях Драгоманов боролся с революционным космополитизмом и обличал социалистов в недостаточном внимании к национальным вопросам; в украинских статьях Драгоманов выступал против национализма в защиту общедемократических и социалистических начал. За языком и национальной культурой он признавал только значение формы; содержанием литературы является пропаганда одних и общих для всех народов передовых „европейских“ идей. Нет специальных „украинских идеалов“, есть идеалы европейской рабочей и крестьянской демократии — их надо выразить на языке и в понятиях близких и родных украинскому народу.

Статья „Шевченко, украиноф. й соц.“ является в украинской литературе и до сих пор наиболее сильной, глубокой и последовательной критикой украинского народничества, романтизма и бунтарства. По своему характеру и значению она равна „Нашим разногласиям“ Плеханова и во многом превосходит марксистскую критику народничества. Украинское пристрастие к казачьей старине Драгоманов ставил в родственную связь с русской идеализацией бунтарства. В одном из писем своих к Изв. Франку Драгоманов писал: „Ошибка русских социалистов была в том, что они не были европейскими социалистами (которые не мыслили без культуры и политической свободы), а были народниками-бунтарями. А бунтарство-народничество выдумали собственно украинофилы (гайдамаки, бунт Ст. Разина, монографии Мордовца.) и подали и россиянам, которые слегка помозали его интернационалом и Парижской Коммуной... Я бы мог это доказать документально, потому что у меня есть даже украинские бунт. прокламации, которые М. Вовчок и К—о писали для Бакунина и Нецаева“¹.

Совершенно не важно в данном случае, правильно ли оце-

¹ Листы до Ів. Франка. 1888 р. 14-IV, с. 121. За неизменем под рукою книги, привожу выдержки из письма в переводе на русск. яз.

нил Драгоманов художественное значение отдельных произведений Шевченко. Он мог и ошибаться в некоторых случаях. Центр тяжести его статьи в беспощадной и реалистической критике козацкого романтизма, народнической идеализации украинской истории,—того, чем так грешила и до сих пор грешит украинская политическая мысль. Драгоманов,—не марксист, но его социальный анализ козацко-крестьянских войн 17 и 18 вв. мог бы войти образцом в марксистские хрестоматии. Драгоманов скрывал элементы социальной реакции в национально-революционном движении и показывал, как далеки социальные и политические идеалы казачьей старины от социалистических теорий нашего времени. Драгоманов развенчивал социальные иллюзии, как это делал до него и Кулиш. Но Кулиш восставал против идеализованного бунтарства во имя буржуазного порядка и русско-чиновничьей реакции, Драгоманов—во имя социалистического движения на европейских началах. Ему казалось опасным некритическое увлечение поэзией Шевченко, традиционное стремление видеть в нем не только певца Украины, но и политического мыслителя, даже социалиста. Драгоманов указывал на то, что „остатний великий рух український—гайдамацьке повстання Залізняка й Гонті 1768 р. вже мало чим одійшло по темноті думок од бунту Ст. Разина й Пугачівщини“. И он предостерегал украинских социалистов позднейших поколений от увлечения этими „темными думками“.

„Ось на таких то обірваних та затемнених думках наших селян, на споминах таких темних рухів, як уманська різня 1768 р., зріс Шевченко й переніс їх у свої поеми, покладаючи надію, що нові „Гонті“ піднімуть знову „правду й волю“ на Україні. До такого то темного й хисткого ґрунту прийдеться спуститись українським соціялістам, коли вони, признавши Шевченка соціялістом, захотять „одягти європейський соціялізм в одягу“ думок і мрій українського селянства“. Драгоманов не даром опасался. И через сорок лет после того, как были впервые напечатаны эти слова, они могли звучать живым предостережением украинскому народничеству и романтизму. 1917—1920 гг. показали, до какой степени поверхностно усвоены толщей украинской интеллигенции идеи Драгоманова.

Сборники „Громады“ не были свободны от недостатков. Критика указывала на них не без оснований. Они были чрезвычайно громоздки и неуклюжи, выходили редко и потому всегда с опозданием. В книге, вышедшей в 1878 г., корреспонденции относятся к 1875 и 1876 гг. Главной бедой „Громады“ было отсутствие живой связи с Украиной. Было условлено при отъезде Драгоманова, что откуда будут поступать статьи и свежие сообщения. В действительности никто ничего не при-

сылаа, и Драгоманову приходилось заполнять сборники исключительно своими силами. Впоследствии «киевляне», руководители «Громады», ставили ему это в вину. Драгоманов справедливо возражал, что ничего другого ему не оставалось делать. Как бы то ни было, с редакционной стороны сборники представляли случайное собрание и нагромождение материалов, часто многословных, перегруженных незначительными мелочами. Корреспонденции прорываются пространными рассуждениями Драгоманова, у которого была способность уклоняться глубоко в сторону от основной темы. А в одном месте целиком перепечатана его брошюра: «Антракт в истории украинифильства». Драгоманов был талантливым публицистом, но не слишком талантливым редактором. Он не умел сокращать ни себя, ни других сотрудников.

Сотрудников было мало. Драгоманову удалось сгруппировать вокруг себя небольшой кружок украинцев. Они были ему преданы, работали с большой готовностью, выступали на эмигрантских собраниях, но писали мало или слабо. Среди друзей-украинцев были, кроме Кузьмы, М. Павлик, живший одно время в Женева, его сестры, Анна и Параска, Сергей Подлинский, Ф. Василевский, супруги Пашченко. Присылал статьи из Парижа Ф. Волк (Х. Сірко), сблизился с Драгомановым, горячо его полюбивши, Д. Н. Овсянко-Куликовский. В 1878 г. Овсянко-Куликовский, находясь за границей в ученой командировке, издал анонимную брошюру, «Записки южно-русского социалаиста», в которой развивал взгляды, близкие к драгомановским. Лавров попал на эту брошюру с обвинением в национализме, а Драгоманов взял ее под свою защиту в четвертой книге «Громады».

Для украинской социалистической и радикальной молодежи в России выход каждой книги «Громады» был большим и радостным событием. Драгоманов был в этой среде признанным «баткой», властителем дум и стремлений. Но эта среда была немногочисленна. Общероссийское, революционное движение поглощало значительную часть ее кадров. А в старшем и более умеренном поколении украинской интеллигенции очень скоро обозначилось и затем все больше росло недовольство Драгомановым. Двойственность его позиции, как деятеля украинского и русского, вносила некоторую путаницу в понятия. Смущал его радикализм и социализм. Либеральные профессора, стоявшие во главе киевской «Громады», ни в какой степени не были заинтересованы в том, чтобы украинское движение отождествлялось с революционным и социалистическим. А «Громада» киевская несомненно давала к тому повод. Среди членов «Громады» киевской были и прямые националисты, ко-

торые отнюдь не связывали свои украинские идеалы с демократической программой и готовы были идти на всякие компромиссы с властью, лишь бы добиться некоторых прав для украинского слова. Сначала, под влиянием жгучей обиды от правил 1876 г., эти тенденции в украинском движении были слабы. В 1876 г. даже Кулиш, впадший уже в глубокую реакцию, с удовольствием узнал об украинском вольном печатном станке за границей и писал Кистяковскому: «Даже коммунистические издания каких то украинских грамотеев за границей получают после этого некоторое оправдание»¹. Но затем, по мере того, как начинаются послабления со стороны правительства, компромиссные настроения и тенденции усиливаются. Драгоманов кажется черезчур опасным,— и черезчур русским. Выдающееся положение Драгоманова в русской эмиграции могло сначала льстить национальному самолюбию. Однако, на взгляд украинских националистов Драгоманов жертвовал украинскими интересами в пользу русских. «Почтовый ящик» «Громады» очень хорошо отражает это растущее недовольство украинского умеренного читателя. Ему не нужна ни социалистическая программа, ни европейская, тем паче русская демократия. В ответах своих Драгоманов защищается против обвинения в «москвофильстве».

Эти обвинения в особенности шли из Галиции, где иша Драгоманова после процессов галицийских социалистов стало символом революционно-социалистической и «московской» опасности. Украинские «народовцы» видели в Драгоманове коварного совратителя своей молодежи, писателя, который распространял планы полюбовного соглашения с польской шляхтой и католическим духовенством, опасного безбожника. Велико было влияние Драгоманова на украинские социалистические круги в Галиции, где одновременно с жевневской «Громадой» стал выходить под редакцией М. Павлика «Громадський Друг». Но преследования против социалистов в Галиции не прекращались, сильна была и общественная реакция, и социалистическое движение, разбитое и подорванное, к 1880 г. заглохло. «Громада» была в Австрии запрещена, как и все, что было связано с именем Драгоманова, а Павлик и сам принужден был некоторое время проживать в Женева.

Обвинения в «москвофильстве» были, конечно, совершенно несплы. Но не подлежит сомнению, что общероссийская деятельность Драгоманова была в этот период ярче, чем чисто украинская, и поглощала у него много времени. Его упрекали в этом впоследствии «киевляне». Они говорили, что Драгома-

¹) Письма, «Киевская Старина», 1902 г. III, с. 520.

нов и его „Громада“ как бы затерялись среди других русских социально-революционных течений и изданий. В таком виде упрек был несправедлив. Напротив, участием своим в общем революционно-социалистическом движении Драгоманов поставил с такой отчетливостью украинские национальные и культурные проблемы, с какой они в позднейшее время не выступали. Драгоманов знакомил и европейскую публику с украинским движением. Мы упоминали уже статью: „Der Kleinrussischer Internationalismus“ в социал-демократическом „Jahrbuch für socialwissenschaft und Socialpolitik“. Эд. Бернштейн говорит, что эта статья „для большинства западно-европейских читателей была настоящим откровением“¹. Отдельной брошюрой вышла статья: „La litterature Ukrainienne, proscrite par le gouvernement russe“.

Условия эмиграции сказывались. С горечью чувствовала Драгоманов, что он становится „отрезанным ломтем“. Шум политической жизни, напряженная работа заглушали это чувство одиночества. Но шум смолкал, и надвигались восьмидесятилетие годы,—годы пустоты и политического омертвения.

¹ Эд. Бернштейн. Воспоминания о Мих. Драгоманове и Сергее Подолинском. „Летопись Революции“, кн. I, с. 38.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Вольное Слово“ (1881—1883).

1. Убийство Александра II. Священная Дружина. Еврейские погромы.

Убийство Александра II было самоубийством Исполнительного Комитета Народной Воли. После горячей схватки обе стороны некоторое время оставались в нерешительности: кто же победил? Со стороны казалось, что победила революция. Царь был убит. Новому царю Исполнительный Комитет диктовал свои условия, и за этими условиями была угроза новых покушений и систематического террора. Правительство было запугано. Александр III засел в Гатчине, и Карл Маркс называл его „пленником Исполнительного Комитета“. Придворные и правящие круги колебались; в их среде шла борьба. Министры, и сановники, и гвардейские офицеры, близкие к царю, толковали о конституции. Осмелели либеральные земцы и городские гласные и в адресах, заполненных холопскими излияниями своих монархических чувств, упоминали открыто и намекали о земском собрании. Кажалоось, что подлинно зашаталась земля под царским треном, и пришел конец самодержавию.

Авторитет могущественной революционной организации вырос чрезвычайно. Террор оправдал себя,—кто решился бы возражать против него! Из чернопеределцев только Плеханов упорно стоял на своем; остальных увлекла боевой темперамент, и они готовы были вернуться и слиться с Народной Волей. А у оставшихся на свободе руководителей боевых кружков росла уверенность в себе. Победа казалась столь близкой, что Исполнительный Комитет начинал смотреть на себя, как на ближайшее „Революционное Правительство“ России.

Это продолжилось недолго. Исполнительный Комитет мог бы выиграть сражение, если бы у него были резервы, если бы его поддержало народное движение, если бы решительно выступили либерально-буржуазные группы. Но резервов не было. Боевая центральная группа отдала почти все лучшие свои силы и истекла кровью. А террор испугал и оттолкнул либераль-

ную буржуазно, и она, лепеча робко о конституции, в то же время решительно выступала против революционного движения. Политическая реакция, напротив, сплотилась, учла слабость противника и выступила с отчаянным напором. В конце концов она победила. Произошло и „народное движение“, которого с такой верой и тоской ждали революционеры, но приняло оно неожиданную форму — погромы против евреев.

Общая растерянность, сумятица и политическая неопределенность длились почти два года. Помещичье-дворянские верхи под руководством придворных сановников образовали „Добровольную Охрану“ и „Священную Дружину“, которая вела нелегальную борьбу с террором и конкурировала с официальной полицией. Опираясь на эту организацию, близкие к царю люди пытались проводить свою политику; в ней смешивались конституционализм, и борьба с революцией, и личные интересы делающих карьеру сановников. „Священная дружина“ по замыслу была прообразом нынешних фашистских организаций, своего рода государством в государстве. Но она выродилась в аристократический кружок, который стал орудием в руках проходивцев, развел провокацию и сам стал жертвой провокации. Руководители „Священной дружины“ вели борьбу с революционерами и в то же время, превеличивая их силы, вступали в переговоры о перемирии на время коронации Александра III. В общей политической неразберихе рождались самые разнообразные слухи, и легко было поверить чему угодно; возникали нелегальные и полулегальные организации, в которые нетрудно было проникнуть любому шпиону. Земские деятели знали о борьбе в придворных кругах и о конституционалистах в флигель-адъютантских мушкетерах. Одним из таких конституционалистов был личный друг Александра III и великих князей, флигель-адъютант, лев придворных салонов, князь П. Шувалов. Его называли в своем кругу „князь Боби“ и приписывали ему огромное влияние. Вместе с кн. Воронцовым-Дашковым он был руководителем „Священной Дружины“, — таинственной и, казалось, всемогущей. „Князь Боби“ составлял записки о народном представительстве в России и читал их при дворе. В то же время он руководил тайной своей полицией, которая, прясая от жандармов, следила за революционерами. В то же время он входил в сношения с нелегальными организациями земских деятелей. Повидимому, Шувалов затевал широкую игру и вперед угадывала ему историческая роль конституционного спасителя России от революции и социализма. Он был непохож на других сановников. Он был не только блестящим гвардейским офицером, но и доктором прав гейдельбергского университета.

Князь Шувалов внушил веру в себя не только немногим своим сторонникам при дворе, но и некоторым видным деятелям земского движения. В. А. Гольцев поддерживал с ним постоянные и систематические сношения. История земского движения 70-х и 80-х годов еще не освещена. О размерах и силе этого движения существуют различные мнения.

Разброд был в правительственных кругах, разброд был и в революционных кругах. Основное ядро террористов было разбито; оставшиеся сначала продолжали борьбу, но вскоре разрозненными были и остатки. Кто не погиб на шафоте или не был пленен в тюрьмах и на каторге, бежал за границу. Некоторые сознавали, что это — поражение, что дело проиграно, но никто в этом не признавался. Напротив, теперь в особенности вера в террор приняла характер „веры в бога“. Обаявала память о героях и о мучениках Народной Воли. Яркие образы Желябова, Софьи Перовской, Кибальчича волновали и возбуждали больше чем прокламации, брошюры и программы. Канонизация героев террора распространялась и по территории. И все же это была уже не прежняя вера; скорее — пietet. Живой дух уже отлетел от нее. Закрадывались сомнения, истощались силы, падала моральная стойкость. Лучшие, наиболее сильные пали; остались более слабые, наследники, эпигоны. В России продолжать работу было трудно, почти невозможно; после общего разгрома центр Народной Воли перенесен был за границу.

В общем хаосе трудно было разобраться и в России. Еще труднее — за границей. Эмиграция жила раздутыми слухами, и как всегда желания свои принимала за действительность. Представителями Исполнительного Комитета за границей были теперь Лев Тихомиров и Ошанин. Они знали положение дел, но поддерживали веру в могущество организации, держали себя как диктаторы и умело пользовались ореолом героев Народной Воли. А между тем, Тихомиров уже был человеком с опустошенной душой, и его горячая преданность террору была маской на мертвом лице. Но авторитет его был непоколебим, он был столпом и руководителем, и несуществовавший террор Лавров не решался возразить и шел на компромисс. Не смел открыто выступить против террора и Плеханов, — его убежденный противник.

Рядом с превеликими представлениями о терроре у одних, были у других превеличанные представления о силе земского оппозиционного движения. Казалось, что действительно подымается вся либеральная „образованная“ Россия; казалось, что в виду колебаний и борьбы при дворе ее выступление может иметь успех. В „кохановской комиссии“ с участием зем-

ских сведущих лиц видели прообраз земского собора. Назначение вместо графа Лорис-Меликова гр. Игнатьева было ударом для конституционных иллюзий; но борьба против Игнатьева продолжалась, и с предстоявшей в 1883 г. коронацией Александра III связывались надежды на конституцию, политическую свободу и амнистию. И те, кто верил, боялся, что продолжение террора усиливает реакционную партию.

Нетрудно понять, почему растерялась социалистическая интеллигенция, когда вспыхнули и по всей Украине распространились погромы против евреев. В них был соблазн бунтарства, народной стихии. Народ вышел на улицы и разбивал магазины; ов громад евреев, которые и на языке социалистов были только или по преимуществу эксплуататорами. Полиция и казаки выступили против народа; погромщиков секли. Этого достаточно было, чтобы вызвать к ним сочувствие. Во многих местах крестьяне и рабочие говорили: „начнем с жидов, перейдем к панам“. На первых порах не только социалисты, а и правительство видело революционно-социалистическую стихию, или по крайней мере, старалось представить погромы, как дело рук социалистов. Известна прокламация, выпущенная от имени Исполнительного Комитета, с прямым призывом к погрому. От нее отшатнулись в испуге чернопеределцы и некоторые народолюбцы,—однако, не все. Автором прокламации был Герасим Романенко, который уже тогда играл сомнительную роль, а вдохновителем—Дегаев, орудие и креатура Судейкина. Прокламация антисемитского характера выходила и в других городах¹. Вскоре, однако, и социалисты убедились, что социально-революционные тенденции в погромном движении до крайности слабы, народ снова обманулся ожиданиями, и в конечном выигрыше оказалось правительство. Националистическая волна смысла оппозиционные настроения, а перепуганное общество умоляло только об одном—о порядке, спокойствии и сильной власти. Погромы внесли деморализацию во все слои общества,—в том числе и в революционные.

2. Как возникло „Вольное Слово“. А. П. Мальшинский.

Летом 1881 г. Драгоманов, разойдясь с влиятельными кругами женевской колонии, усиленно работала над украинскими трудами,—научными и литературными. Значительную часть его времени поглощала работа для монументальной „Новой Всемирной Географии“ Рекаю; Драгоманов написал для нее про-

¹ См. материалы для истории антиеврейских погромов в России, том второй. Восемьдесятые годы. Гос. Изд. 1923.

странный очерк Украины. Подготовлен был к печати выпуск исторических украинских песен под названием „Нові українські пісні про громадські справи“. В типографии Кузьма набирал большой роман Бялика и Мирного „Хіба ревуть воли, як яса повні“. Издание „Громады“ временно прекратилось. В 1881 г. вышло два номера журнала „Громада“ под редакцией Драгоманова, Павлика и Подолинского. Это не было издание киевской „Громады“. Средства на издание журнала давал Подолинский, сын богатого помещика. Драгоманов не верил в успех журнала, участвовал в нем неохотно. Значительных статей в журнале не было, поддержки к нему не встретил и на втором номере прекратился. Подолинский лишился тех сумм, которые посылал ему родители из России, заболел и кончил свои дни в психиатрической лечебнице. Впоследствии родители Подолинского выступили в русской печати с обвинениями против Драгоманова в том, что он тратил средства С. Подолинского на свои издания. Обвинение было явно абсурдно. Драгоманов отвечал, что дело обстоит как раз наоборот, и ему пришлось из своих средств покрывать долги, оставленные Подолинским. Однажды, когда Драгоманов с Кузьмой занимался упаковкой брошюр для отправки, в типографию зашел неизвестный представительный господин и осведомился, нельзя ли в типографии „Громады“ печатать журнал, который стоял бы за политическую свободу в России и предоставил на своих страницах место для всех социально-революционных течений. Этот господин назвал свое имя—Мальшинский. В дальнейшем разговоре выяснилось, что он является представителем нелегальной земской организации, сочувствующей революционному движению, но решительный противник террора.

Так началась история газеты „Вольное Слово“. Она вышла с июня 1881 по май 1883 г. Драгоманов со второго номера был ее деятельным участником и главным сотрудником. С 37-го номера „В. Слово“ объявило себя органом „Земского Союза“, и с этого времени Драгоманов стал фактическим редактором, а 1 января 1883 г. в № 52 он заявил о том, что является и редактором официальным. Всего вышло 60 номеров; последний номер двойной—60—61-ый. „Вольное Слово“ поглотило много времени и сил Драгоманова; оно принесло ему волнения и заботы, которые сыграли немалую роль в развитии его сердечной болезни; оно подорвало его социалистическую репутацию, расстроило в конце отношения с русскими социалистами и дало повод причислять его к либералам.

Вопрос об отношениях „Вольного Слова“ к Священной Дружине имеет количественно солидную литературу. Мы не можем здесь критически заняться ею и отсылаем к ней

интересующегося этим вопросом читателя¹. Работая над историей конституционного движения 80-х годов, В. Я. Богучарский пришел к заключению, что „Земского Союза“ никогда не было, что под именем „Земского Союза“ существовала „Земская Лига“, которая была изобретена Священной Дружиной для борьбы с революционным движением, и что „Вольное Слово“ было органом Священной Дружины. Драгоманов, таким образом, оказывался жертвой темной интриги, хотя личная его репутация не подвергалась ни малейшему подозрению. С подробными возращениями Богучарскому выступил Б. А. Кистяковский. Он доказывал, что Земский Союз

¹ Ни в малейшей степени не претендуя на библиографическую полноту, можем указать следующие, нам известные произведения, где речь идет о „Свящ. Дружине“, „Земском Союзе“, „В. Слове“, — его редакции и сотрудники.

В. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-ые годы. Б. Кистяковский. Страницы прошлого (по поводу книги В. Я. Богучарского) Москва, 1912.

В. Богучарский. Земский Союз или Священная дружина. Русская Мысль, 1912.

Б. Кистяковский. Орган Земского Союза „Вольное Слово“, к легенде о нем. Русск. Мысль, 1912, кн. II.

В. Богучарский. В заключение полемики. Р. Мысль, 1913, 2.

В. Засулич „В. Слово“ и интрига. Современник, 1913, 6.

В. Дебогорий-Мокричев. К спору о Священ. Друж. и В. Слове. Р. Мысль, 1913, 2.

А. Прибылева. Историческая справка. Русск. Богатство, 1913, 3.

В. Богучарский. По поводу одной исторической справки. Современник, 1913, 4.

И. Шинманов. О роли гр. П. П. Шувалова в конституционном движении 80-ых годов. В. Европа, 1914, I, 2.

А. Исаев. М. П. Драгоманов и гр. П. П. Шувалов. Рев. 1912 № 255.

Нез. Правда о „Правде“ „Русская Мысль“, 1913, № 141.

Бен-Ами. Мои сношения с Драгомановым и работа в „Вольном Слове“ Еврейская Старина, 1915, 12, 1916, 1.

Пьесма Г. В. Пастернака и П. А. Лаврову. Дела и Дни, кн. 2. Петерб. 1923.

Д. Н. Овсвинико-Кузковский. Воспоминания, Петерб. 1923.

П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, Берлин, 1923.

Записки ген. Смелянского, Голос Минувшего, 1916, I—4, 5, 6.

А. Дейч. За рубежом. Вести. Европы, 1912, 9.

А. Дейч. Драгоманов и инженин, В. Евр. 1913, 10.

А. Дейч. У начала легенды Совр. Мир, 1913, 9.

А. Дейч. От народничества к марксизму. Совр. Мир, 1914, I, 2.

А. Дейч. Украинская и общерусская интрига. В. Европа, 1914, 8.

А. Дейч. О сближении и разрыве с народолюбцами. Прометарская Революция, 1923, кн. 8 (20).

В. Дебогорий-Мокричев. По поводу статьи Дейча. Украинская и общерусская интрига. Укр. Жизнь, 1915, 2.

С. Ефремов. О том, что было и чего не было (по поводу воспоминаний Дейча) Укр. Ж. 1915, 10, 11—12.

существовал, как неформальная организация прогрессивных земцев; этот союз находился в постоянных сношениях с Драгомановым, и „Вольное Слово“ было действительно органом союза. Но были у Земского Союза связи и с конституционными элементами придворной партии, то-есть с П. П. Шуваловым. В. А. Гольцев получал значительные средства от Шувалова, которые шли на общие дела, то-есть на поддержку конституционного движения. Драгоманов был и лично знаком с Шуваловым и встречался с ним за границей,—при этом и крайне конспиративной обстановке.

Богучарский и Кистяковский дважды обменялись возращениями, затем диспут их исчерпался. Каждый остался при своем основном убеждении. Слабой стороной спорящих была скудость фактического материала; они оперировали больше догадками и гипотезами, чем реальными свидетельствами. В итоге спора можно было установить, что между П. Шуваловым и „Вольным Словом“ несомненно существовала какая то связь, что и Малышинский был членом Священной Дружины, но что нет никаких фактов, указывающих на тайное использование „Вольного Слова“ в целях политической реакции¹. Личность Драгоманова и после детального обследования оказывалась вне всяких подозрений и упреков. Его можно было обвинять лишь в излишней доверчивости. О близости „Вольного Слова“ к министру внутренних дел Игнатьеву ходил заграничной слухи уже с первых номеров журнала „Общее Дело“, редактируемое Эльпидимом и Жемаановым. Но Драгоманов и все сотрудники „Вольного Слова“ считали эти слухи клеветой, которую умышленно распространил в революционных кругах Судейкин. Доказательств „Общее Дело“ не могло представить, и редакция „Вольного Слова“ эти слухи игнорировала.

Вопрос об отношениях „Вольного Слова“ к Священной Дружине оставался неясным и после оживленной полемики 1912 и 1913 г.г., в которой приняло участие много лиц. В 1916 г., после смерти Богучарского, было опубликован в „Голосе Минувшего“ дневник генерала Смелянского, заведывавшего в Священной Дружине тайным розыском, и установилось после этого общее мнение, что вопрос разрешен, и при том в пользу Богучарского. Генерал записал в своем дневнике то, что происходило на заседании главного совета Священной Дружины 23 ноября 1881 г. "... Граф Шувалов высказал, что

¹ Знакомство с неопубликованными материалами архива графа П. П. Шувалова приводит к заключению, что прав был В. Я. Богучарский: „Земский союз“ был измышленным Свящ. Дружины и никогда реально не существовал.

издающееся в Женеве" „Вольное Слово“ есть издание нашей Священной Дружины, на что тратится значительная сумма; издателем ее состоит агент Дружины Мальчевский, а помощником его Божидарович¹. Газета эта установлена для того, чтобы привлечь к ней революционеров, радующихся всякому изданию против нашего правительства и в ней пишут статьи Драгоманов и другие революционеры; и вот этим то способом разузнают, где обитают и что творят революционеры. К этой газете уже присоединилась партия черно-переделническая. Мальчевский полжк и при том из передавшихся нам революционеров². Свидетельство это было бы крайне красноречиво, если бы свидетель заслуживал доверия. Но он его не заслуживает ни в малейшей степени. В Священной Дружине все виднейшие деятели ее занимались, повидимому, взаимным надувательством. Записки ген. Смельского убеждают читателя в том, что этот бывший полицейский генерал был в Дружине тайным агентом официальной полиции, которая следила за Дружиной и разоблачала ее конституционные замыслы; с другой стороны, и граф П. Шувалов вел в Дружине двойную игру. Он почти единолично ведал заграничные дела Дружины и всего менее расположен был к откровенности в присутствии сотрудников, которым Смельский дает убийственные характеристики в своем дневнике. Смельский подтверждает то, что было известно после книги и статей Бугучарского: деньги на „Вольное Слово“ шли чрез П. Шувалова из Священной Дружины и Мальшинский (а также Божидарович) были членами и агентами Священной Дружины, но попрежнему неясным остается вопрос, какие цели преследовал Шувалов, поддерживая „Вольное Слово“, в каких отношениях находился он к земскому конституционному движению, существовал ли „Земский Союз“, и чьим органом в действительности было „Вольное Слово“ до и после № 37-го.

Менее всего могло служить „Вольное Слово“ шпионским целям наблюдения за революционерами. Для этого оно должно было бы привлекать к себе, а не отталкивать от себя террористов. В действительности, благодаря борьбе с террором, редакция изолировала себя от непосредственной связи с народолюбивыми кружками. Для целей шпионски-провокаторских у Священной Дружины была другая газета в Женеве—архи-

¹ Божидарович-Веселитский, — впоследствии известный сотрудник „Нового Времени“, писавший под псевдонимом „Аргус“. Работая в „Вольном Слово“, Божидарович проявлял большой интерес к развивавшемуся тогда в Германии, Австрии и Венгрии христианско-социалистическому и антишпионскому движению.

² Записки ген. Смельского. Голос Минувшего, 1916, февраль, с. 157.

террористическая „Правда“. Она была вульгарно-революционна; радикализм и кровожадность ее были так велики, что серьезные революционеры сторонились ее, а принимали в ней участие вольно-революционные публицисты Сидорацкий, Григорьев. Причастен был к „Правде“ и видный анархист Черкезов, — автор брошюры „Драгоманов из Гадяча“. Позже установлено было, что Климов, редактор „Правды“ — бывший полицейский чиновник¹. Имеющаяся в нашем распоряжении неизданная переписка П. Б. Аксельрода и Драгоманова с Мальшинским устанавливает, что при желании Мальшинский мог бы завязать непосредственные сношения с революционными кружками за границей и в России. Эти кружки обращались через Аксельрода к Мальшинскому с просьбой о денежной поддержке, и Аксельрод предлагал учредить для постоянной связи организацию, в которую входил бы с одной стороны представитель группы „Вольного Слова“, а с другой — представители социально-революционных заграничных кружков. Но по единственному свидетельству всех, знавших Мальшинского, он всегда держался в стороне от революционеров, избегая всякого с ними сближения.

Аркадий Павлович Мальшинский был известен в революционных кругах прежнего поколения. Он был лично знаком с Бакуниным и Огаревым, пользовался некоторой популярностью в Одессе, как радикальный журналист. Он никому не внушал подозрений. Уже после того, как начало выходить „Вольное Слово“, стало известно, что Мальшинский автор книги по истории революционного движения, написанной для третьего отделения. Мальшинский не отрицал этого. Он объяснил, что писал книгу для генерала Дрентельна, не видя в этом ничего предосудительного. Редакция удовлетворилась его объяснениями, и письма Аксельрода к нему сохраняют прежний дружеский тон. В этом нет ничего удивительного. Когда бывшие черно-переделщики узнали о том, что Стефанович, сидя в тюрьме, пишет для третьего отделения историю русского соц.-революционного движения по материалам полиции, они тоже ничего предусмотрительного в этом не усмотрели. И только в 1917 г. после смерти Стефановича выяснилось, что писал то он по материалам полиции, но и в той полиции².

Мальшинский был агентом Священной Дружины, а впоследствии, через 15 лет, редактором черносотенной газеты „На-

¹ См. Д. Заславский. „Волнованные доброты“. Очерки из истории Свящ. Дружины. Бялоэ. 1924 г. кн. 25.

² См. Бялоэ 1918 г. кн. 16. Русская революционная эмиграция. Зап. Я. В. Стефанов.

род". Деньги на „Вольное Слово“ шли из Священной Дружины¹. Следует ли из этого, что „Вольное Слово“ было органом Священной Дружины? С таким же правом можно было бы утверждать что органом министерства внутренних дел был „Вестник Народной Воли“, к которому близок был предатель Дегаев, органом департамента полиции был марксистский журнал „Начало“, издателем которого был провокатор Гурович. Конечно, это вздор. Каковы бы ни были цели и тайные замыслы Шувалова и Мальшинского, „Вольное Слово“ под редакцией Драгоманова было органом земского движения, как „Вестник Народной Воли“ был органом народолюбчества. Самая придирчивая критика и в 70-ые годы и в наше время не могла найти в номерах „Вольного Слова“ ничего, что говорило бы о предательском характере издания¹.

„Вольное Слово“ было явлением необычным в зарубежной революционной печати. Оно выходило регулярно, сначала еженедельно, а с № 37-го—два раза в месяц, тетрадями большого размера. Газета хорошо (сравнительно) оплачивала труд своих работников; Аксельрод, напр., получал за хронику рабочего движения 125 фр. в месяц—для эмигранта сумма значительная. Газета выделялась среди других изданий и с редакционно-технической стороны. В расположении материала чувствовалась рука журналиста. Политическая хроника первых номеров щеголяет освещенностью по части тайн правительственных и придворных; есть в ней некоторая разоблачения и ловкий маневр. С стороны Мальшинского это мог быть и содержатель „В. Слова“ стало более солидным и более громоздким. Короткие сообщения и заметки вытесняются пространными обзорами и статьями,—подчас довольно скучными.

3. „Вольное Слово“ и земское движение. Борьба с терроризмом. „Обязательность энергии“, конец „В. Слова“.

Только с 37-го номера „Вольное Слово“ заявило о своей принадлежности „Обществу Земского Союза и самоуправления“ и обнародовало определенную программу, характерной особенностью которой, помимо политических требований, яв-

¹ Приводят обычно цитату из статьи в одном из первых номеров, которую можно толковать, как возращение против невиданной инстремных государственных террористов. Статья—неудачна. Но против такого толкования ее резко возражала сама редакция. „В. Слово“ неоднократно определенно выступало в таких случаях в защиту террористов.

ляется отрицание классовой борьбы в современной России. До того „В. Слово“ было вольной трибуной для всех социально-революционных и либеральных течений, и единственное, на чем стояла газета, это было отрицание террора. После выхода в свет десятого номера, П. Б. Аксельрод писал Мальшинскому: „Последний номер всем моим знакомым особенно понравился. Действительно он в полном смысле слова соответствует своему названию „Вольное Слово“,—что важнее всего. Дело в том, что я лично да и многие из моих товарищей очень рады существованию органа, по преимуществу политического, как наиболее способного возбудить интерес в честных оппозиционных элементах нашего общества“. При содействии Драгоманова Мальшинскому удалось привлечь к постоянной работе в „Вольном Слове“ видных представителей эмиграции. Сотрудниками „В. Слова“ были народолювец И. Присецкий, чернопеределец П. Аксельрод, ¹ старый бакуист Н. Жебуев, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. И. Эйбер, М. Рабинович (Бен-Ами), М. Павлик. Но душой газеты и главным ее сотрудником, в особенности с 1882 г. был Драгоманов. Нам неизвестно, при каких условиях, после приезда в Женеву делегата от Земского Союза, Мальшинский был устранен от непосредственного заведывания редакцией. В его руках была только контора и техническая часть. Во всяком случае с 37-го номера Драгоманов несет полную ответственность за редактирование „В. Слова“. Это в полном смысле слова его литературное детище. Драгоманов писал много и на разные темы. В первых номерах тянется большая статья, вышедшая потом отдельной брошюрой, „Историческая Польша и великорусская демократия“. Затем нет почти ни одного номера, где бы не было статьи или заметки Драгоманова. Он всегда подписывал свои статьи фамилией или инициалами. Он был принципиальным противником анонимной публицистики, в особенности полемической, и неоднократно об этом писал. Ряд статей посвящен вопросу о терроре и о приемах борьбы „Исполнительного Комитета“: „Нечто о чистоте средств“, „Нравственность и мужество в обвинениях в шпионстве“, „М. Бакуини о правде и нравственности в революции“, „Обязательность энергии“, „Народная Воля“ о централизации револ. борьбы в России“ и т. д. Во-

¹ А. Дейч в одном из своих очерков говорит, что участие Аксельрода в „В. Слово“ вызывалось исключительно мотивами заработка. Это опровергается письмом к Мальшинскому. Аксельрод пишет: „Хотя я и не ответственное лицо в журнале, но не могу уже всецело смотреть на свое участие в нем с точки зрения исключительно работника по найму. Такое отношение едва ли было бы выгодно газете“. П. Б. Аксельрод относился с чрезвычайным интересом к своей работе в „В. Слово“ и придавал ей большое значение.

проса о земском движении, о конституции, политической свободе Драгоманов касался в статьях о программе Земского Союза, в своем редакторском заявлении (№ 52), которым Драгоманов формально брал на себя редактирование, в статьях „Конституция и народ“, „Толчите и отверзаете“ и др. Много писал Драгоманов об украинских делах в Галиции, начата была и осталась незавершенной большая работа по еврейскому вопросу.

Драгоманов писал много. „Вольное Слово“ действительно было его органом. Но как редактор, он отличался терпимостью,—подчас чрезмерною. Аксельрод недаром жаловался на неопределенность политической программы газеты. Однако, эта неопределенность позволяла и ему свободно высказывать свои мысли. Он писал пространные обзоры рабочего движения в Зап. Европе и в вышедших своих воспоминаниях (1923 г.) говорит, что это были первые опыты марксистского социал-демократического освещения вопросов политики и социализма. Драгоманов был этим недоволен,—однако не возражал. И только после того, как в дискуссии на страницах „Вольного Слова“ ребром поставлен был вопрос о политике и о социализме, затруднилось дальнейшее участие Аксельрода в газете. Дискуссию открыл И. Присецкий большой статьей, в которой указывал, что необходимо теперь отложить социалистическую борьбу и сплотить все силы интеллигенции, рабочего класса и крестьянства на политических требованиях. Сначала политическая свобода, потом экономическая и классовая борьба,—таков был смысл статьи, отражавшей поворот в народовольческих кругах. С пространным возражением в статье „Все для народа и посредством народа“ (№ 19) выступил П. Аксельрод. К сожалению статья его осталась неизвестной в позднейшей марксистской литературе, а она между тем впервые формулирует те идеи, которые через год более подробно развил Плеханов в брошюре „Социализм и политическая борьба“. Предполагалось сначала, что и на статью Присецкого в „В. Слово“ ответит Плеханов. Аксельрод вел переговоры по этому поводу. Повидимому, враждебные отношения между Драгомановым и Плехановым помешали тому, чтобы первое марксистское выступление Плеханова состоялось на страницах „Вольного Слова“. А вскоре и Аксельрод должен был отказаться от дальнейшей работы в нем,—по причинам, о которых будет сказано ниже.

Не разделяя социал-демократических взглядов, Драгоманов относился к ним терпимо. Рабочему движению уделялось очень большое место в „Вольном Слово“, и в нем можно найти пространные отчеты о всех происходивших в это время соци-

алистических и рабочих конгрессах. К сожалению, терпимость проявлял Драгоманов и к нашедшему в это время антисемитскому движению. Оно было молодо, носило радикальный политический характер, щеголяло социалистическими словами. Ряд длинных корреспонденций в весьма сочувственном тоне передает речи венгерского бесшабашного демагога Иштоци, что дало повод еврейскому националисту Бен-Ами обвинять Драгоманова в антисемитизме. Это, конечно, не верно¹. Драгоманов не разделял взглядов христианских социалистов и антисемитов, но он видел, что за этими партиями идут в значительном количестве крестьяне, что вожди умели привлечь к себе и некоторую часть рабочих. Драгоманов и присматривался поэтому к новому интересному явлению. Аксельрод правильно определил сущность „антисемитского социализма“, как движения мелкой буржуазии, которой угрожает капитализм. Его статья на эту тему, напечатанная в „Вестнике Народной Воли“ (№ 1 и 2), имеет уже вполне выраженный марксистский характер. Драгоманов только наблюдал и колебался.

Работа в „Вольном Слово“ дала обоснование либеральным публицистам причислить Драгоманова к своему лагерю. П. Струве писал в „Освобождении“: „Драгоманов первый из русских публицистов дал русской демократии широкую и ясную политическую программу. Он первый резко и отчетливо вывел русскому обществу смысл и значение конституционного порядка и, в особенности прав личности, начал самоуправления“. Действительно, в статьях своих и в отдельных брошюрах Драгоманов первый в революционной печати не только выставил определенные политические требования, но и разработал их в виде проекта конституции. Это имело огромное значение для своего времени,—не столько для России, где такие проекты возникали и помимо Драгоманова в земских и придворных кругах („конституция“ Шувалова), сколько для политической эмиграции, для которой это было новостью. В программе Драгоманова ничего не было специфически либерального. До него о Земском Соброре, о самоуправлении и о правах личности писал Герцен, а после него—в более развитом виде политические требования вошли в программу российской социал-демократической партии. От либералов Драгоманов и в свое время и позже решительно отличался тем, что в программе политических требований он главное, даже исключительное место отводил местному самоуправлению и был убежденным и непре-

¹ Редакция „Еврейской Старины“, где напечатаны были статьи Бен-Ами о Драгоманове и „В. Слово“ (1915, 12 и 1916 1.), оговорила в примечании, что с выводами Бен-Ами она не согласна.

мирным противником парламентаризма. Конституция и центральное народное представительство были для него только средством, переходным и временным, к осуществлению союза автономных общин, группирующихся не по государственным, а по национальным, экономическим, областным центрам. Критические замечания о парламентаризме рассеяны всюду в его статьях. Он скептически относился и к всеобщему избирательному праву и не видел в нем никакой гарантии против насилия над правами нации, общины и личности. Драгоманов поддерживал либеральное движение 80-х годов, но сам ни в какой мере не был либералом. Достаточно прочитать его статью „Абсолютизм и капитализм“, „Конституция и народ“ и статью о крестьянском движении в Галиции, чтобы убедиться, как далеко стоял Драгоманов от либерально-буржуазного понимания государства и представительных форм правления. Он враждебно относился к западно-европейской буржуазии, ее партиям, ее идеологии. Он потому и заинтересовался так мелко-буржуазным движением немецких и венгерских антисемитов, что увидел в нем попытку самостоятельной борьбы крестьянства против либеральной буржуазии и против государственно-централистических тенденций немецкой социал-демократической (лассальянской) партии. В Галиции Драгоманов не переставал бороться именно с украинскими либералами, — что вызывало неудовольствие со стороны украинских либералов в России.

Но в „Вольном Слове“ Драгоманов действительно поддерживал русское либеральное движение и выступал против социально-революционного. Поэтому революционная эмиграция, — однако, далеко не вся, относилась к нему, как к „либералу“. Надо сделать при этом существенные оговорки. Драгоманов писал, что необходимо предъявлять теперь только политические требования, а социалистические отложить. Он механически отделил социальную борьбу от политической. Но тоже самое делал и народолюбцы, и некоторые шли даже дальше Драгоманова и публично (в речах на суде) открещивались от социализма. На такой точке зрения стоял и народолюбец Присецкий. Драгоманов указывал не раз, что крутой поворот народолюбчества в сторону политики угрожает якобинством, — политическим радикализмом без социалистической борьбы. С другой стороны, Драгоманов не выступал никогда против революционной борьбы и против народолюбчества в целом. Напротив, он считал неизбежной революционную борьбу, призывал земства к активным выступлениям, обличал их в недостатке решительности и мужества. В статье „Обязательность энергии“ Драгоманов призывал средние слои русского обще-

ства брать примеры с революционеров, учиться у них самоотверженности и энергии. Драгоманов выступил со всей решительностью не против революционности, а против терроризма, против отождествления революции с террором. Но в 80-х годах такое отождествление было всеобщим в революционных кругах, и когда „Группа Освобождения Труда“ попыталась, вслед за Драгомановым отделить понятие революции от понятия террора, по адресу Плеханова посылались такие же обвинения в „либерализме“, „измене“ и т. д. Интеллигенция верила в террор, как в бога, а Драгоманов первый смело стал развенчивать этого бога. Молодежь негодовала, а жрецы предавали дерзкого проклятиям.

1882-ой и 1883-ий годы — это печальные годы в истории русского революционного движения, годы поражений, разброда, измен и внутреннего гниения. Група уцелевших народолюбцев с Тихомировым во главе поддерживала веру в террор, но сам Тихомиров уже замышлял измену. Веры в народ уже не было. Драгоманов это ясно видел, не питал иллюзий и не считал нужным молчанием поддерживать иллюзии в других. Он раньше возлагал надежды на социалистическую молодежь, которая вопреки своим намерениям завоеует политическую свободу. Эта молодежь оказалась несостоятельной. Террор был свидетельством не силы, а бессилия. За массы, за народ действовала небольшая героическая группа. Дальнейшая борьба в этом направлении была бессмысленна и вредна. В ряде статей Драгоманов выступает против молодежи, в особенности учащейся, против ее претензий на политическое руководство.

Однако, у самого Драгоманова была своя иллюзия, и она ввела его в политическую ошибку. Народолюбцы переоценили свои силы и силу террора. Драгоманов переоценил силу земского либерального движения. Ему оно казалось более серьезным, более глубоким и организованным, чем оно было на самом деле. Случайные сообщения из России вводили его в заблуждение. Немалую роль сыграла и мистификация Мальшинского. Драгоманов поддался, повидимому, увлечению, с которым либеральные земцы седили за борьбой придворных кругов. Известно, с какими нетерпением, с какими надеждами ожидало либеральное общество коронации Александра III. Драгоманов знал кое что о паллах гр. Шувалова. Этот сиятельный авантюрист умел привлекать к себе людей, умел внушать веру в себя, — поверил и Драгоманов. Он не видел, что с пораженным революцией повисло в воздухе и либеральное движение, бессильное и пустое без народной поддержки. Как только выяснилось на примере антиеврейских погромов, что социально-революционное влияние в народе ничтожно, поли-

тическая реакция легким пинок сапога сбросила и придворных конституционалистов и либеральных земцев. Судейки расчистила дорогу самодержавию от последних остатков Народной Воли, и на 13 лет замерла Россия под тяжелой рукой Александра III.

Драгоманов дорого заплатил за кратковременное свое увлечение русским "образованным обществом". Из-за него он выдержал ожесточенную кампанию со стороны социалистов разных направлений. Драгоманов не могли простить его прямую и резкую критику программы и тактики социально-революционных организаций, хотя многие с этой критикой по существу были согласны. На саму критику у революционеров еще не хватало решимости. Попустительство антиеврейским погромам, поощрение их, даже призыв к ним—это была роковая ошибка. В ней виновны были все. Плеханов писал о том, в какое негодование пришел он и его друзья-чернопеределцы, когда узнали о погромной прокламации "Народной Воли". Однако, в "Черном Переделе" печатались корреспонденции, немногим отличающиеся от этой прокламации. И такие же корреспонденции, с явным сожалением о том, что социалисты не приняли участия в погrome, печатал Драгоманов в пятой книге "Громады",—печатал как материал, характерный для настроений социалистических кругов. Ошибка слишком резко была в глаза. Не было, однако, мужества открыто в ней признаться и выступить с самокритикой. А Тихомиров и не считал погромного выступления за ошибку и уклонялся от печатания статей по еврейскому вопросу. Только Драгоманов в "Вольном Слове" поставил этот вопрос широко и свободно, печатал выдержки из погромной прокламации и дал ей соответствующую оценку. Драгоманов, по обыкновению, не навязывал никому своего мнения. Он предоставил простор дискуссии. Еврейский националист Рабинович (Бен-Ами) напечатал три большие статьи с резким обличением всех социалистов, в том числе и Драгоманова, в антисемитизме, в сочувствии "убийцам и громилам". Надо признать, что для защиты евреев трудно было сделать выбор писателя, более неудачный. Статьи Бен-Ами крикливы, бессодержательны, полны националистического пафоса и дешевой еврейской апологетики. В противовес им напечатаны такого же рода статьи о новейшем антисемитском движении,—напечатаны, так сказать, "в порядке информации", но с явным сочувствием автора (повидимому, Божидаровича-Веселитского) к антисемитам. Сверх того напечатал две большие статьи Драгоманов. Они написаны объективно, начинаются с социально-экономического анализа современного еврейства в России, рисуют рост еврейской бур-

жуазии и образование еврейского пролетариата,—в общем, развивают подробно мысли, выраженные в воззвании "группы социалистов-евреев" и в послесловии к нему. Драгоманов указывал в своих статьях, что ошибка социалистов в их отношении к погромам связана с народничеством, с бунтарством, а у социалистов украинских—с козацкой романтикой, и что излечиться от этого можно только путем европеизации социализма. Так же резко критиковал Драгоманов еврейских националистов и русских либералов, для которых погромы это только разгул страстей, грабеж, бесчинства. Драгоманов видел в погромах народное движение, вызванное экономической эксплуатацией и политическим гнетом,—слепое и стихийное, беспомощное и разрушительное¹.

В третьей статье Драгоманов обещал указать некоторые практические пути для социалистов в еврейском вопросе. Но третья статья так и не появилась. Мы знаем, что Драгоманов придавал большое значение образованию еврейской социалистической организации. Он писал, что наилучшим средством борьбы против погромов было бы появление в толпе смешанных отрядов из еврейских и русских (или украинских) рабочих. Но с интересом присматривался Драгоманов и к той практической программе, которую венгерские антисемиты, прикидываясь социалистами, рекомендовали крестьянам для борьбы с еврейскими ростовщиками и торговцами. Сюда входили христианские кредитные кооперативы, экономический бойкот, выселение из деревень и т. д. Если и были у Драгоманова колебания, то они в литературной деятельности выражения не получили.

Критика народнических предрассудков в еврейском вопросе не могла нравиться народовольческим кругам. В одном из писем к драгоманову Малышевский говорит, что "Вольное Слово" приобрело среди эмигрантов славу "жидовствующего" органа. В еще большей степени негодовала социалистическая эмиграция на открытую критику террора, на указание недопустимости таких средств борьбы, как "конфискация" казенных и частных денег и на протест против необоснованных и непроверенных обвинений в шпионстве. Статья "Обязательность энергии" переполнила, наконец, чашу терпения. Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод выступили публично, с открытым письмом, требуя ответа.

Статья написана резко, очень резко. Она говорит о том, что Исполнительный комитет претендует на роль будущего правительства России, а между тем и в нем, и вокруг него

¹ См. С. Ефремов. Еврейська справа на Україні. Київ, 1909.

завелись нравы, мало чем отличающиеся от официальных придворных нравов: интриги, обман, подхалимство. В революционной среде явно понижается моральный уровень; поэтому так много предателей в политических процессах последнего времени. „Сколько можно процитировать примеров нетерпимости, мелочной грязи, интриг, взаимного обмана, клевет, истребления, умышленного припрятывания публикаций, изданных не нами и т. д.“ Эта статья была напечатана в № 34 „Вольного Слова“. Существует мнение, что после этой статьи Аксельрод в негодновании порвал отношения с „Вольным Словом“ и послал мотивированный отказ от своего дальнейшего сотрудничества.

Это не так. В следующем № 35-ом напечатана статья Аксельрода. В № 36-ом нет его статьи, но нет и отказа. А в № 37 есть небольшое заявление от редакции, где сказано, что вследствие принципиальных разногласий с Аксельродом, заведывание отделом рабочего движения переходит к другому лицу (бакунисту Н. Жебуневу). Редакция выражает благодарность П. Аксельроду за его работу в „Вольном Слове“.

Теперь, спустя много лет, после имени Тихомирова, после разоблачения Дегаева, после недавнего разоблачения Стефановича,¹ можно сказать, что Драгоманов по существу был совершенно прав. Народовольчество заграничье находилось тогда в стадии сильного разложения. Близкие люди это видели и знали, но молчали, оберегая авторитет партии. Далеко не все были возмущены поэтому указаниями Драгоманова, и прежде всего не был возмущен Аксельрод. По рукам ходил в это время секретный циркуляр Исполнительного комитета о том, что ближайшей задачей является захват власти, и на себя Исполнительный комитет смотрит, как на революционное правительство. Драгоманов знал об этом циркуляре, знал и о том, как отнеслись к нему руководящие круги, особенно чернопеределцы. А. Дейч рассказал теперь подробно об этом в статье „О сближении и разрыве с народовольцами“ („Пролетарская Революция“ 1923, 8 (20)). Этот циркуляр вызвал коллективный протест со стороны видных эмигрантов, при чем Плеханов не мог написать проект, потому что, по словам Дейча, не мог подписать достаточно корректных выражений. А письмо Кравчинского по этому поводу пестрит словами: „ораккулы, начальство“, „амброзия власти“, „власть для власти“ и т. д. В это же время (приблизительно) Стефанович вступил в „Народную Волю“, чтобы „заворвать изнутри“ Исполнитель-

¹ Н. С. Тютчев. Задние у цепного моста. Былое 1918, 10—11. Его же К характеристике В. Я. Стефановича. Былое, 1921, 16.

ный комитет, но был арестован вскоре по приезде в Россию и немедленно же стал предавать революционное движение. О том, что Стефанович способен обманывать, походить и подделывать документы, было известно и до его провала. А затем, уже после того, как чернопеределцы напечатали открытое письмо Драгоманову, разыгралась история с „похищением“ письма Стефановича Дейчу. Письмо это попало в руки Тихомирова и Ошаниной; они его вскрыли и задержали. В приложении к переписке Плеханова с Лавровым в сборнике „Дела и Дни“ (кн. 2) подробно рассказана эта скандальная история, вызвавшая разрыв между народовольцами и чернопеределцами. Плеханов после этого писал Лаврову: „История, по поводу которой мы ездил в Париж (а наша поездка оправдала вполне наши подозрения) отняла у меня всякое уважение не к партии, конечно, а к людям, ее здесь представляющим“.¹ А А. Дейч тогда же писал: „Мне придется обратиться к товарищескому суду, хотя мне этого очень не хочется, потому что подтвердится одно из обвинений, взводимых Драгомановым на народовольцев, что они утаивают чужие документы“.²

В своих воспоминаниях П. Аксельрод так рассказывает о мотивах своего ухода из „Вольного Слова“: „Статья „Обязательность энергии“ в чрезвычайной степени возмутила Засулич, Плеханова и Дейча и сделала для меня крайне затруднительным, чтобы не сказать психологически невозможным, дальнейшее участие в „Вольном Слове“. Я, однако, не сразу решил прекратить свое сотрудничество в этом либеральном органе“. Аксельрод колебался. „Вольное Слово“ давало полную возможность в нем же отвечать на всякую статью о народовольцах, а эта статья особого возмущения у самого Аксельрода не вызвала. Но близкий ему кружок требовал ухода ультимативно: Драгоманов или мы. Кружок ссылался на темные слухи о поддержке „В. Слова“ гр. Игнатьевым. Аксельрод эти слухи с негодованием отвергал. „Руководящая роль Драгоманова в газете исключала для меня возможность верить этим слухам. Да и корректный тон газеты по отношению к революционным фракциям и общее ее содержание противоречит этим слухам... Все это, вместе взятое, в связи с моей личной большой симпатией к Драгоманову было причиной того, что мне довольно трудно было сразу, без всяких колебаний, послать редакции „Вольного Слова“ заявление о решении прекратить свое участие в издании. Но мои ближайшие товарищи

¹ Дела и Дни, кн. 2, стр. 98.

² Пролетарская революция, 1923, № 8 (20), с. 49. Курсы мой. А. 3.

очень настаивали и торопили меня сделать этот шаг⁴, а настойчивость эта, по словам Аксельрода, объяснялась «давней хронической войной моих друзей с Драгомановым из-за его украинфильства».

Наконец, Аксельрод решил уступить давлению друзей и написал мотивированное заявление о выходе своем из «Вольного Слова». Это заявление не появилось в печати по просьбе самого Аксельрода. Оно сохранилось в виде корректурного оттиска, написанное в очень сдержанном тоне и говорит о войне, объявленной «Вольным Словом» социально-революционной партии. 27-го апреля Аксельрод писал Мальшинскому: «Многоуважаемый Аркадий Павлович! Под влиянием последнего письма Михаила Петровича во мне решительно поколебалась уверенность моя относительно основной мысли его статьи, во всяком случае на столько, что я не желал бы брать на себя нравственную ответственность за присланное мной по этому поводу заявление. Поэтому, если еще не поздно, то я вас прошу не печатать его...» Не возражая против заявления редакции о выходе Аксельрода по принципиальным разногласиям, Аксельрод добавляет: «Но чего я не желал бы видеть напечатанным, как мотив к моему выступлению—это охарактеризование статьи «Обязательство энергии» «объявлением войны» и т. п., так как это значило бы с моей стороны не верить категорическим заявлениям М. П. и рисковать при этом впасть в ошибку, которая в данном случае является несправедливостью».

Кроме письма Драгоманова на Аксельрода подействовало письмо С. Кравчинского. Кравчинский занимал видное место в революционной эмиграции, и редакцию «Вестника Народной Воли» предполагалось первоначально составить из трех лиц: Тихомиров, Кравчинский, Пелеханов. Кравчинский с особой чуткостью и требовательностью относился к правам революционной среды. Когда в «Вольном Слове» появилась статья «Обязательство энергии», Кравчинский немедленно написал Драгоманову письмо, чтобы «пожать крепко руку, поблагодарить от души за статью». А П. Аксельроду Кравчинский писал: «Неужели ты не чувствовал, читая ее, сколько в ней жуедей, беспощадной правды? Разве неправда то, что насчет централизма он говорит?» Кравчинский так характеризовал Исполнительный комитет: «Исп. комитет... выразил стремление окружить себя папской непогрешимостью... обнаруживаются самые скверные тенденции, которые в дальнейшем своем развитии должны принести величайший вред партии». Кравчинский требовал от Аксельрода «взять свой протест назад и послать вместо него возражение Драгоманову и снова начать

там работать, как ни в чем не бывало». Это письмо Кравчинского Аксельрод в своих воспоминаниях называет свидетельством «своеобразной индивидуальности и большой независимости и благородства» Кравчинского. И в письме к своим друзьям Аксельрод называ Кравчинского «рыцарем»¹.

«Вольное Слово» под редакцией Драгоманова не ставило своей задачей борьбу с революционным движением и разрушение партии Народной Воли. К этому, возможно, стремился Мальшинский, хотя намерений своего открыто он не проявлял. А Драгоманов в своих письмах к Мальшинскому определенно заявлял, что считает борьбу народовольцев полезной, и что полемика против народовольцев имеет целью только повлиять на них и заставить отказаться от некоторых приемов борьбы. Основной же задачей «Вольного Слова» было создание активного, энергичного, хорошо организованного Земского Союза. Эта идея очень увлекала Драгоманова. Он с удовлетворением отмечал рост успеха «Вольного Слова», усилившийся интерес к нему в России. Драгоманову казалось, что его журнал может стать центром для объединения различных революционных и конституционных течений. К Драгоманову приезжали делегаты из России, заявлявшиеся более тесные связи. Но его ожидало сильнейшее разочарование. Борьба в правительственных и придворных кругах закончилась поражением Священной Дружины. Гр. Шувалов должен был уйти, придворная его карьера была кончена, конституционные замыслы рухнули. На его записке Александр III написал: «Чепуха русского аристократа, не знающего истории и жизни народа». Гр. Шувалов кончил свои дни в опале, удалившимся от «света» помещиком в киевской губернии, владельцем имения Тальное. В небытие превратился и Земский Союз². «Вольное Слово» сразу лишилось материальных средств и прекратило существование. Напрасно Драгоманов призывал немногих друзей продолжать издание, говорил, что стыдно так умирать, указывал на то,

¹ П. Аксельрод. Пережитое и предуманное. с. 417—419.

² Корреспондент Драгоманова из Петербурга, подписавшийся вымышленной фамилией Н. Некрасов сообщал еще: «еще можно упомянуть об одержании Толстым побед над охраной Воронцова-Дашкова («Священной Дружины»—Д. З.), по случаю которой последний чуть не был прогнан. Толстой обвиняет охрану в конституционных вожделениях, которыми прикрыты будто бы сужала охрана; между прочим другими обвинениями Толстой вывадывает на нее и то, что по милости охраны осевообложено человек 20 террористов.—Теперь она расстроилась... Бог с ней, с охраной, туда ей и дороги; однако, благодаря ее составу из людей не особенно мудрых, земцам под ее прикрытием удалось—в своих, конечно, видах—несколько сплотиться. В этом заключается косвенная польза ее деятельности». (Из неопубликованной переписки Драгоманова).

что проповедь „Вольного Слова“ начинает встречать сочувствие в революционных кругах,—в частности чернопередыльцы повторяют кое что из того, что говорил Драгоманов. Ответом ему было мертвое молчание. Замолк наконец и он.

Прекращение „Вольного Слова“ было тяжелым моральным и материальным ударом для Драгоманова. Он остался в совершенном одиночестве,—без печатного органа, без средств, без связей, отрезанный от всей эмиграции, отрезанный и от украинских друзей. „Вольное Слово“ было последним общероссийским выступлением Драгоманова; в дальнейшем его участие в русской политической печати было незначительно и случайно.

„Вольное Слово“ причинило Драгоманову много волнений, забот; взяло у него спокойствие и здоровье. Уже в письмах 1882 и 1883 г.г. Драгоманов неоднократно жалуется на недомогание, на слабость, говорит о необходимости основательно отдохнуть и полечиться. „Вольное Слово“ выбило Драгоманова из колеи его украинских трудов. Ослабели непосредственные связи с киевской „Громадой“, где общероссийская политическая деятельность Драгоманова вызывала неудовольствие у части членов. В промежутке между 1880 и 1883 г.г. Драгоманов издал только один, пятый сборник „Громады“. Он меньше предыдущих, 270 стр. и менее содержателен. Почти вся книга заполнена корреспонденциями. Первая статья „Дорога по Полтавщине в 1876 р.“ почти вся посвящена описанию эксплуатации селянами арендаторами и ростовщиками украинских крестьян. Она не свободна от антисемитских выхонок и вульгарного жаргона. Драгоманову принадлежат две статьи „Козацькі спомини і громадські потреби в Кубанщині“ и „Українські громадівці перед польським соціалізмом“. Интересен обзор, написанный Драгомановым „Українські селяне в неспокійні роки (1880—1882)“. В нем много материалов, характеризующих отношения украинских крестьян к революционному движению, к убийству Александра II, к антисемейским погромам.

Пятый сборник „Громады“ был и последним. Деньги из России от украинских организаций поступали все реже и все более неаккуратно. Начиная с 1879 года Драгоманов и вообще не получал полностью условленных 1600 руб. Были годы, когда приходило всего 800 руб. Работа в „Вольном Слове“ поддерживала Драгоманова и его семью, но для украинских изданий не хватало средств. Наиболее значительной украинской работой Драгоманова за этот период времени является выпуск исторических песен под заглавием „Нові українські пісні про громадські справи“. Это—иллюстрируемый песнями краткий, но чрезвычайно выразительный очерк истории, быта, социальных

отношений украинского народа в 18-ом и 19-ом в.в. О работе Драгоманова для „Новой Всемирной Географии“ Реклю было сказано выше. В иностранных журналах Драгоманов напечатал ряд статей об Украинском общественном и литературном движении; издал со своим предисловием „Марию“ Шевченко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Последние годы (1884—1895).

1. Политическая реакция. Одиночество. Разрыв с „киевлянами“. Материальная нужда.

Словно серый осенний день унылой и тоскливой чередой потянулись восьмидесятые годы. Контр-революционный разгром уничтожил все, что было живого, активного в интеллигенции. Оставшиеся присмирели. После закрытия „Отечественных Записок“ в печати легальной и нелегальной стало совсем пусто. И зачирикали на все лады проповедники „чистой культуры“, свободной от всякой политики, апостолы крахоборства и малых дел. Интеллигенция в спешном порядке „сменяла веки“, и новые веки были в рост общей приниженности, смиренности, угодливого приспособления к существующему порядку. В украинском движении реакция была особенно заметна. Большинство деятелей, в том числе и членов „Старой Громады“, спешило отречься от всякой политики и пропагандировало идею бесцельного и обезвреженного украинского культурничества. Журнал „Киевская Старина“ с уклоном в сторону археологии стал центром литературной работы. Федерализм казался грехом молодости и один становился искренними или неискренними сторонниками русской исторической государственности, другие, немногие, в глубоком разочаровании становились австрофилами, платоническими „самостийниками“, — во всяком случае, заклятыми врагами Московщины. „Москалежство“ чрезвычайно усилилось и в украинской Галиции.

После краха революционного движения царская Россия никому не внушала надежду. Аполитизм и национализм были в украинском движении наследие общего провала.

Тихо было в России, тихо и на Западе. Правда, за этой тишиной скрывалось могучее развитие экономической жизни, выдвигавшее для выступления активную империалистическую буржуазию и организующийся пролетариат. Но видеть это было дано лишь тем, для кого „бытием определялось сознание“. Таких было еще немного, и на прогноз Плеханова для

России смотрели как на чудачество и доктринерство. Всем тем, для кого по сознанию определялось и бытие суждено было pessimistическое брожение, потому что „сознание“ 80-х и начала 90-х годов говорило только об угасании революционных настроений и социалистической мысли.

Это угасание было особенно тяжело переживать в эмиграции, вдали от родины и от живой работы. Общей участи не избежал и Драгоманов. Те годы, когда зарождался русский марксизм, когда под снегом реакции набухали зерна живой революционной и социалистической мысли, были для Драгоманова годами охлаждения революционного темперамента и потери веры в новую, демократическую Россию. Драгоманов сдался не сразу. Еще до 1886 г. он верил, что мертвая полоса скоро пройдет, и начнется новая волна общественного движения. В Киеве и Петербурге были кружки его сторонников, он поддерживал с ними переписку. Приезжали из России земцы, которые говорили о возможности возродить земскую организацию. Идея „Вольной Спілки“ не оставяла Драгоманова. В 1886 г. он издал брошюру „Накануне новых смут“, в которой предсказывал в ближайшем будущем политическое оживление и призывал земские круги к нему готовиться. Только на земство Драгоманов и надеялся. Продолжая следить внимательно за внешней политикой, Драгоманов предвидел возможность, даже неизбежность новой войны, которая должна поставить восточный вопрос в Европе и вопрос о конституции в России. Но в Европе все оставалось спокойно, а в России общественная жизнь все плотнее затягивалась баглатой пленкой. Земство 80-х и 90-х годов целиком ушло в свои будничные дела. Без остатка выветрились те оппозиционные настроения, на которые еще были способны либеральные дворяне в конце 70-х годов.

Одиночество все теснее окружало Драгоманова. И переносить его было вдвойне тяжело из-за материальной нужды. После закрытия „Вольного Слова“ Драгоманов, по его собственному слову, „остался совсем как Робинзон Крузо в богоспасаемой Женеве с 30 фр. на все лето, без обеда, с кредитом в молочной“. Письма Драгоманова этого периода рисуют жизнь, полную лишений; Драгоманов не умел и не любил жаловаться, в денежных делах он был до крайности щепетлив. И все же приходилось писать друзьям и знакомым, просить выручить, дать возможность расплатиться с кредиторами. Старшая дочь Лидия, помощник отца в литературной работе, должна была за отсутствием средств прервать работу для получения бакалавра словесности; Драгоманов вынужден был отказываться от выписки русских и иностранных научных изданий. О спо-

койной ученой работе не приходилось говорить. Значительную часть времени Драгоманов тратил на переводы Мопасана, Кэтуль Мендеса и др. для русских издательств и жаловался на то, что мало этих переводов. Из Киева денег не посылали или посылали ничтожные крохи. Поддерживала сестра, и об этой поддержке Драгоманов писал Франку: «Доі, як би не сестра, то був би кінець,—а в сестри своїх 5 дітей».

Моральные испытания были не легче, чем материальные. Ударом для Драгоманова, ударом незабываемым, оставившим глубокую душевную рану, было письмо от руководителей киевской «Старой Громады». Оно пришло в начале 1886 г. и отражало перемену, происшедшую в кругах украинских общественных деятелей. К сожалению, ни это письмо, ни другие, за ним последовавшие, до сих пор не опубликованы. Киевская Громада отказывалась от дальнейшей поддержки революционных украинских изданий. Умеренные украинские политики все усилили направляли теперь на то, чтобы доказать политическую и национальную благонадежность украинского движения. Они шли даже дальше и в официальной записке, поданной правительству, добивались признания украинской культурной работы на том основании, что она отвлекает молодежь от революции и социализма. Драгоманов как признанный вождь украинства, их теперь компрометировал. Опасными казались не только его политические статьи, но и украинские исторические работы, например, книга о политических песнях украинского народа 18 и 19 веков. В ней шла речь об автономных стремлениях, о казачьей вольности, о федерализме. Авторы письма не затруднились написать Драгоманову, что считают его деятельность «вредной для украинства». Наряду с этим были обвинения в том, что Драгоманов самовольно изменяет характер сборников «Громада», перенес издание на Львова в Женева, где они затерялись среди других революционных изданий; что вообще Драгоманов увлекает пропагандой общих социально-революционных идей в ущерб украинским. Представители киевской «Громады» предлагали Драгоманову на будущее время ограничиться защитой украинского дела в иностранных изданиях и сотрудничеством в русской и украинской легальной печати.

Драгоманов и «киевляне» обменялись несколькими письмами. Драгоманов писал три раза, и каждое его письмо имело вид пространного послания. В особенности, третье, последнее письмо — размером в 60 печатных страниц. Это в действительности очень интересный очерк украинского движения в России и в Галиции в 70-х и начале 80-х годов. Драгоманов остроумно, местами ядовито подсматривает с украинскими либералами и националистами, убедительно доказывает, что изменились они,

а не он; что он остался верен программой декларации 1876 г., напечатанной некогда в «Правде», и попрежнему украинство неразрывно связано для него с демократией. В основном Драгоманов был прав. «Киевляне» мирились с революционностью и социализмом Драгоманова, пока революция шла вверх, внушая страх и уважение. Теперь, когда революция потерпела поражение, они спешили оборвать все нити, которые связывали их с опасной эмиграцией. И как бы ни были основательны упреки в односторонности жевневской «Громады», громадкости и т. д., — в этом было дело. В следующих письмах «киевляне» старались, повидимому, смягчить тяжесть своих обвинений и без особого искусства золотить тяжесть своих обвинений для Драгоманова. Но Драгоманов был не из тех людей, которые дали бы обмануть себя дипломатией. Он принял письмо как «чистую отставку», — и не тешил себя иллюзиями. Ни перспектива идейного одиночества, ни угроза материальных лишений не могли заставить его уступить, пойти на компромисс и отказаться от «политики» в украинском движении. «Считаю отделение культуры от политики одной из некультурнейших выдумок», — говорил он в своем письме и презрительно отзывался о Юзове-Каблице, который проповедывал в русской печати это отделение.

Письма Драгоманова и сейчас трудно читать без волнения: так ярко выражены в них страстная любовь к украинскому движению, и горькая обида вожда, которому изменяет его дружина, и разочарование в людях, и гордое стремление остаться на своем посту, хотя бы и в полном одиночестве. Но Драгоманов готов забыть личную обиду, готов подовать в себе самозабвение. Он просит об одном: поддержать работу по изданию исторических песен, работу, которую он считает не своим, а национальным делом; затем, дать возможность издать полный «Кобзарь» Шевченко. Последнее письмо свое Драгоманов написал в феврале 1887 года, а отослал только через полгода. На этом переписке оборвалась. Киевская «Громада» в большинстве своем отвернулась от Драгоманова и разменила украинское социально-политическое движение на мелочи культурного и археологического украинифильства. Лишь немногие из «стариков» остались верны прежней программе, — среди них Николай Васильевич Ковалевский. Он продолжал поддерживать связи с Женевою, распространял драгомановские издания, собирал деньги. «Стариком» становилось все меньше, и ничтожны были те крохи, которыми поддерживалась загнившей украинская типография, но уже появлялись и молодые «драгомановцы», подрастало новое поколение с новыми требованиями.

Драгоманов оказался в полном одиночестве. И о настроении, которое овладевало им подчас, можно судить по таким словам его в одном из писем к Франко: „Іноді зовсім об'єктивно бачу можливість нервного удару або скода з ума. А коли приходить думка стрибнути в Рону, то вірте, не так дити, як 3-й випуск політичних пісень вдержують“. Все невгоди життяи побеждал Драгоманов своим живым темпераментом, — неискаемым источником активности и оптимизма, и глубокой верой в национальную важность своего труда. Он продолжал работу, не зная, когда она увидит свет. „Пишу мышам на с'єденіє“, — говорил Драгоманов. Вместе с ним, так же самоотверженно и так же бескорыстно, работал Кузьма. Украинская типография не могла оплачивать его труда. Для заработка Кузьма взял работу в маленькой еврейской типографии и там весь день с 6-ти часов утра набирал и печатал билеты для конно-железной дороги. А вечером в украинской типографии набирал „Кобзаря“ и отдал стереотипы на свои деньги. На квартиру не хватало средств, и Кузьма жил в проходной комнате и в кабинете у Драгоманова.

„Кобзарю“ не удалось увидеть свет. Незакончена была и работа, которую начал Драгоманов по предложению оставшихся на прежней позиции „киевляни“. Предложение это имело в виду историю украинской литературы 19-го в. „такого же характера, как и статья о Шевченко“. Задумывалась, таким образом, история литературы в связи с историей социальных и политических отношений, с радикальной переоценкой существовавших суждений, преимущественно националистических. Драгоманов расширил предложение. По его мысли весь труд должен был распадаться на три части: 1) судьба украинской речи в связи с историей национального самосознания и общественного движения с IX по XIX в.; 2) устная (народная) словесность на Украине; 3) письменная литература на укр. яз. с XVI в. по XIX в. Открыки из задуманной работы, главным образом по истории украинского фольклора, Драгоманов печатал в различных изданиях, русских и иностранных. Отчасти это вошло в материалы по истории украинской литературы, изданные после его смерти. Драгоманов так определяет в своей „Автобиографии“ задачи и метод, которыми он руководился в подготовительной громадной работе по собиранию этнографического материала: „до цієї пори навіть самі найученіші українські дослідники народньої словесности (напр., Костомаров) зовсім не прикладали до неї європейського порівнявчого методу й дивилися на неї як на цілком самотутній продукт місцевого національного ґрунту... Я вважав потрібним прикладанням космополітичного порівнявчого методу хоча би до одної

частини культурного українського матеріалу протистати вузько-націоналістичному настроїв українофільських гуртків, яке розвинулось серед них в зв'язку з загальною в Росії „самотутницькою“ реакцією“. Таким образом те же задачи, которым служил в украинской политике: борьба с национализмом, стремление вывести украинскую мысль из тесного круга национальной обособленности на широкий простор общих европейских понятий.

2. Участие в украинской и русской легальной печати. Отношение к марксизму.

Время сгладило остроту политических разногласий между украинскими течениями в Галиции, и новые издания, возникавшие в Львове, старались привлечь к сотрудничеству Драгоманова. В сборниках „Ватра“ и „Товариш“ были напечатаны статьи его и на общие и на культурно-этнографические темы. В 1888 году под новой редакцией возобновлен был журнал „Правда“. В нем принимал участие некоторые, более радикальные члены киевской „Громады“, журнал должен был обслуживать и русскую Украину; во главе редакции стал известный украинский деятель и литератор Александр Яковлевич Кониский. Предполагалось постоянное и ближайшее сотрудничество Драгоманова. Он даже написал по просьбе редакции программную статью. Но с первых же номеров намечалась сильная националистическая и оппортунистическая струя в журнале. Драгоманов отказался от дальнейшего в нем участия. С горечью наблюдал он, как компромиссные настроения охватывают молодежь, в том числе его друзей и учеников. Одиночество на строго выдержанной демократической позиции не всем было под силу; тщетно убеждал и уговаривал Драгоманов Ив. Франко, — талантливый писателя всекако на национал-либералам. Он не понимал и не разделял строгости Драгоманова. Переписка их принимала подчас острый, полемический характер. Франко жаловался на нетерпимость Драгоманова, на его нежелание считаться с мнениями и убеждениями противника. Впоследствии Франко сам признал, что был прав Драгоманова, а не он, и что кажущаяся нетерпимость Драгоманова была только выражением его моральной и принципиальной устойчивости. Несмотря на живой интерес Драгоманова ко всем вопросам галицкой общественности, он не мог до начала 90-х годов принять в ней постоянного и непосредственного участия. Заявлялись отношения с литераторскими

предприятиями и по общему правду обрывались из-за беззаботного обращения галицких журналистов и писателей с основными требованиями демократической программы и еще из-за их некультурности. В своих письмах Драгоманов не переставал почтять литературную братию Галиции правилами элементарной корректности. Драгоманов был сотрудником ряда европейских изданий. Работы по истории фольклора доставили ему почетную известность в ученом мире. Но обращаясь в редакции галицких изданий, он словно попадал в захолустный городок австрийской провинции. С редакцией „Зори“ Драгоманов разошелся из-за шовинистического и некультурного отношения галицких журналистов к русской литературе, к вопросу о напечатании письма Тургенева к Драгоманову об украинской литературе. Среди причин, вызвавших разрыв с „Правдой“, точно так же не малую роль играло „москалежерство“. Драгоманов не мог примириться с огудной бранью всего русского, с ненавистью ко всей России. „После москалежерства начнется ляхожерство, жидоедство“, — писал он, мотивируя свой уход из „Правды“.

Глубокий интерес к русской культуре, к русской демократии сохранился в Драгоманове, несмотря на разочарование от русской революции и от социально-революционной интеллигенции. Он ознакомился с богатым архивом Герцена и частью разработал его. Это была дань тому уважению, с которым он всегда относился к Герцену, Огареву, Бакунину. Под редакцией Драгоманова и с его примечаниями вышли отдельными изданиями „Письма Кавелина и Тургенева к Герцену“ и „Письма Бакунина к Герцену и Огареву“. Кроме того на основании своих работ Драгоманов написал позже биографический очерк о Бакуине. В жизни и деятельности Бакунина Драгоманов видел яркую иллюстрацию того, как европейский социализм на русской почве отравил культурную зрелость народа. Несмотря на неполноту материалов, которыми располагал Драгоманов, и односторонность освещения борьбы Бакунина с Марксом, — очерк Драгоманова сохраняет до сих пор литературный интерес.

Драгоманов возобновил работу в русских легальных изданиях и напечатал ряд статей по вопросам этнографии, истории, народной литературы и современной жизни Галиции в „Вестнике Европы“, „Киевской Старине“, „Северном Вестнике“, „Русском Богатстве“. Под своим именем выступать нельзя было; нельзя было даже писать своим почерком. Журналы боялись опасного сотрудника, хотя писал он только на литературные темы. Драгоманов подписывал свои статьи псевдонимами М. Толмачев, М. Кузьмичевский, М. Петрик, Г. Цветков-

ский, Р. Яр. Рукописи переписывала дочь Лидия. Бдительную цензуру не всегда удавалось обмануть, выдавал себя стилист Драгоманова, да и не было секретом в литературных кругах, кто это „наш уважаемый ученый М. Кузьмичевский“. Наибольшую робость проявляла редакция „Киевской Старины“. Она даже запрашивала цензуру, можно ли печатать статьи Драгоманова, подписанные другим именем. Затруднения возникли для Драгоманова, когда Лидия Михайловна вышла замуж за болгарина И. Шишманова и уехала с ним в София. Трудно было найти переписчика. „Давать чужому переписывать — раскроется псевдоним“, — жаловался Драгоманов.

Научная работа поглощала теперь почти все время Драгоманова, свободное от посторонних занятий для заработка. Он встречался очень редко с русскими эмигрантами, не бывал на собраниях русской колонии, и когда появлялся однажды на докладе, который читал Пеханов, это обратило на себя внимание. Драгоманов даже выступил с возражениями, — как всегда, спокойными и корректными. Они тем не менее вызвали шум и протесты, и разволновалась больше всех председатель Н. Жуковский, который кричал: „вот опять являются к нам люди, вносящие всюду споры и раздоры“. Так рассказывает об этом эпизоде Л. Дейч. Драгоманов сблизился за это время с швейцарскими учеными. Профессора Фогт и Шифф, бывшие в дружеских отношениях еще с Герценом, считали и Драгоманова своим другом. В кружке женевской молодежи разных национальностей Драгоманов читал лекции по истории культуры и народной литературы.

Политика отошла на второй план, — не потому, чтобы Драгоманов остыл к ней, а потому что для нее оставалось мало места в общественной жизни. Старая эмиграция изживала себя, новая еще не народилась. Драгоманов откликнулся, однако, на каждый призыв к политическому действию. Он все ожидал, что оживет земское движение. Действительно, в 1887 г. группа земских деятелей в Москве с В. Гольдцем во главе пыталась возродить нелегальную земскую организацию. В Женеву приехали делегаты, возникла газета „Самоуправление“, и для первого ее номера Драгоманов написал программную небольшую статью о политической свободе, как о „первой потребности в России, которая должна быть удовлетворена“. Журнал ставил своей задачей объединение всех революционных течений, стоящих на почве борьбы за политическую свободу, и в первом номере было напечатано письмо в редакцию Пеханова, Аксельрода, Засулич. Драгоманов писал Франко, что дело с изданием российского органа с децентралистским направлением подвигается. Однако, ему помешали аресты в

Москве, причем среди других был арестован и Гольцев. «Самоуправление» прекратилось. Через два года Бурцеву и Дебогорию-Мокривичу удалось наладить издание другого журнала с такими же задачами. Называлось оно «Свободная Россия», и вышел его три номера. Драгоманов принял в нем живое участие, и в первом номере напечатал большую статью «Либерализм и земство в России», — критический очерк земского движения. Если не Драгоманову одному принадлежит программная статья в первом номере, то написана она при его ближайшем содействии. Центральным ее местом является обоснование важности политической свободы для социалистического движения. «Политическая свобода сама по себе благо», — говорится в статье, — «кроме того она важна для каждого социалиста уже и потому, что без нее немислимо не только разрешение экономических вопросов в духе социализма, но даже серьезная постановка их. Еще недавно мы игнорировали политику ради экономики, теперь мы не можем даже говорить об одновременном преследовании этих задач... Теперь перед нами главной задачей является вопрос политический». Драгоманову и теперь неясна была связь между экономической борьбой пролетариата и политическими требованиями, — та связь, которую так отчетливо устанавливал Плеханов в своей брошюре «Социализм и политическая борьба». В 80-х годах она казалась еще схематической и нереальной. Понадобилось пятнадцать лет живого опыта рабочего движения, чтобы теоретическое предвидение Плеханова стало основной практической директивой. Да и то до самого последнего времени вопрос о взаимоотношении экономического и политического моментов в классовой борьбе вызывал споры среди марксистов.

Драгоманов присутствовал при рождении русской марксистской мысли. После появления в «Самоуправлении» письма Плеханова, Аксельрода и Засулич распространился и заграницей и в России слух о сближении группы «Освобождения Труда» с «реакционером Драгомановым». Так толковали народолюбивые круги появление в программе первых русских социал-демократов полного демократического дикла политических требований вплоть до парламента. Несомненно и Драгоманов находил в первых марксистских брошюрах «Освобождения Труда» и, позже, в журнале «Социал-демократ» много таких мыслей, за которые ему жестоко доставалось в печати от бывших чернопеределывцев. Во всяком случае, он с большим интересом и совсем не враждебно следил за развитием русского марксизма. Он рекомендовал брошюры Плеханова петроградскому кружку «социалистов-федералистов», с которыми поддерживал письменные сношения. Драгоманова в осо-

бенности интересовал общий пересмотр основ русского народничества, предпринятый Плехановым. Критика русского «самобытичества», элементов славянофильства в социализме, веры в «особые пути» развития России, — ко всему этому Драгоманов не мог отнестись иначе, как с глубоким сочувствием. Его радовало то, что марксисты решились подойти со свободной критикой к Чернышевскому; еще недавно это почиталось «оскорблением величества».

В критике народничества пути марксистов и Драгоманова совпадали; в отставании политической борьбы и ее значения для социализма, если не совпадали, то и не расходились так резко. Это давало повод Драгоманову неоднократно упоминать в своих письмах к Друзьям, что русские марксисты повторяют его слова. Это не совсем верно. Марксисты повторяли, да не так. Драгоманову всегда чужой и непонятной оставалась историко-философская сторона и марксизма и экономической его теории. Он и не придавал этому особого значения. Он считал обычным русским доктринерством веру марксистов в пролетариат. Поклонник эмпирической реальности, он не понимал, как можно построить политическую программу на движении рабочего класса, который еще только нарождался, как крупная социальная сила, в промышленных центрах Восточной России, и которого еще почти не было в земледельческой Украине. Этот скептицизм Драгоманова давал ему возможность подметить слабую сторону раннего русского марксизма: несколько пренебрежительное отношение к «мужику». Драгоманов находил, что после увлечения народничеством марксисты слишком перегибают палку в другую сторону. И еще одно немаловажное для Драгоманова обстоятельство отдаляло его от группы «Освобождения Труда». Из европейских социалистов на русских марксистов наибольшее влияние оказывали немецкие социал-демократы, а к ним Драгоманов относился враждебно из-за их централистических тенденций в национальном вопросе и из-за преклонения перед государством. Прудонская закуска прочно держалась в Драгоманове. Он насмешливо относился к тому, что русские социал-демократы поспешили включить парламентаризм в свою программу. «Как будто завтра Плеханов и Аксельрод будут баллотировать». Но, действительно, русская социал-демократия долго, вплоть до революции 1917 г., не дооценивала значения национального вопроса в России, и только после октябрьского переворота федеративный принцип в национальном строительстве бывшей Российской империи получил формальное признание в конституции СССР.

В русском марксизме и в пролетариате России Драгоманов не распознал грядущей революционной силы. Вера в эту силу заставила Плеханова с особым вниманием присматриваться к начинавшим уже возникать рабочим социал-демократическим кружкам. В них было будущее. Взгляд Драгоманова скользил добродушительно мимо них и останавливался на «образованном обществе». Но это общество не откликалось.

3. Переезд в Софию. Украинская радикальная партия. Болезнь. Смерть.

Коренной перелом в жизни и деятельности Драгоманова, к сожалению, слишком запоздавший, связан с 1889-ым годом. Болгарское правительство пригласило Драгоманова на кафедру всеобщей истории в Высшей Школе в Софии. Осенью он туда переехал. Полоса материальной нужды, небезопасности, поисков заработков кончилась. Драгоманов вернулся к той работе, для которой он в сущности был создан: к чтению лекций, к занятиям в ученом своем кабинете. Правда, это была профессорская деятельность на чужбине, на чужом языке. Драгоманов читал свои лекции по-русски, студенты переводили его записки на болгарский язык. Под конец Драгоманов овладел и болгарским языком. Лекции его пользовались большим успехом, он сам окружен был вниманием и любовью слушателей. Совет Высшей Школы и болгарское министерство народного просвещения дорожили его научной и педагогической работой. Русскому правительству не удалось настоять на удалении Драгоманова. По истечении первых трех лет контракт с Драгомановым был продолжен. Конечно, это не была еще подлинная твердая почва под ногами, и до конца не проходило у Драгоманова впечатление будто он на бивуаке. Значительная часть его женеваской библиотеки осталась непере перевезенной, а та, что была перевезена, лежала в ящиках. Квартира была тесна и неудобна. Лекции свои Драгоманов читал с интересом и увлечением; болансь помещала ему осуществить учебные планы. Все-же не в области всеобщей истории лежали его главные научные интересы, и большой труд по истории украинской литературы так и остался незаконченным. Университетская работа и болезнь не оставляли для него достаточно времени. Драгоманов продолжал писать на свои излюбленные темы и печатал статьи по истории народного творчества в «Журнале (болгарского) министерства народн. просвещения», в русских журналах, в иностранных изданиях. Продолжал он и в Софии работу, начатую в Женеве, над материалами архива Герцена.

Но еще большее значение, чем переезд в Софию, имело для Драгоманова другое событие, связанное тоже с 1889 г. Это—образование в Галиции «русско-украинской радикальной партии».

К концу 80-х годов галицкой национал-либерализм, олицетворенный партией «народовцев», успел завершить полный цикл своего развития и скомпрометировал себя окончательно в радикальных кругах формальным соглашением, «угодой», с польской шляхтой, с реакционным духовенством и немецким правительством. Наиболее покладистые из сторонников Драгоманова, как Франко, убедились на опыте, что он был прав, предостерегая от сближения с народоуцами. «Правда» стала органом откровенного шовинизма и принципиального руссофобства. Враждебным украинству был объявлен не только русский царизм, но и весь русский народ,—его интеллигенция, его литература. Параллельно с литературной войной против социализма и против демократии шли антидемократические выступления народовцев на избирательных кампаниях в парламент и в сейм. Украинские народоуцы выступали на выборах вместе с польскими помещиками и попами против украинских крестьян. В связи с предположениями о возможной войне между Россией и Австрией впервые популярной стала идея объединения Украины, австрийской и русской, в составе Австрии. Это «австрофильство» нашло отклик и в русской Украине, где наиболее лояльные профессора, доказывавшие недавно, что украинское движение ничуть не опасно,—напротив,—полезно, для русского самодержавия, теперь втайне воспылали австрофильским патриотизмом. Воскресла при этом случае старая теория руссофоба Духинского о том, что русские не славяне, а монголы, люди низшей расы, неспособные к культурному развитию.

Это реакционное движение, известное в Галиции под именем «новой эры», довольно скоро выдохлось. Оно имело ту хорошую сторону, что оттолкнуло от «народовцев» демократические элементы партии и ускорило процесс образования самостоятельной крестьянской радикальной партии. Во главе ее стояли Павлик и Франко. Драгоманов принимал в организации непосредственное участие. Переписка его за это время полна живого интереса. Радикальная партия была первым удавшимся опытом приложения в жизни теоретических положений Драгоманова, подлинным его идейным детищем. В 1891 г. радикальная партия обзавелась двумя журналами, выходившими 2 раза в месяц: «Народ» и «Хлібороб». Драгоманов был деятельным сотрудником «Народа», почти в каждом номере он помещал свои статьи и заметки, а в письмах к ре-

докторам давал подробные редакционные указания. Ему приходилось входить во все мелочи и мирить между собой Павлика и Франко, непрерывно между собой спорившихся. „Народ“ играл значительную роль в украинском движении не только Галиции, а и русской Украины. Одно время его можно было свободно выписывать, потом жандармы спохватились и при обысках номер „Народа“ считался опасной уликой.

Партия называлась „радикальной“. Ее конечной целью являлся социализм, даже „научный социализм“, — коллективная организация труда и коллективная собственность на орудия производства. Но в практической части программа отличалась умеренностью. Партия противопоставляла себя на практике партиям буржуазным и либеральным. Рабочих в Галиции было тогда еще мало, деятельность свою партия развивала исключительно среди крестьян, а крестьяне-русины проделывали только первую, подготовительную стадию своего политического развития. Программа партии содержит только конкретные, понятные, близкие крестьянству требования. Отдельные пункты говорят о подходящем прогрессивном налоге, о мерах к охране крестьянского надела и имущества, о наделении земель безземельных, о дешевом государственном кредите; из политических требований — о всеобщем и равном избирательном праве, свободе печати, преподавании в школе на украинском языке. Партия не ограничивалась политической пропагандой. Она устраивала „Народні Спілки“, — просветительно-экономические общества на кооперативных началах. В общем это скромная программа и практика партии крестьянской бедноты и деревенской мелкой буржуазии. Но дело было не в словах и не в программах. Первые же выступления партии на крестьянских собраниях обнаружали ее классовый характер и глубоко всколыхнули народное болото. Партию немедленно обвинили в социализме, революционности и москвофильстве. Против нее объединились все реакционные силы, митрополит Сембратович предал анафеме „Народ“, на собраниях правительственные комиссары не давали ораторам радикальной партии говорить и угрожали арестом. Партия была слаба интеллигентными силами, но завоевала очень скоро симпатии крестьян и стала популярна в самых глухих углах Галиции. Даже в уездных Карпатах возникла „Гуцульская спілка“. Значительную помощь партии и „Народу“ оказывали русские украинцы. Н. В. Ковалевский собирал для журнала деньги, привлекал сотрудников.

Драгоманов полагал, что партия должна начать с вопросов близких и понятных крестьянину и рабочему. Теоретической пропаганде социализма он отводил второе место. Он был

убежденным социалистом, но социалистом того крыла, которое впоследствии стало известно под именем „ревизионизма“. Английское и французское рабочее движение, проникнутое духом тред-юнионизма и синдикализма, было ему ближе, чем насыщенная теоретическим марксизмом германская социал-демократия. Любопытно письмо, написанное Ю. Яворскому в 1891 г. в ответ на запрос об источниках для знакомства с социализмом. Драгоманов рекомендовал женевский „Социал-Демократ“, — орган „Группы Освобождения Труда“. Но при этом написал: „Я только не думаю, чтобы соц.-дем. и вообще русская социалистическая печать была очень полезна для Галичины, потому что она или слишком абстрактна или специально российская и даже кружковая. Вам нужны европейские социалистические идеи, пожалуй к тому еще склонность к крестьянству (которая не в моде теперь у русских соц.-дем.) и все это, приспособленное к специальным австрийским, а отчасти и галицким условиям. Я посоветовал бы, знаете, обратить внимание больше всего на Ирландию и Бельгию. Первая любопытна для нас по своим аграрным делам и по умению организовать крестьян, а вторая — по связи социальной агитации с политической и по тому, как валлоны и фламандцы общества ведут агитацию среди рабочих, наконец, и по тому, что социалистическая агитация идет там рядом с практической кооперацией“. Эти слова, а также перечень рекомендуемых социалистических изданий, свидетельствуют о том внимании, с каким Драгоманов следил за рабочим социалистическим движением в Европе. И предупреждая на несколько лет Бернштейна с его крылатым выражением: „для меня движение — все, цель — ничто“, Драгоманов говорит: „8-ми часовой рабочий день важнее, чем споры о формах коллективизма“¹.

Драгоманов писал много в „Народе“ и на разные темы. Выделяются по своему значению статьи, вышедшие затем и отдельными брошюрами: „Чудацькі думки про українську національну справу“ и „Лісти на Наддніпрянську Україну“. Многие в этих статьях устарело. Они были задуманы и выполнены не как цельное сочинение по заранее составленному плану. Драгоманов писал их от номера к номеру, откликался попутно на полемические выпады противников, затрагивая по обыкновению много вопросов, имеющих лишь косвенное отношение к главной теме. И все же эти статьи не потеряли и в наше время интереса, почти злободневного; в украинской публицистике это до сих пор, пожалуй, наиболее сильные, яркие страницы, направленные против национализма, шовинизма, не-

¹ Переписка, т. 1, с. 23.

законного вторжения национальной романтики в политику и в социализм. В этих статьях Драгоманов дал генеральный бой националистической реакции, охватившей украинское движение после разгрома революции 80-х годов. Б. Кистяковский совершенно прав, называя эти статьи Драгоманова „лучшим, наиболее продуманным и зрелым из всего написанного М. П.“

Драгоманов не оставил нам теоретического труда по национальному вопросу, разработанного всесторонне и систематически. Но в его статьях „Историческая Польша и великорусская демократия“ и в статьях, написанных для „Народа“ содержатся все основные мысли, признанные и оправданные в последнее время марксистской теорией национального вопроса. Надо было прежде всего добиться признания важности этого вопроса и разбить якобы революционные предрассудки наимного космополитизма. Это сделано в „Исторической Польше“. Жесткая критика социалистического „русопетства“ сохранила свою ценность и для нашего времени. Вряд ли кто позволит себе теперь серьезно сомневаться в правах и значении украинского языка. Централизм российский сохранился на практике и не скоро будет изжит в психологии, в привычках. Но из теории, из публицистики он изгнан.

Защита прав национальностей, даже и самой малой, борьба за права украинского народа достались Драгоманову в русской литературе славу националиста. А националистическая украинская реакция поведла против него ожесточенную войну, как против космополита, москвофила и т. д.

В „Чудацких думках“ Драгоманов устанавливает положение основное: нет самоденных, абсолютных, неизменных „национальных святинь“, „национального духа“, которыми можно оперировать в противоположность общим задачам социализма, культуры, политики. Эти задачи в основном одинаковы для всех народов, ни для одного они не могут быть чужими. Но каждый народ лучше всего осуществляет их через свои национальные формы, через свой язык, на своей территории, при своем самоуправлении. Эти формы должны быть конкретны, должны отвечать реальным условиям. Никак нельзя представлять Драгоманова принципиальным сторонником украинской державной самостоятельности, как нельзя делать из него и проповедника русского государственного единства. Для него ни та, ни другая государственная форма не была абсолютом. В исторических условиях русской до-революционной государственности он не видел никаких оснований для борьбы за украинское „самостояительство“, тем паче за „австрофильство“. Поэтому он считал борьбу с Россией, не с русским правительством, вредной, реакционной. Он резко выступал

против националистического „москалежества“, против дешевых и невежественных „исторических концепций, доказывающих, что Москва всегда только тем и занималась, что душила Украину, а украинский народ всегда боролся против Москвы. Драгоманов яркими историческими примерами показывал, что Россия помогала выполнить Украине то, что было ее исторической задачей: свое освобождение от турецко-татарской азиатчины. Национальное украинское движение не случайно, а сознательно шло на союз с Москвой. Это диктовалось мощными экономическим и социально-политическими интересами. В позднейшее время русский язык и русская демократическая литература сыграли огромную и положительную роль в развитии украинского национального движения и в России, и в Галиции. Драгоманов ядовито высмеивал тех украинских националистов, которые в чтении русских книг, в интересе и любви к русской литературе видели опасность для украинства, требовали от молодежи, чтобы она повернулась спиной к России и отучал от украинства всех, кто писал по русски, в том числе и Гоголя, Костомарова, Драгоманова. Не будучи марксистом, Драгоманов проводил классовую точку зрения в полемике с украинскими националистами. Вы говорите, писал он, что „москаль“ общий враг для поляков и украинцев. Какой „москаль“? Для каких поляков и украинцев? Если говорить о русском правительстве, то оно враг не только для польского и украинского, но и для значительной части русского народа. А в польском народе шляхта враждебна украинским крестьянам. Если же речь идет о подданном народе, о рабочих и крестьянах, то нет вражды между трудящимися России, Украины и Польши.

Написанные живо, остроумно, с подлинным знанием истории обще-европейской и украинской, статьи Драгоманова в свое время производили сильное впечатление на читателей, в особенности на молодежь. Многим они открыли глаза. Надо пожалеть о том, что долгое время затем они остались неизвестны украинской публике. То, чего так опасался Драгоманов, осуществилось на деле. Буйный расцвет шовинизма и козацкой романтики не принял бы таких размеров, если бы украинское движение нашего времени проникнуто было реализмом Драгоманова. Свои мысли в 1891 г. он назвал „чудацкими“. Чудаком он показался бы и в наше время.

Если бы не болезнь, которая постепенно и неумолимо овладевала Драгомановым, девятиные годы можно было бы назвать расцветом его деятельности. В часы, свободные от мучительных припадков, он бывал оживлен, энергичен, хорошо настроен. Он не тяготился даже тем, что жить ему приходится на чуж-

бине,— до такой степени втянулся он в полное хлопот и борьбы украинское дело в Галиции. Украинскому движению в России он придавал теперь меньше значения. Культурные токи, которые шли раньше с востока на запад, теперь, напротив возвращались с запада на восток, от Львова до Киева. Выросли новые украинские силы, научные, культурные и политические, и Галиция становилась идейным центром для всей Украины.

В России началась в это время подъем общественного движения. Рабочий класс потянулся со сна в мощных забастовочных движениях, пугавших правительство и возбудивших революционные надежды в интеллигенции. В университетах бродила молодежь. Известия об этом доходили до Драгоманова. Он знал, что в городах Украины образовались «драгомановские» кружки, которые выписывают «Народ», читают старые книжки «Громады». Из воспоминаний П. Тучапского, М. Могиланского и др. мы знаем, какое значение имел Драгоманов в предрасветное время русской революции. Он первый помог украинской молодежи оформить в едином синтезе социалистические и национальные стремления.

Однако, сам Драгоманов скептически относился к новому революционному подъему в России. Он не верил ни в рабочий класс России, ни в ее молодежь; вернее, он недооценивал силы их движения. После смерти Александра III Драгоманов напечатал в «Народе» статью «Старые нужды перед новым царем». В этой статье он снова призвал к активному выступлению земства, полагая на них главную надежду в борьбе за политическую свободу. Драгоманов не обнаружил в статье ни знания текущей русской жизни, ни проницательности, ни чуткости. Он писал: «Чем скорее и энергичнее возьмутся за это (за борьбу Д. З.) более солидные по своему положению и возрасту граждане, тем, лучше будет. Если же снова эти граждане допустят опередить себя молодежи, то опять дела затянутся на прежний лад». Драгоманов не хотел видеть, что «солидные люди» в России были сделаны из того же материала, что и «солидные люди» в Галиции, с которыми он вел борьбу. Без сильного народного движения русский либерализм не решался шевельнуть оппозиционно, не то что ружья, а даже языком, и понадобилось жертвенное шествие рабочих Петрограда в памятный день 9-го января, чтобы развязался и этот скованный робостью либеральный язык. Это было единственное литературное выступление Драгоманова по поводу революционного движения в России. Он сознательно устранился от него. Живой интерес проявлял Драгоманов к сектантскому (баптистскому) движению в России. Борьбе с церковью он отводил всегда видное место в просветительной работе. Рационализм

был для него такой же видной составной частью революционного мышления, как и позитивизм и социализм. Драгоманов написал несколько популярных брошюр о религии: «Віра і громадські справи», «Про братство християнів», «Евангельська віра в старій Англії», «Оповідання про заздрих богів», «Рай і поступ». К серии популярных брошюр, написанных Драгомановым в это время, относятся еще издание начал республикански-федерального строя: «Шістьсот років швейцарської вільності» и «Старі хартії вільності». Чрезвычайно интересны автобиографические «Австро-руські спомини», вышедшие в 90-х г.г. четырьмя небольшими томиками.

Новые явления в социалистическом мире России были непонятны Драгоманову. Марксизм от литературной работы небольшого заграничного кружка переходил к организации социал-демократической рабочей партии. Нелегальные кружки множились повсюду. А в легальной печати, пробывая цензурную кору, разгорались споры марксистов с народниками. На Украине они наши подготовленную Драгомановым почву; критика илюзий и предрассудков народничества была здесь знакомой многим. Но требовалась и положительная программа социалистической деятельности; Драгомановская молодежь нуждалась в руководстве и ждала его,— от Драгоманова нельзя было его получить. И начинается переход драгомановцев в лагерь марксистов¹. Драгоманов относился к этому переходу нейтрально и терпимо. Он не разделял взглядов марксизма, но видел в нем влиятельное течение в социализме. Первое русское издание «Коммунистического манифеста» было напечатано в типографии «Народа». Связь первых социал-демократических кружков на Украине с драгомановскими кружками не подлежит сомнению. Драгоманов расчистил на Украине дорогу для марксизма и подготовил для него почву.

В известном своем, неоднократно цитированном письме к Б. Кистяковскому, Драгоманов писал (в феврале 1895 года): «Что касается вашего „марксизма“, то откинувши небольшую мою ко всяким партийным клочкам от собственных имен (филиппы, акулиновцы, федосеевцы и т. д.), если вы стоите за важность и даже преимущество горожан, то я сам бы таким „марксистом“, когда все были народниками (сч. мою статью о Шевченко в четвертом т. „Громады“). Если вы прибавляете к этому, что теперь в России на селе ничего нельзя сделать, то я не могу возражать против этого. Я только против исключительности, против того, что вчерашние „чернопеределцы“,

¹ См. П. Тучапский. Из пережитого. Одесса, 1923. М. Могиланский. Деяностые годы. Бюлет. № 23.

как щедринский помещик, молятся богу, чтобы „мужика встретить“... А что до политической программы то я теперь для России говорю одно: надо добиваться политической свободы. А какими собственно способами, в это я не вдаюсь, потому что далеко стою от деталей жизни в России...”

Марксам подступал к Драгоманову не только в России. Он требовал категорического ответа и в Галиции. Радикальная партия выполнила первоначальную свою задачу: она пробудила политическое сознание масс в Галиции, дала толчок к оформлению крестьянской организации. Но вставали новые и более сложные задачи. Все громче заявляло о себе галицко-украинский пролетариат. В городах возникали польские социал-демократические организации, привлекавшие к себе и украинских рабочих. Параллельно с пропагандой социализма шла бессознательная и сознательная колонизация. А в деревне интересы крестьянской мелкой буржуазии не совпадали с интересами сельскохозяйственного пролетариата. Радикальная с самого начала партия неоднородна была по своему составу. В ней уживались рядом три течения: социал-демократическое в лице Ю. Бачинского, крестьянски-социалистическое в лице Павлика и радикально-националистическое в лице Окуевского. Авторитет Драгоманова скреплял верхи партии. Фактически руководимый им „Народ“ давал перевес центральному, представляемому Павликом течению. Мирное сожительство нарушено было прежде всего разногласиями с Окуевским. Социализм для него и для его сторонников был словесным, никак ему не обязывающим, — не только бесподобным, но и вредным украшением программы. Молодежь из буржуазной среды поддерживала Окуевского. Фактически правое крыло радикальной партии самоопределялось, как ядро будущей национал-демократии.

С другой стороны неопределенность и бесформенность социалистической части программы не могла удовлетворить марксистов, находившихся под влиянием немецкой соц.-дем. литературы. Новая социалистическая молодежь Галиции тяготела уже не к России и ее революционно-социалистическому движению, а к западу. Это тоже отделяло „молодых“ от Драгоманова. Не случайно первым марксистским опытом Ю. Бачинского была брошюра „Україна і рідення“ в защиту полной государственной независимости Украины и отделения ее от России. Драгоманов не мог избежать споров с марксистами в своей партии. „Ваша статья, — писал он Бачинскому в июле 1894 года — страдает доктринерством определенной школы. Вы знаете, я не согласен с философией истории и политики исключительно экономической, потому что считаю ее своего рода метафизикой, а человеческую жизнь слишком сложной, чтобы

можно было объяснять ее только одним элементом. Но я ничего не имею и против односторонней доктрины, если она ведет к исследованию новых фактов. На беду марксисты, или правильнее энгельсисты редко когда исследуют, а просто априори чертят исторические и политические фигуры, часто совсем фантастические. Так делайте и вы“...

Авторитет вождя не мог примирить враждующих в партии „молодых“ и „старых“. Раскол намечался слишком отчетливо и произошел вслед за смертью Драгоманова. Но незадолго до этого партия в последний раз объединилась общим порывом на праздновании юбилея Драгоманова. Это было партийное празднование, но превратилось оно в национальное событие. Даже противники Драгоманова не сочли для себя возможным уклониться от него. На митинг, устроенный в Львове 16-го декабря 1894 года, собрались крестьяне из всех углов Галиции. Интеллигенты тонули среди живописной крестьянской массы, привлеченной именем Драгоманова. За митингом последовало торжество открытия нового просветительного общества „Поступ“, затем — собрание, посвященное непосредственно чествованию Драгоманова. Откликнулись приветствиями, адресами, телеграммами вся культурная, политическая, научная Галиция. Русско-украинские организации выступали анонимно. „Громады“ университетских городов приветствовали Драгоманова, не упоминя о разногласиях, которые произошли между ним и украинскими либералами. Драгоманов не присутствовал на своем юбилее. Он прислал письмо, в котором говорил, что Галиция спасла его от моральной беды эмиграции и беспечности, а эта моральная беда угрожала ему после того как „вредной“ была признана его деятельность не только политической, но и по изданию исторических песен украинского народа. Из русских социалистов откликнулись на юбилей только лондонские эмигранты Степняк, Ф. Воховской, Лазарев. Они писали: „Сознательно или бессознательно, охотно или затывая уши, русские революционеры почти всей своей массой идут по тому пути, который Драгоманов предвидел и не переставал указывать с первых дней своего появления за границей“. Социалистические ноты звучат в приветствии молодежи одного из университетских городов русской Украины.

Павлик задумал собрать и издать все речи, приветствия и телеграммы на юбилее Драгоманова. Сборник был готов, когда пришлось присоединить к нему вторую часть: смерть и похороны Драгоманова.

Первые симптомы болезни, которая свела Драгоманова в могилу, появились еще в Женеве. Он по временам испытывал такую слабость, что шутя говорил в письмах знакомым о близ-

кой смерти. В 1890 г. болезнь обострилась. Врачи определили аневризму аорты, запретили временно читать лекции, заниматься политикой и публицистикой. Живая натура Драгоманова не выносила таких запретов. Едва наступало улучшение он снова писал статьи, письма, волновался, спорил, мирил ссорящихся. Обычная шутливость, мягкий юмор никогда не покидали его. Иногда Драгоманов совсем терял голос, неделями должен был лежать, испытывая тяжкие боли. Потом набрасывался снова на работу. Но состояние все ухудшалось, профессорская деятельность становилась невозможной...

В четверг 20-го июня 1895 года Драгоманов по обыкновению с утра отправился в университет, где у него в этот день был семинарий по истории сев.-зап. народов. Студент читал доклад, Драгоманов сделал несколько замечаний и предупредил, что в ближайшую субботу читать лекцию не будет по нездоровью и еще потому, что занят в комиссии по организации народной библиотеки. Как всегда, Драгоманов шутит; несмотря на слабость, был настроен бодро. Вернувшись домой, Драгоманов прилег на постель, беседовав с доктором Миндесом, переводчиком на немецкий яз. переписки Герцена с друзьями... В 5½ часов внезапно умер.

По его желанию, похороны должны были происходить без церковных обрядов. Драгоманов был убежденным атеистом и борьбе с предрассудками религиозности придавал особое значение. Но Болгария не знает гражданских похорон, и впереди траурной процессии шел лютеранский пастор.

Драгоманова хоронили болгарские студенты и профессора. Гроб сопровождала болгарская интеллигенция и небольшая русско-еврейская колония в Софии. Узнав о смерти, Франко и Павлик немедленно выехали в Софию. На границе их задержали паспортные формальности и на похороны они не поспели. Из украинцев речь над могилой произнес П. Вартовий (Гринченко). Из полемических статей против Вартового составилась брошюра Драгоманова „Листи на наддніпрянську Україну“.

Из друзей и сотрудников Драгоманова Мих. Павлик умер в 1916 году, Яв. Франко — в 1916, Антон Ляховский („Кузьма“) — в 1918. Жена Драгоманова, Людмила Михайловна, в 1918 г.

Алфавитный указатель имен

А.

Арсеньев, К. К.—34.
Антонович, В. (проф.)—39, 60.
Аксельрод—56, 68, 83, 91-2, 94, 103-4, 107, 113-4-5, 128, 131-2-3-4-5, 139-40-1-2-3, 153-4-5.

Алсов, П.—101.

Александр II—11, 71, 79, 104, 123, 144
Александр III—101, 123-4, 126, 137-8, 163.

Б.

Белтов-Пашков—14.
Бакунин—32, 47, 50-1, 53, 67, 84, 95, 103, 118, 131, 133, 152.

Бисмарк—44, 76.

Бебель—44.

Бобринский—11, 47.

Брежневская, Е.—56.

Богучарский, В.—57, 67, 83, 114, 128.

Барвинский—64.

Боголюбов—80.

Бернштейн—79, 102, 122.

Бел-Ами (Рабинович)—84, 128, 133, 135, 138.

Бардина—96.

Балабанов, М.—99.

Бухбиндер, Н. А.—111.

Божидарович—130, 138.

Бурдев—153.

Бачинский, Ю.—164.

В.

Вальтер—11.

Вавек—13, 15.

Валуев—16.

Вордаль—19.

Васильчиков, А., кн.—34-5.

Вырубов—34.

Воловской—56, 74, 165.

Волков—60.

Вояк—61, 116, 120.

Волошенко—68, 82.
Вейлер, Арон—112.
Веллер—101.
Вовчок, М.—119.
Василевский, Ф.—120.
Вартовский, П.—166.

Г.

Гоголь—7, 161.
Герцен—11, 16-6, 18-9-20, 26, 32, 66, 102, 135, 152-3.

Гизо—14, 42.

Гегель—41.

Газенклеввер—44.

Гансевич—64.

Гаддстон—77.

Гейкин—80.

Гартман, А.—101.

Гутерман—101.

Грушевский, М.—102.

Горинский—195.

Гедель—104.

Гольцев, В. А.—125, 129, 153.

Григорьев—131.

Гурович—132.

Д.

Добролюбов—16, 25-6-7.
Дебогорий-Мокричев, В.—18, 32, 53, 56, 78, 84, 128, 154.

Димет—39.

Духинский—52.

Джабадари—53.

Дейч, А.—58, 88, 83-4, 90, 94, 103-4, 107-8-9, 113-4, 128, 133, 139-40-41, 153.

Давидович—68.

Дрейтсальн—70, 131.

Д Израели—77.

Достоевский—104.

Дмитриевский—114.

Детлев—126, 132.

Дундук-Корсаков—70, 72.

Е.

Ерошенко—68.
Ефремов, С.—114, 128.

Ж.

де-Жирарден, С. М.—36.
Желабов—56, 57, 67-8, 91, 102, 125.
Жуковский—86, 94.
Желания—88.
Жеманов—101, 129.
Жебунев, Н.—133.

З.

Зивер, Н. И.—33, 61, 71, 133.
Зорге, Ф.—76, 95.
Засадский—80, 99, 131.
Засулич, В.—80, 83, 91-2, 96, 103-4,
107-8, 113, 128, 139, 153-4.

И.

Игнатъев, граф—126, 129, 141.
Иагоев, А.—128.

К.

Костомаров—11, 16, 70.
Куани—15-6, 70, 119.
Корш—30.
Каракозов—32-3, 36.
Катков—36.
Князковский, А.—40.
Князковский, Б. А.—40, 103, 121, 128-9,
159, 163.
Конт—41.
Качал—48.
Кантемир—48.
Колодевич—56.
Ковалев—56.
Квятковский—67.
Кравчинский-Степняк—68, 80, 81, 83,
92, 94, 140, 142.
Короб, А. (Привылова)—68, 128.
Краутский, К.—79.
Колосов, Е.—79.
Котларевский—80.
Ковальский—80, 116.
Короленко, В.—85.
Кутузова—101.
Кавгор, Р. М.—111.
Кибальнич—125.
Ковалевский, Н. В.—149, 158.
Кавелин—152.

Л.

Кузмицкий, М.—152-3.
Костомаров—161.
Камеиц—68.

М.

Мухоморов—9.
Лободов—28.
Лавров, П.—32, 50-1-2-3, 79, 83, 102-
3-4, 120, 125, 128, 141.
Либкнехт, К.—44, 77, 79.
Лассал—45, 56, 98.
Ловинский, В.—56.
Людendorф—59, 82.
Линдварев—59.
Лисенко—60.
Липановский—74, 75, 108.
Левин, Г.—79.
Лефранс—86.
Ландоцкий, А. М. (Кузума)—86-7, 101,
120, 127, 150, 166.
Лорис-Меликов—126.
Лазарев—165.

Н.

Максимович—9.
Металинский—9.
Монтеские—11.
Михайловский, Н.—13, 32, 78-9.
Маколей—14.
Михайлов—16.
Мероладский—19.
Маркс, К.—33, 45, 51, 65, 76-7-8, 95,
123, 152.
Масад—36.
Мозжич—43.
Михальчук—60.
Молчанов—61.
Маркович, С.—67.
Муравьев—71, 104.
Меркулов—71.
Меринг, Ф.—77.
Мельцер—80-1.
Морозов—101.
Мирный, Панас—116.
Мальшинский, А.—127, 129, 131, 132-3,
139, 142-3.
Мальшевский—130.
Могилевский, М.—162.
Мишус—166.

Н.

Науменко, В.—21.
Нечасв—32, 118.

Ноблиани—104.
Николай I—10.
Некрасов—104.

О.

Огарев—67, 84, 131, 152.
Олеинский, В.—80, 82.
Овсяннико-Кузковский, Д.—85, 120,
128, 133.
Ошанин—125, 141.
Окуневский—164.

П.

Полевич, К. И.—11.
Прудон—11, 59.
Павлов, проф.—11, 16, 18, 22-3.
Прескотт—14.
Пирогов—15, 18, 22, 25-6-7, 30-1, 69.
Паван, М.—49, 63, 75, 84, 103, 114,
116, 120-1, 127, 133, 157-8, 161.
Пугачев—51, 97, 98.
Подольский, С.—52, 54, 61, 63, 74, 90,
102, 116, 120, 122, 127.
Петрункевич—59, 82, 117.
Паханов, Г. В.—91-2-3, 96, 103-4, 107,
113, 115, 123, 125, 128, 134, 138-9,
141, 146, 153, 154-5-6.
Пушкин—104.
Павленко—120.
Перовская, С.—125.
Присецкий, И.—133-4.
Петрин, М.—152.

Р.

де-Роберги—34.
Рудаченко—37, 60, 71.
Робертус—45.
Разин, С.—51, 97-8, 118.
Русов—60.
Радак—86, 94, 101, 114.
Реклю—86, 126.
Романенко, Г.—126.
Рысаев—11.

С.

Стефан (прадед Др-ва)—8.
Срезневский—9.
Стронин, А. И.—11-2-3-4-5, 27-8.
Сен-Симон—11.
Скотт-Вальтер—15.
Селин (проф.)—18.

Суд. Е. (Судовицкий)—26.
Стасов, В. В.—34.
Суворин, А.—34, 74.
Свердлович—56, 58, 94, 97, 104, 107,
113, 115, 131, 140, 141.
Сувкиевич—64.
Сажин—68.
Стамбулов—67.
Соловьев—81, 116.
Судейкин—126, 129.
Смольский (генерал)—128, 129, 130.
Сидорашкин—131.
Сембрасович (митрополит)—159.
Степняк—165.
Стефанов, Я.—131.

Т.

Толстой, Д.—69, 70-1.
Терещинский, О.—74-5.
Трепов—80, 96.
Тихомиров—91, 92, 125, 137, 138.
Ткачев—102.
Тютчев, Н. С.—140.
Тургенев—152.
Томачев, М.—152.
Тучапский, П.—162.

Ф.

Фурье—11.
Франко, И.—49, 63, 75, 84, 114, 148,
150-1, 153, 157-8, 166.
Фиггер, В.—53.
Федькович—64.
Фомин—1, 1.
Фогт (проф.)—153.

Ц.

Цыцкии—8.
Цветковский, Г.—152.

Ч.

Черкезов, В.—7, 101, 114.
Чернышевский—16, 42, 56, 67, 103.
Чаковский—33.
Чубинский, П. (проф.)—60, 71.

Ш.

Шевченко, Т.—11, 16, 20, 24, 39, 52,
53, 93, 97, 116, 119, 149, 163.
Шассер—14.

Шульгин, В. Я. (проф.)—16, 18, 24,
31, 61.
Шурицкий-Шахматов, кн.—30, 35, 38.
Швейдер—44.
Шульгин, Я. Н.—74.
Шувалов, П., кн.—124-5, 128-9-30, *132,
135, 137, 144.
Шимшинов, И.—128, 153.
Шиффер (проф.)—153.

щ.

Щапов—11.
Щеголов, С.—72.

э.

Энгельс, Ф.—76, 95.
Эпидин—101, 129.
Эвсниц—101.

ю.

Юзефович—70-1-2.

я.

Яким (дед Др.—ва)—8.
Яворский—84, 1591

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	стр. 5
Глава первая. „Детские годы“ (1841—1859)	
1. В родном доме	7
2. В гимназии	10
Глава вторая. „Студенческие годы“ (1859—1863).	
1. Веяния времени	16
2. Польское восстание	18
3. Украинифильство	21
4. Воскресные школы	22
5. Полемика с Добролюбовым	25
6. Политическая реакция	27
Глава третья. „Ученая и педагогическая деятельность“ (1863—1870).	
1. Внешние условия	30
2. Работа в „С.-Петербургских Ведомостях“	33
3. Украинская культурная работа	36
4. Диссертация	40
Глава четвертая. „Заграничная командировка, политические связи, ан- тетуральная деятельность“ (1870—1876).	
1. В Германии и Австрии	43
2. Русские социалысты в Цюрихе	50
3. Народничество	55
4. Киевская „Громада“ и путешествие по Галиции	60
5. Публицистика. Еврейский вопрос	65
6. Славянское движение	66
7. Исключение из университета по „третьему пункту“	69
Глава пятая. „В эмиграции“ (1876—1881).	
1. Первоначальные планы. Преследование социалстов в Галиции	73
2. Русско-Турецкая война	76

	стр.
3. Революционное движение в России. Террор	79
4. Драгоманов в Женеве. Личные черты	82
5. Политические брошюры-памфлеты 1876—1877 г.г.	86
6. Социалистические и федералистические взгляды Драгоманова	90
7. Драгоманов и русское народничество. Борьба с террористическими настроениями	95
8. Разногласия с русскими соц.-рев. кругами. Польский вопрос. Вильна сплка. Группа социалистов евреев. Разрыв с черно-пердельцами	107
9. Сборник „Громада“. Украинская литературная и культурная работа	115

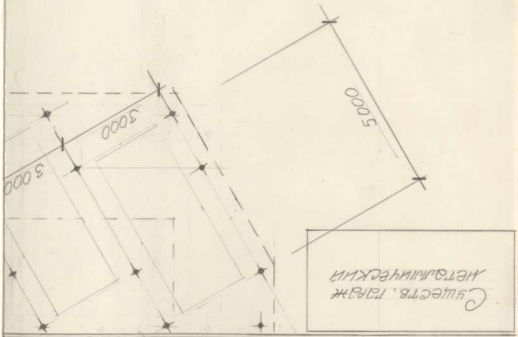
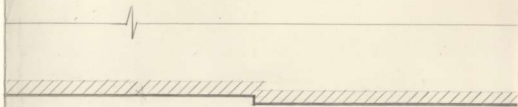
Глава шестая. „Вольное слово“ (1881—1883).

1. Убийство Александра II. Священная дружина. Еврейские погромы	123
2. Как возникло „Вольное слово“. А. П. Мамшевский	126
3. „Вольное слово“ и земское движение. Борьба с терроризмом. „Обязательность энергии“, конец „Вольного слова“	132

Глава седьмая. „Последние годы“ (1884—1895).

1. Политическая реакция. Одночество. Разрыв с „Киевлянами“. Материальная нужда	146
2. Участие в украинской и русской легальной печати. Отношение к марксизму	151
3. Переезд в Софию. Украинская радикальная партия, Болевин. Смерть	156

Алфавитный указатель имен	167
Объяснение	171



12650

